

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА БОЛЬШИЕ КНИГИ

Валентин
Черных

МОСКВА
СЛЕЗАМ
НЕ ВЕРИТ

« А З Б У К А »

18+

Русская литература. Большие книги

Валентин Черных

Москва слезам не верит (сборник)

«Азбука-Аттикус»

2017

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Черных В. К.

Москва слезам не верит (сборник) / В. К. Черных — «Азбука-Аттикус», 2017 — (Русская литература. Большие книги)

ISBN 978-5-389-12792-0

По сценариям Валентина Константиновича Черных (1935–2012) снято множество фильмов, вошедших в золотой фонд российского кино: «Москва слезам не верит» (премия «Оскар»-1981), «Выйти замуж за капитана», «Женщин обижать не рекомендуется», «Культпоход в театр», «Свои». Лучшие режиссеры страны (Владимир Меньшов, Виталий Мельников, Валерий Рубинчик, Дмитрий Месхиев) сотрудничали с этим замечательным автором. Творчество В. К. Черных многогранно и разнообразно, он всегда внимателен к приметам времени, идет ли речь о войне или брежневском застое, о перестройке или реалиях девяностых. Однако особенно популярными стали фильмы, посвященные женщинам: тому, как они ищут свою любовь, борются с судьбой, стремятся завоевать достойное место в жизни. А из романа «Москва слезам не верит», созданного В. К. Черных на основе собственного сценария, читатель узнает о героинях знаменитой киноленты немало нового и неожиданного! Содержит нецензурную брань

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-12792-0

© Черных В. К., 2017
© Азбука-Аттикус, 2017

Содержание

Москва слезам не верит	6
Глава 1	6
Глава 2	20
Глава 3	39
Глава 4	50
Глава 5	69
Глава 6	85
Глава 7	95
Глава 8	111
20 лет спустя	121
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Валентин Черных

Москва слезам не верит

© В. Черных (наследник), 2017

© Оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство АЗБУКА®

Москва слезам не верит

Глава 1

Списки поступивших в химико-технологический институт были вывешены в фойе перед актовым залом. Возле них толпились абитуриенты. От стендов со списками многие отходили энергично-решительно – они уже студенты, значит, жизнь на пять лет вперед определена.

Катерина протиснулась, нашла фамилии на «Т», мгновенно вобрала их взглядом. Были Тихонов, Тишков, Тахадзе, Тимурзалиев, Тагизаде, Татарцева. Она еще раз медленно прошла по списку, читая каждую фамилию от начала до конца, могли ведь поставить не точно по алфавиту. Дважды прочитав весь список, отошла. Фамилии «Тихомирова» не было. Можно возвращаться в общежитие. Катерина проваливалась уже второй раз. Теперь оставалось позвонить и сообщить о случившемся. Она прошла мимо нескольких телефонов-автоматов, оттягивая неприятный разговор, потом остановилась, решила и набрала номер.

– Академик Тихомиров, – ответили ей громко и быстро.

Академик сразу задавал тон: излагайте конкретно, по существу и коротко.

– Я провалилась, – сообщила Катерина.

– Какой проходной балл? – спросил Тихомиров.

– Двадцать два.

– Сколько набрала ты?

– Двадцать один.

– Приезжай, – почти приказал Тихомиров.

– Я буду поступать в следующем году, – начала было Катерина.

– Приезжай, – повторил Тихомиров и повесил трубку.

Академик Тихомиров был ее родственником. Отец Катерины доводился ему племянником.

В прошлом году, уезжая в Москву поступать в институт, Катерина запретила отцу писать об этом академику. Училась она хорошо, лучше почти всех в классе, во всяком случае девчонка, и представляла, как уже студенткой подойдет к Тихомирову в институте и скажет:

– Я – Катя Тихомирова, дочь Александра Ивановича Тихомирова из Красногорода.

Академиком в Красногородске гордились. В городском музее стоял стенд с его портретом, двумя его книгами, тремя брошюрами и краткой биографической справкой. Более знаменитым из красногородских был только генерал Стругалев, который погиб в битве за Берлин. Именем Стругалева называли улицу и крахмало-паточный завод. В музее под стеклом лежала фуражка Стругалева, его ордена и пистолет «ТТ».

Тихомиров в Красногородск не приезжал уже больше двадцати лет, а родственники из провинции к нему заезжали, оставались ночевать. Но это было раньше, при первой жене Тихомирова и на старой квартире. Потом он развелся с женой (тоже родом из Красногорода), женился на москвичке, стал академиком, получил квартиру в высотном доме, и родственники перестали у него бывать. Новая жена завела новый порядок. Чтобы переночевать у академика, надо было заранее, не менее чем за месяц, написать письмо, предупредить о приезде и получить ответ, что вас ждут. Некоторые пытались игнорировать эти правила, без предупреждения прямо с вокзала ехали в высотный дом. Их поили чаем, расспрашивали о родственниках, но ночевать не оставляли.

Катерина позвонила Тихомировым только через полгода после того, как в первый раз провалилась на вступительных экзаменах. Она уже жила в общежитии, работала штамповщи-

цей на фабрике металлической галантереи, о чем и сообщила академику. Он и в тот раз, как сегодня, коротко приказал:

– Приезжай!

Тогда она вошла впервые в московскую квартиру, которая для нее стала и мечтой, и образцом. В трех комнатах стояла мебель, которую она видела только в иностранных фильмах. Потом, не сразу конечно, в одном из разговоров с женой Тихомирова Изабеллой она узнала, что мебель и была иностранной. Тихомиров привозил ее из Львова, из Риги: немецкие серванты, настоящие венские стулья. Кожаные кресла он купил в Самборе, на Западной Украине, после войны, когда все еще жили голодно, мебель продавали дешево. Во время войны – а Тихомиров был сапером – он побывал в Германии, жил в домах, в которых добротная мебель стояла веками, и сказал себе однажды: и у меня будет такая. Он всегда ставил перед собой конкретные цели и добивался их. Как только появились деньги, стал покупать мебель – не антикварную, но добротную, конца прошлого века или начала нынешнего, которой в России сохранилось немного. Ее сожгли в помещичьих усадьбах в первые годы революции, растащили по коммунальным квартирам и не хотели продавать ни за какие деньги: мебели в стране делали мало, в основном для контор, казарм, общежитий.

Катерине все это еще предстоит узнать, когда она начнет обставлять мебелью собственную квартиру. Правда, к тому времени все станет проще. Появятся готовые гарнитуры: «гостиная», «спальня», «кухня». Их бросятся покупать, и во многих квартирах будут стоять стандартные стенки, стандартные кресла, ножки от которых выпадали уже через год. Функционально задуманные диван-кровати раскладывались с трудом, основательность и прочность исчезали из жизни. У Тихомирова и через двадцать лет стояла прежняя мебель, и она не выходила из моды, а новая – с ее геометрическими резкими пропорциями – устаревала, ломалась, и при жизни человек менял ее несколько раз. А ведь мебель, как и дома, должны служить, и когда-то служили, нескольким поколениям. Получая в наследство комод или шкаф, человек знал, что ему не надо будет беспокоиться о новом комоде или шкафе всю оставшуюся жизнь. И мебель даже перейдет к его детям и внукам.

Катерина вошла в громадный холл, поздоровалась с вахтершей.

Прошла к лифту, не останавливаясь, как это делал Тихомиров, и вахтерша ответила ей уже вслед: «Добрый день» – и не спросила, к кому она идет. Вряд ли ее запомнили – у Тихомировых она бывала редко, – подействовала, вероятно, уверенность, с какой здороваются только жильцы. Да и одеждой Катерина не отличалась от девушек из этого дома: модная юбка-«колокол», белая кофточка, туфли на каблуках, не высоких и не низких, удобных для ходьбы по улицам. Она присматривалась к обуви московских женщин: они не экономили на туфлях, покупали в основном чешские или румынские, которые в последние годы появились в московских магазинах и отличались от грубоватых советских.

Дверь открыла Изабелла, подбадривающе улыбнулась – за этот год у них установились доверительные отношения. У Тихомирова не было детей, и Изабелле после сорока вдруг захотелось воспитывать и передавать другим свой опыт. Выяснив, что Катерина не болтлива, она многое рассказывала ей о московской жизни, правда, никогда не говорила о себе. Она всегда ссылалась на опыт подруг и обычно начинала: «Был такой случай с одной моей подружкой...»

– Обедать будешь? – предложила Изабелла.

– Спасибо. Если только чайку.

Изабелла принесла чай в кабинет Тихомирова. Академик сел во вращающееся кресло за столом, Катерина на диванчик, Изабелла устроилась в кресле.

– Я звонил в деканат, – сообщил Тихомиров. – Сейчас уже ничего сделать невозможно.

– Я знаю, – подтвердила Катерина. – Буду поступать на следующий год.

Тихомировы переглянулись.

– А почему именно химия? – поинтересовался Тихомиров.

– Мне нравится химия, – ответила Катерина.

– А почему не сельскохозяйственный, не педагогический, не медицинский, строительный, полиграфический? Есть еще как минимум три тысячи замечательных профессий. Ты хочешь заниматься химией как наукой?

– Я еще не знаю, – призналась Катерина.

– Или ты хочешь стать химиком-технологом? Ты была хоть раз на химзаводе или комбинате?

– Не была.

– Я тебе устрою экскурсию, – пообещал Тихомиров. – И это, может быть, раз и навсегда отобьет у тебя охоту заниматься химией.

– Может быть, на филологический? – предложила Изабелла. – У меня там есть знакомые. Можно нанять репетиторов, и за год тебя натаскают.

– Мне это неинтересно. Я люблю физику, химию, математику, – ответила Катерина.

– Поразительно, – искренне удивилась Изабелла. – Я в этом ничего не понимаю. Никогда не понимала. С пятого класса списывала у наших мальчишек и домашние задания, и контрольные.

– Я всегда решала сама, – сказала Катерина. – Но вы ведь стали химиком, и вам это нравится? – Катерина смотрела на академика, не очень понимая, к чему этот разговор.

– У меня так получилось. – Тихомиров помолчал, размышляя, наверное, стоит ли быть откровенным. – Я мог стать кем угодно: метростроевцем, инженером, офицером, летчиком. Но я попал на строительство химкомбината, закончил вечернюю школу, стал рабфаковцем. Химкомбинат дал мне направление в химико-технологический институт. С таким же успехом я мог попасть в военное училище, в строительный институт. Я только в институте понял, что такое химия. Тогда особенно не задумывались над тем, что, выбирая профессию, выбираешь себе жизнь. Хотелось только выучиться чему-нибудь.

– А я знаю, почему Катерина хочет быть химиком, – включилась Изабелла.

Она подошла к схеме. На стене кабинета висел большой лист картона с родословной Тихомировых, которая начиналась с 1790 года. Вначале, правда, шли Кирилловы, Александровы, Ивановы. В русских деревнях не было постоянных фамилий. Сын Кирилла становился Кирилловым, а дети его сына Александра уже Александровыми. Первый Тихомиров был зафиксирован в родословной в 1870 году как мещанин Красногородска. От него шли ответвления. На дочерях линия Тихомировых заканчивалась вместе с переменной фамилии. Академик отслеживал только родственников с фамилией Тихомиров. Среди них были военные, но не выше подполковника, строители, зоотехники, учителя – обычный набор профессий, которые выбирают сельские школьники. В Москве среди Тихомировых были начальник главка, водитель автобуса, начальник районного отделения милиции; был кружок, куда академик вписал и Катерину, обозначив только год рождения, ожидая, вероятно, когда Катерина определится с профессией.

– И почему же химиком? – обратился академик к Изабелле.

– А ты будто не догадываешься? – улыбнулась Изабелла. – Кто самый знаменитый из Тихомировых? Ты. А кто ты? Химик. И девочка решила, что она пойдет по уже проверенной дорожке. И связи будут, и подтолкнуть могут, особенно вначале, и от ошибок предостерегут. Это нормально. Если бы этого не было, надо было бы организовывать самому. Лучшее продолжение дела – семейное продолжение. Мне кажется, ты мало что сделал, чтобы ей помочь.

– Она была на контроле, – возразил Тихомиров, – но ты права. Можно было сделать и больше. Она второй раз не добывает баллов по литературе и языку. Надо, значит, брать репетиторов.

– Я сама подготовлюсь, – заверила Тихомировых Катерина.

– Если бы можно было готовиться самим, то не было бы репетиторов, а они существуют уже несколько столетий. Зачем пренебрегать опытом человечества? Ты это возьмешь на себя? – спросил Тихомиров Изабеллу.

Та кивнула.

– Все. Я завтра выступаю оппонентом на защите докторской диссертации. Мне надо подготовиться. Остальные вопросы в следующий раз. – Тихомиров придвинул к себе толстую папку с рукописью.

Катерина с Изабеллой ушли на кухню. Изабелла заварила кофе, достала бутылку ликера, плеснула себе и девушке в рюмки. Катерина попыталась отказаться.

– Тебе это сейчас надо, – посоветовала Изабелла. – Успокаивает и приводит мысли в соответствие с ситуацией.

Они пили кофе с ликером. Катерине и впрямь стало легче и веселее. Изабелла закурила сигарету, предложила Катерине. Катерина уже пробовала несколько раз курить, но у нее не получалось, першило в горле. Она взяла необычно длинную сигарету с фильтром. Изабелла щелкнула зажигалкой. Катерина затаилась и не закашлялась. Голова приятно закружилась.

– Первый раз куришь?

– Первый, – призналась Катерина.

– Будем считать, что в последний. Никотин меняет цвет лица. К тому же многие мужчины считают, что целовать курящую женщину – все равно что пепельницу. – Изабелла отобрала у Катерины сигарету. – У тебя есть парень?

– Нет, – ответила Катерина, но поправились: – Нет постоянного, ухаживают многие, ну, не многие, но два-три парня есть. Наверное, я им нравлюсь.

– Наверное, – согласилась Изабелла, – но знаешь, какую самую большую глупость ты можешь совершить?

– Какую?

– Выйти замуж за одного из этих троих, которым ты нравишься.

– Я не собираюсь замуж, – заверила Катерина Изабеллу. – Я вначале хочу поступить в институт, закончить его.

– Если хочешь выбраться из той жизни, какой ты живешь, можно все, кроме замужества. Выйдешь замуж, пойдут дети, и уже никакого института тебе не видать. А те ребята, которые за тобой ухаживают, они кто? Маляры? Штукатуры? Каменщики?

– Один – сантехник, один – шофер.

– Одной тебе мы еще сможем помочь, – заметила Изабелла, – но тянуть еще и сантехника, и двоих детей, которых ты ему родишь, – сантехники всегда хотят как минимум двоих. Если родишь девочку, то обязательно нужен еще и мальчик, наследник, так сказать. Хотя что наследовать-то? Комнату в общежитии и две пары ботинок – одни на работу, другие на выход по воскресеньям! – Изабелла долила в рюмки ликеру себе и Катерине. – А ты с кем спишь – с сантехником или с шофером?

Катерина не сразу поняла вопрос, а поняв, почувствовала, что краснеет, и поспешно ответила:

– Ни с кем.

– Это довольно приятное занятие – спать с мужиками. Не со всеми, правда. Но если будет уж очень невтерпеж и не устоишь, предохраняйся. Я тебе дам таблетки.

– Спасибо. Не надо, – заверила ее Катерина.

– Надо, – твердо сказала Изабелла.

– Я пойду. – Катерина поднялась.

– Осенью начнешь заниматься с репетитором по языку и литературе, – заявила, как об уже решенном, Изабелла. – Я заплачу. У меня к тебе просьба. Мы едем на юг в санаторий. Ты сможешь пожить у нас в квартире, пока мы будем в Ялте? Надо поливать цветы и выгуливать

Чапу два раза в день: утром и вечером. У нас вечная проблема с собакой. Академик вырос среди собак, свиней и коз.

– Конечно, я поживу, – заверила ее Катерина. – Можете не беспокоиться.

– Я и не беспокоюсь, – улыбнулась Изабелла.

В прихожей она взяла с полочки под зеркалом свою сумочку, достала яркий пакетик и протянула Катерине.

– Что это? – спросила Катерина.

– Противозачаточные.

– Мне не надо. Не надо!

– Возьми, – потребовала Изабелла. – За пятнадцать минут до начала акта. И не в рот, а, – Изабелла распахнула полы халата и ткнула в низ живота, – сюда. Вначале немного пощиплет. Не обращай внимания.

– Но я не планирую никакого акта до свадьбы. А она пока не предвидится.

– Ну как знаешь, – усмехнулась Изабелла. – Но я бы на твоём месте не зарекалась.

Катерина вышла из высотного дома и заспешила в метро. Она уже переняла привычку москвичей экономить время на транспорте, но вдруг осознала, что спешить особенно некуда. Раньше после работы она бежала в библиотеку, через три-четыре часа неслась из библиотеки в общежитие, ужинала кефиром с булочкой и ложилась спать. Рабочий день на фабрике начинался в восемь утра, сорок минут уходило на дорогу, столько же нужно было, чтобы одеться и позавтракать. Катерина вставала в шесть. Она старалась лечь пораньше, потому что если спала меньше восьми часов, то после работы на фабрике ей хотелось прилечь и поспать хотя бы час, а это означало, что она не попадала в библиотеку. Теперь все закончилось, во всяком случае на время, пока Изабелла не найдет репетиторов.

Катерина не заметила, как вошла в привычный свой ритм, она уже неслась к метро, лавируя среди прохожих, которые никуда не торопились в этот теплый летний вечер. Остановись, приказала она себе. И не вошла в метро, а присела на скамейку, чтобы обдумать случившееся. Раньше все было просто. Надо было закончить школу и поступить в институт – это главное. Но ведь даже если она поступит в институт – это только оттяжка на четыре года. А где жить потом? Молодые специалисты, закончившие институт, получали в общежитии привилегию – отдельную комнату. Но потом они женились, рождались дети, и в одной комнате жили втроем и вчетвером по десять лет, пока не получали постоянную московскую прописку. Тогда их ставили на очередь. В отдельные квартиры переселялись ближе к пятидесяти, когда у сыновей и дочерей появлялись свои дети, и отдельная квартира, о которой мечтали всю жизнь, превращалась снова в общежитие.

Посидев на скамейке в невеселых этих размышлениях, Катерина вошла наконец в метро. В вагоне напротив сидели двое парней лет по семнадцать. Они явно рассматривали ее. Катерина машинально одернула юбку, парни усмехнулись, – наверное, им понравилось, что их воспринимают как взрослых. Московские – определила она. Белые накрахмаленные рубашки, узконосые модные ботинки, хорошо отглаженные узкие брюки. Отцы давали деньги на одежду, матери за ней следили. Москвичи отличались от ребят из общежития, которые сами стирали, и их рубашки никогда не становились такими белыми. Катерина машинально посмотрела на часы. Если вовремя подойдет автобус, от станции «Сокол» до общежития она доберется минут за сорок. День заканчивался, но впереди был еще длинный незаполненный вечер.

Людмила лежала, закинув ноги на спинку железной кровати. Ноги у нее были стройные, хорошо тренированные, чуть полноватые в икрах. Когда по многу часов стоишь на стройке с мастерком или у конвейера, икры увеличиваются, как у тяжелоатлетов. А ей пришлось постоять и на стройке, и на конвейере. Через несколько лет на ногах уже проступят вены, потом узлы сосудов – из-за них пожилые сотрудницы даже в жару ходили в плотных чулках. Люд-

мила подтянула полы халата и осмотрела бедра. Тоже начинают полнеть. Надо худеть, подумала она с тоской. Теперь она работала на хлебозаводе, а там в столовую работницы обычно не ходили, обедали сдобными булками и молоком. Людмила следила за фигурой, каждый день вставала на весы. Она боялась превратиться в тетеху с покатыми, как у молотобойца, плечами, с животом, за складками жира которого нарастала мускулатура, и от этого живот становился огромным. Мужчины скрывали свои животы пиджаками, куртками, а женщины надевали легкие платья и не стеснялись своего разбухшего тела, потому что вокруг ходили такие же – не лучше и не хуже. Людмила приехала в Москву четыре года назад. Она закончила ФЗО – школу фабрично-заводского обучения, проучилась шесть месяцев и стала маляром-штукатуром. Но работу эту выдержала только одну зиму. Она с детства терпеть не могла холода, а в шлакоблочных коробках новых домов было еще холоднее, чем на улице. Следующей зимой она уже работала на конвейере автозавода. Тяжелая, тупая, изнуряющая работа, но зато в тепле. Заканчивать среднюю школу и институт – на что потребовалось бы минимум восемь лет – в ее планы не входило. Она хотела выйти замуж, но не просто замуж – у нее были вполне конкретные требования к будущему спутнику жизни. Во-первых, он должен быть москвичом, и не потому, что московские парни отличались от иногородних. Москвичи, конечно, побойчее, поразворотливее, но главное – москвичи имели постоянную прописку. Со своей временной лимитной она могла работать только на стройках, на конвейерах, в литейных цехах, на тех самых тяжелых работах, на которые не шли москвичи. И поэтому в Москву допускали до ста тысяч молодых людей и девушек по лимиту. Они селились в общежитиях, обычно в комнатах на троих, как сейчас жила Людмила. А это – три кровати, три тумбочки, платяной шкаф, три стула и стол. Все казенное с инвентарными номерами. Выход отсюда был только один: замуж за москвича. За Людмилой ухаживали хорошие парни – спокойные, работающие, непьющие, но как только она узнавала, что они такие же лимитчики, тут же прекращала знакомство.

В каждом женском общежитии существовали мифы об удачных замужествах. Рассказывали, например, что одна из девчонок познакомилась на танцверанде в Сокольниках со студентом института международных отношений, вышла замуж и уехала с ним в Америку. Людмила тоже ездила на танцверанду в Сокольники, но ей студенты института международных отношений почему-то не попадались. На танцы ходили студенты строительных институтов, такие же иногородние, как и она. Они тоже мечтали познакомиться с москвичками, чтобы после окончания института остаться в Москве.

Были еще курсанты военных училищ, похожие на парней со стройки, только в военной форме. Конечно, можно было выйти замуж за курсанта. Те, у кого на рукаве мундира четыре полосы – что значило четыре года обучения, – были особенно активными. Учеба заканчивалась, предстояло распределение в дальние гарнизоны, и парни торопились: кому охота ехать в тайгу или пустыню без женщины? За Людмилой ухаживал один из училища погранвойск. Но она, взвесив все, отказалась от его предложения. Лейтенанты начинали службу на заставах, в горах или в тайге. В лучшем случае через несколько лет они могли перебраться в районный городок, но из такого же Людмила уехала в Москву, чтобы никогда туда не возвращаться. Будущий пограничник ей нравился, но, приняв решение, она перестала ездить на танцы в Сокольники, а адрес общежития никогда никому не давала. Людмила вообще предпочитала поменьше рассказывать о себе, потому что москвичи настороженно относились к лимиту. Она уже обжигалась на своей доверчивости. На стройке работал молодой прораб. Она бы и не обратила на него внимания, если бы не узнала, что он коренной москвич и живет с родителями в отдельной двухкомнатной квартире. Прораб познакомил ее с родителями и объявил им, что женится. Родители не возражали, но прописать ее отказались. «Поживите, снимайте комнату, посмотритесь друг к другу, – сказала будущая свекровь. – А мы присмотримся к тебе». Не поверили, что она, такая красивая, влюбилась в их низкорослого сына, к тому же прихрамывающего – он в детстве сломал ногу, нога неправильно срослась, из-за этого его даже не взяли в армию.

Чтобы она стала его женой, прораб согласился снимать комнату, по вечерам ремонтировать частные квартиры, зарабатывать на первый взнос в кооператив. Он наметил целую программу, как выбиться из этой жизни. За пять лет он собирался внести первый взнос на квартиру, в следующие пять – купить телевизор, холодильник, необходимую мебель. Выходило, что десять лет надо было вкалывать не разгибаясь, подрабатывать вечерами и еще десять лет выплачивать за квартиру. А она хотела получить все сразу.

Сегодня у Людмилы не было постоянного, верного и влюбленного в нее парня. Впрочем, слова «парень» Людмила не любила. «Парень» – это что-то деревенское. Лучше «мужчина», «поклонник», может, даже «любовник», как в книгах и кино. Чтобы он приезжал за ней на машине, водил в рестораны и снимал для нее квартиру – пусть небольшую, однокомнатную. Такие мужчины были где-то рядом, но ей не попадались. Они не ходили на танцы, ездили на своих машинах, а не в метро. За четыре года в Москве она так и не смогла вырваться из круга тех, кто работал на стройках, стоял у конвейеров, водил по улицам Москвы автобусы, грузил контейнеры на вокзалах. Среди ее знакомых было несколько москвичей, но никто из них не знал, что Людмила лимитчица, живет в общежитии и работает на хлебозаводе формовщицей. Она представлялась студенткой или медсестрой – несколько месяцев она проработала санитаркой в психиатрической больнице и получила кое-какие медицинские познания. Только в исключительных случаях давала знакомым телефон общежития, только тем, кто был особенно настойчив и к тому же нравился ей.

Людмила посмотрела на часы. Через пятнадцать минут должен позвонить Вадик. Но он мог позвонить и через полчаса. Значит, минут сорок ей придется ждать на вахте. От этого настроение у нее испортилось еще больше. К тому же раздражала Антонина, которая, напевая, гладила платье, ожидая своего Николая.

Людмила, Антонина и Катерина приехали в Москву из маленького районного городка Красногородска Псковской области. Из Красногородска чаще уезжали в Ленинград, все-таки поближе, чем Москва. В Ленинград ездили продавать мясо, когда осенью забивали свинью, в Ленинград ездили за покупками. Но еще в тридцатые годы первые красногородские пробрались в Москву на строительство шарикоподшипникового завода. И после них уже каждый год кто-нибудь уезжал в Москву к дальним родственникам или бывшим соседям. И те пристраивали вновь прибывших на стройки и заводы.

Людмила, Катерина и Антонина учились в одной школе, в одном классе. Первой после седьмого класса в Москву уехала Людмила. Она писала такие замечательные письма о магазинах, театрах, метро, высотных зданиях, что вслед за ней через год в Москву уехала Антонина, повторив путь Людмилы. Та же самая школа ФЗО, и Антонина уже штукатур-маляр на стройке. Сильная, ловкая, она сразу стала хорошо зарабатывать. Ее уважали, а тяжелая работа для нее была не в новость: в Красногородске, как старшая дочь в семье, она занималась уборкой дома, возилась в огороде, летом на поливку носила по сорок ведер воды за вечер – семья большая, и огород держали большой. Антонина тоже не собиралась учиться, не ставила она и цели выйти замуж за москвича. Кого полюбит, за того и выйдет, ну и чтобы он ее любил.

С Николаем Антонина познакомилась, не прилагая особых усилий: он работал электриком на той же стройке, что и она. Ей нравилось, что Николай простой, веселый и заботливый. Нравилось, что он старше ее и уже отслужил в армии. Он служил в военной авиации на тяжелых бомбардировщиках электромехаником и интересно рассказывал про Дальний Восток. Парни, отслужившие в армии, и в Красногородске, и в Москве считались наиболее надежными: после армии они относились к женитьбе всерьез. Конечно, за ней ухаживали и другие парни, но близости ни с кем из них Антонина пока не допускала – боялась забеременеть. В общежитии и недели не проходило, чтобы не делали аборт. Дня три отлеживались, клялись, что «больше

никогда, ни с кем», и снова «залетали». Напарница Антонины за три года работы на стройке уже сделала пятый аборт.

С Николаем Антонина ходила в кино, а на днях он сказал, что хотел бы познакомить ее с родителями. Родители Николая приехали в Москву перед войной; как и все, вначале жили в общежитии, потом в коммунальной квартире, а год назад получили отдельную двухкомнатную в новом блочном доме – одном из тех, которые впоследствии назовут «хрущобами». Николай родился уже в Москве.

Антонина гладила платье, поглядывала на Людмилу, которая лежала, задрав ноги на спинку кровати, мазала лицо раздавленными ягодами клубники и молчала – значит, у нее плохое настроение. Антонина попыталась ее разговорить:

– Что-то Катерина задерживается. А вдруг поступила?

– Держи карман шире, – ответила Людмила, и Антонина замолчала, опасаясь, что Людмила начнет кричать и швырять все, что попадет под руку. С ней такое бывало.

Общежитие находилось в новом микрорайоне Химки-Ховрино. Большое четырехэтажное здание тянулось вдоль улицы. Вначале в нем жили только девушки, и поэтому его прозвали «Кошкин дом». Теперь здесь были комнаты и семейные, и для молодых специалистов. Из раскрытых окон неслась музыка. Радиолы, электропроигрыватели транслировали на улицу модных в то лето Нину Дорду, Марка Бернеса, Ива Монтана. Из одного окна доносился легкий перебор гитары, и Булат Окуджава пел «Полночный троллейбус». Значит, появился катушечный магнитофон – у кого-то из молодых инженеров. Магнитофоны покупали или собирали из деталей только инженеры.

Катерина прошла мимо вахтерши. Раньше вахтерши не пускали парней в общежитие, сейчас, когда все перепуталось, они в основном сидели у телефона, чтобы вызвать милицию в случае драки или «скорую помощь», если дело дойдет до серьезных неприятностей.

Антонина слонялась по коридору, поглядывала в окна, ожидая Николая. Ей не хотелось, чтобы он заходил в комнату: у Людмилы дурное настроение и неизвестно, что она скажет. Антонина обрадовалась Катерине, бросилась к ней:

– Поступила?

И, не получив ответа, начала утешать:

– Ничего, позанимаешься еще, и на следующий год обязательно поступишь.

Она шла рядом, вздыхала, пыталась взять подругу за руку.

– Какие люди! И без охраны! – прокомментировала Людмила, когда они вошли в комнату.

– Сейчас не получилось, в следующий раз получится, – успокаивала Антонина.

– Кто же спорит? – немедленно прокомментировала Людмила. – В институты до скольких лет принимают? До тридцати пяти. У нее еще уйма попыток.

– Ты бы хоть клубнику с себя сняла! Николай же сейчас придет, мы с ним в концерт идем, – попыталась урезонить Людмилу Антонина.

– В концерт! – передразнила Людмила. – Тетеха! Три года в Москве живешь! «В концерт»! «На концерт» надо говорить.

– А почему же говорят «в кино», а не «на кино»? – удивилась Антонина.

Но Людмила ей ответить не успела: в дверь постучали.

– Войдите! – пропела Людмила.

В комнату вошел невысокий, коренастый парень лет двадцати пяти.

– Здравствуйте, – сказал он. Увидел обнаженные почти до трусиков ноги Людмилы, ее красное лицо и, не очень понимая, что все это значит, попятился к двери.

– Куда же вы? – засмеялась Людмила, поднимаясь.

– Я подожду там... в коридоре, – и Николай захлопнул дверь.

– Ну что ты его пугаешь! – возмутилась Антонина. – Он не такой, как твои знакомые. Он скромный.

– Да уж, – согласилась, вставая, Людмила. – Интеллектом явно не изуродован. И стоило тебе в Москву ехать! Такого ты и в соседней деревне могла бы найти.

Антонина хотела что-то ответить, но махнула рукой и выскочила в коридор.

– Ну что ты к ней цепляешься? – укорила ее Катерина. – Может быть, это ее счастье.

– Да ну, – отмахнулась Людмила, – не знаешь ты, что такое настоящее счастье.

– А ты знаешь?

– Я знаю, – заявила Людмила.

– Может, расскажешь? – предложила Катерина.

– Я тебе покажу, – пообещала Людмила.

Николай и Антонина спустились по лестнице и оказались возле вахтерши как раз в тот момент, когда зазвонил телефон.

– Общежитие слушает, – сказала в трубку вахтерша. – Какую Людмилу? Здесь Людмил много...

Антонина все поняла и бросилась вверх по лестнице. Через несколько секунд, теряя на ходу тапочки, бежала к телефону Людмила. Она вдохнула и выдохнула несколько раз, чтобы говорить не запыхавшись, взяла трубку.

– Я слушаю. Кто? Вадик! Какое общежитие? Это моя бабушка так шутит. К нам сейчас гости приехали из Новосибирска, так она нашу квартиру общежитием стала называть. Не говори! Все в Москву лезут, будто она резиновая... Нет, сегодня не могу, сегодня у папы день рождения. Завтра? Может быть. Хорошо, я тебе тогда сама позвоню, а то я весь день в институте буду. Чао!

Людмила повесила трубку и набросилась на вахтершу:

– Что, обязательно надо говорить, что это общежитие?

– Мне так комендант приказал, – оправдывалась вахтерша.

– А почему просто не ответить «алло»? – наседала Людмила.

Вахтерша не нашлась что ответить и сама перешла в наступление:

– Тогда дежурь у телефона, когда тебе звонят, – я старая, не могу бегать по этажам. И вообще, в общежитие нельзя звонить по личным вопросам.

– А по каким можно? – спросила Людмила.

– По делу.

– А мне только по делу и звонят, – заявила Людмила. – Сегодня, может быть, решалось важное дело. А вы его могли разрушить одной неосторожной фразой, и я на всю жизнь могла остаться несчастной. Вы этого хотите, чтобы я была несчастной?

– Я хочу, чтобы вы все были счастливыми, – примирительно ответила вахтерша.

Людмила укоризненно покачала головой, грустно улыбнулась и начала подниматься по лестнице. Снова позвонил телефон. Людмила остановилась. Вахтерша сняла трубку и сказала:

– Алло! – и, зажав трубку ладонью, попросила Людмилу: – Позови Варенцову из двадцать третьей.

Людмила вернулась в комнату. Катерина сидела за столом и плакала.

– Поедем в Москву? – предложила Людмила.

– А мы разве не в Москве? – не поняла Катерина.

– Мы на выселках. Поехали в центр. Целый вечер впереди. Чего здесь киснуть?

Катерина подумала и согласилась.

Девушки вышли из метро на площади Революции и пошли вверх по улице Горького. В те годы выходили на улицы просто погулять: этот обычай принесли с собой жители маленьких городков и поселков. Москва интенсивно заполнялась провинциалами уже несколько десяти-

летий. Вначале приезжали на строительство заводов, метрополитена. После войны приток был небольшим, но, когда колхозникам стали выдавать паспорта, Москва стала быстро расти. И с окраины вечерами и в праздники бывшие жители маленьких городков и деревень съезжались в центр, чтобы пройтись по главной улице, на людей посмотреть и себя показать.

По тротуарам двигалась довольно плотная толпа, кто-то останавливался у витрин. Магазины уже закрылись. Все магазины в Москве открывались и закрывались одновременно. Где-то издавалось распоряжение, и миллионы принимали его как должное: если так, значит так и надо.

Возле входа в кафе «Молодежное» толпилось около сотни жаждущих. Кафе открылось недавно. В нем подавали мороженое, пирожные, и говорили, что можно даже заказать коктейль. О коктейлях знали только из зарубежных фильмов и книг. Попробовать, что это такое, хотели многие, поэтому попасть в кафе было трудно.

– Бесплезно, – оценила ситуацию Людмила. И они пошли дальше.

В витрине магазина стояли две модели телевизоров – «Рекорд» и «Чайка». Они практически ничем не отличались друг от друга, но по ним транслировались разные программы. По одной передавали футбольный матч, по другой пел хор имени Пятницкого. Звук через толстое витринное стекло не доходил, но мужчины, толпившиеся у витрины, и без звука все понимали, комментировали удачи и просчеты игроков.

– Послушай, – сказала вдруг Людмила, – пять лет над учебниками горбатиться – и что? Все равно рабочие больше инженеров получают.

– Инженером интереснее, – возразила Катерина.

– Тоже мне интерес, – не согласилась Людмила, – снизу работяги жмут, сверху начальство давит. Да и химия – наука скучная, одни формулы.

– Химия – будущее человечества, – заявила Катерина. Так считал академик Тихомиров.

– Ты не о будущем человечества, а о своем настоящем думай, – посоветовала Людмила.

За ними пристроились двое парней. Обычно девушки ходили по двое, парни тоже предпочитали ходить вдвоем, в случае драки легче биться, да и знакомиться удобнее. Один начинает, другой подхватывает.

– Эй, девчонки! – бодро начал один из парней.

– Топай, топай! – осекла его Людмила.

Парни, вероятно, такого ответа не ожидали и притормозили.

– Ты чего так строго? – спросила Катерина. – Ребята вроде ничего.

– Вот именно, ничего, – ответила Людмила. – Лимитчики, вроде нас. За версту видно.

– А по нам видно разве? – удивилась Катерина.

– Не видно, пока рот не раскроем. Но это только для очень проницательных, а таких немного, – успокоила ее Людмила.

Они дошли до памятника Маяковскому. Вокруг памятника собралась толпа. Молодые поэты читали стихи. Вероятно, в первый раз, когда возле памятника стали читать стихи, толпу не успели разогнать, не было на этот случай указаний, и теперь поэты читали каждую субботу и воскресенье.

Людмила и Катерина постояли в толпе. Было плохо слышно и не очень понятно. Катерина стала рассматривать хорошо одетых молодых парней: в серых костюмах, серых галстуках и до блеска начищенных ботинках. Аккуратно подстриженные, хорошо выбритые. Ей нравились такие, которые следят за собой и своей одеждой.

– Чего ты на них пялишься? – прошептала Людмила.

– Симпатичные, – шепотом ответила Катерина.

– Дура! Какая ты дура! – вздохнула Людмила. – Это же комитетчики, они здесь на работе.

– А что такое «комитетчики»?

– Чекисты.

Один из парней придвинулся ближе, – видимо, хотел расслышать, о чем они шептались. Людмила вытащила Катерину из толпы и пошла вниз мимо театра «Современник» по Садовому кольцу.

– Пойдем в Дом кино, – предложила она. – Там сегодня французский фильм, может, кто проведет.

– А зачем проводить? – опять удивилась Катерина. – Билеты купим.

– Там кино без билетов смотрят, – объяснила Людмила.

Катерина не очень поняла, как можно ходить в кино, не покупая билета, но переспрашивать не стала. Она хотела понять про чекистов.

– Ты с ними знакома? – спросила Катерина.

– С кем?

– С чекистами.

– С ними знакомиться не надо, и так видно.

– А как? – все не могла понять Катерина.

– По взгляду. У них глаз крутится. Лицо неподвижно, а глаз туда-сюда. А костюмы ты их видела?

– Ну, видела.

– Им их в одном ателье шьют. И не модные, и не старомодные, а где-то посередине, чтоб в глаза не бросались.

– Но ты же заметила.

– Мне один знакомый объяснил. И ботинки у них до блеска начищены. Военная привычка. Они еще когда в училище учатся, их приучают следить за обувью. Потом они привыкают и не могут ходить в пыльных ботинках.

– Культурные люди – ботинки чистят, стихи любят.

– Ты в самом деле дура или притворяешься? – не выдержала Людмила.

Катерина не притворялась, она всегда хотела знать точно. Почему, как, зачем?

– Стихи они любят, – передразнила Людмила. – Мало ли что могут эти поэты сказать! А вдруг что-нибудь антисоветское?

– А я еще ни разу не слышала ничего антисоветского, – призналась Катерина.

– Еще услышишь. Какие твои годы!

Они дошли до улицы Воровского, там, в бывшем доме политкаторжан, разместился Дом кино, где собирались московские кинематографисты. Подкатывали «победы», «москвичи», нескольких полных немолодых мужчин с очень молодыми женщинами привезли на ЗИМах. Они вышли, и машины тут же отъехали.

Казалось, здесь все знали друг друга. Здоровались, целовались. Людмила пыталась договориться с несколькими одинокими мужчинами, но те улыбались, разводили руками, извиняясь. Они ждали своих женщин или приятелей.

Катерина стояла в толпе и смотрела на актеров, знакомых по фильмам. Она узнала Ланового. Высокий, красивый, он поднимался по лестнице, чуть откинув голову, надменный и отрешенный. Катерина представила его на улицах Красногорода, такого медлительно-значительного, с откинутой головой, и рассмеялась. Так ходил местный красногородский сумасшедший Ванечка.

– Ты чего? – спросила Людмила. Ей так и не удалось никого уговорить, чтобы их провели, и она присоединилась к Катерине.

– Ой, Румянцева! – Катерина показала на Надежду Румянцеву.

Людмила осмотрела улыбающуюся актрису.

– Лет через пять будет похожа на Зинку – знаешь, которая в Красногороде на рынке пирожками торгует.

У Людмилы был приметливый и недобрый взгляд. Конечно, Румянцева напоминала Зинку, но та была толстая и глупая. Появились Ларионова и Рыбников. Ларионова была красива настоящей российской красотой: круглолицая, румяная, с ясными синими глазами. Рыбников оказался простоватым парнем, похожим на тех, которых он играл в недавно вышедших фильмах «Весна на Заречной улице» и «Высота». Песни, которые он пел в фильмах, пели теперь парни в их общежитии.

– Эти недолго проживут вместе, – прокомментировала Людмила.

– Почему? – удивилась Катерина.

– Уведут ее у него, – Людмила была категорична. – Таких красивых всегда уведут.

И никто тогда не знал, что проживут они вместе еще тридцать лет и Ларионова похоронит Рыбникова и останется вдовой.

Рыбников, проходя мимо них, подошел к высокому, не очень молодому, явно за тридцать, мужчине:

– Ты кого-нибудь ждешь?

– Жду, – раздраженно ответил мужчина, – Ленку. У нее пропуск.

– Сейчас я выпишу тебе пропуск, – пообещал Рыбников.

– А вы тоже артист? – спросила Катерина, когда Рыбников отошел.

– Начинаящий, – усмехнулся мужчина.

– Поздновато начинаете, – заметила Людмила.

– А как ваша фамилия? – поинтересовалась Катерина.

– Не важно. Я только в одном фильме снялся. Вы этот фильм не видели.

– Скажите! – попросила Людмила. – А вдруг мы его увидим.

– Ну, Смоктуновский, – ответил мужчина.

Эту фамилию девушки не слышали. Но Катерина ее запомнила. Потом этот актер будет много сниматься, а в театр зрители будут приходить «на Смоктуновского». Через двадцать лет Катерина на заседании в Моссовете назовет ему об их первой встрече на лестнице Дома кино, он улыбнется:

– Как же, как же. Помню.

И перейдет к интересующей его проблеме. Актеры хотели построить кооперативный дом на берегу канала недалеко от Икши. Это место в свое время выбрали летчики-испытатели для дачного поселка. Они облетели на самолетах все Подмосковье и остановились на Икше. Позже здесь построили себе дачи первые космонавты. Они начинали как летчики-испытатели, приезжали сюда к своим знакомым и, как только появилась возможность самим построить дачи, выбрали места рядом с поселком. Говорили, что в тех лесах был какой-то особенный микроклимат. Комиссия Моссовета, в которой заседала Катерина, решила вопрос положительно для актеров – те получили участок и начали строить дом. Смоктуновский, уходя, улыбнулся и повторил:

– Как же, помню, помню.

На следующей встрече он ее не узнал. Она не обиделась. Человеческая память не могла вместить тысячи лиц, которые видел каждый день актер. Но до этой их встречи оставалось более двадцати лет.

Людмила сделала еще несколько попыток попасть в Дом кино, ей не удалось, и они двинулись в обратный путь. И тут они услышали, как через громкоговоритель объявили:

– Машину боливийского посла – к подъезду.

Они свернули на улицу Герцена. Мягко подкатил приземистый, почти распластанный по земле «форд». Из подъезда посольства вышел темноволосый господин с дородной женщиной в блестящем платье. И снова громкоговоритель потребовал:

– Машину военно-морского атташе, командора...

Далее следовала непонятная, довольно длинная фамилия.

– Как, как его фамилия? – не поняла Катерина.

– Фамилия не имеет значения, – отмахнулась Людмила.

Она наслаждалась блеском никеля на машинах, сиянием драгоценностей на женщинах, сверканием орденов на мундирах.

– Вот это – настоящее, – восхитилась Людмила.

– Что настоящее? – не поняла Катерина.

– Все это!

– Ну да, – возразила Катерина. – Я недавно в оперетту ходила. Там точно такие же мундиры и платья показывали.

– Ну и дура же ты! – хмыкнула Людмила. – Именно это и есть жизнь. Настоящая жизнь. Для этой жизни мы в Москву и приехали, потому что Москва сегодня – большая лотерея. Можно выиграть сразу и по-крупному. Москва – это... это дипломаты, внешторговцы, ученые, художники, артисты, писатели – и все это мужчины.

– Ну и что?

– А мы – женщины!

– А мы-то зачем нужны этим писателям, дипломатам, артистам? – удивилась Катерина. – У них свои женщины есть.

– А мы не хуже ихних.

– А где мы дипломатов и артистов встретим? – трезво рассудила Катерина. – Они на хлебозаводе и галантерейной фабрике не работают.

– Да, – подтвердила Людмила. – Ты смотришь в самый корень. Главный вопрос: где найти? А везде! Приходится быть шукой с раскрытой пастью. Чтобы твой карась не проплыл мимо тебя. Надо быть всегда наготове, чтобы схватить его. Ты почитай книги. Во всем мире в столицы приезжают молодые, чтобы завоевать их. Мужики идут одним путем, мы другим.

– А мы каким? – спросила Катерина.

– У нас один путь. Через мужиков. Мы им нужны. Так природа устроила. Я тебе столько раз твердила: не вяжись с лимитой. Замуж надо выходить за москвичей. Ух, как я их ненавижу!

– Кого? – не поняла Катерина.

– Москвичей! Но они выбирают. Они – как дворяне, которые захотят или не захотят жениться на нас, барышнях-крестьянках. Им такое право дало это сволочное государство. Оно им дало прописку. Они рождаются сразу с пропиской. Это их главная привилегия. И даже если они живут в коммуналках, у них есть своя площадь. Они могут переходить с работы на работу, их никто не выкинет из общежития, как нас. Они могут даже временно не работать. Переждать, выбрать. Деньги? У них есть родители, которые всегда помогут. Они не работают на этих черных, грязных, тяжелых работах, как лимита. Сидят в теплых конторах, торгуют в магазинах и презирают нас. За что? За то, что мы работаем на них. За то, что мы бесправные рабы! У нас нет выхода из рабства, кроме как замуж. Мы должны выходить за этих колченогих, дутых идиотов!

– Нет уж, – подумав, решила Катерина, – это не для меня. Лучше обратно в Красногродск.

– Фигушки! – выкрикнула вдруг Людмила. На них стали оборачиваться, и она заговорила чуть тише, но все так же темпераментно. – Нет уж, я выйду замуж за колченогого, за идиота, за старого пердуна. Я пропишусь. Если надо, я потерплю. А потом разойдусь и разменяю квартиру. Пусть даже в коммуналку, но чтобы постоянная прописка. Потом можно поднакопить денег и обменяться на отдельную, приплатив конечно. Вся Москва против нас, а мы против нее. Кто кого! Мы все равно победим.

– Почему? – спросила Катерина.

– А потому, что нам отступать некуда.

– Ты как героини-панфиловцы, – рассмеялась Катерина. – Велика Россия, а отступать некуда.

– А я и не отступлю, – подтвердила Людмила. – Сучья Москва еще будет меня уважать. У меня будет все, что имеют московские выродки.

Они шли по Москве. В квартирах уже зажигались огни. Окна были открыты, дома за день нагрелись в июльскую жару. В квартирах двигались мужчины в майках, за одним из окон женщина лежала на диване и читала книгу. Светились экраны телевизоров. Нет, размышляла Катерина, успокаивая себя, совсем не обязательно выходить замуж за старика. Она закончит институт, ее распределят на работу, как молодому специалисту ей вначале, конечно, выделят комнату в общежитии. Дальнейшую свою жизнь она представить пока не могла.

Глава 2

Общежитие просыпалось рано.

Блондинки, брюнетки, худенькие, полные выбегали из подъезда общежития, поеживаясь от утренней свежести, бежали к автобусной остановке. У остановки на лавочке в этот утренний час всегда сидел пожилой мужчина, а недалеко от него гулял старый толстый фокстерьер. К мужчине привыкли, с ним здоровались, хотя никто не знал, кто он и где живет. Он отвечал на все приветствия, а тех, кто уже долго жил в общежитии, называл по именам.

Катерина поздоровалась с ним, мужчина приподнял кепку. Никто не задумывался, почему он здесь сидит каждое утро. Он выгуливал собаку, но выгуливать ведь можно и в других, более удобных местах. Катерине он казался стариком.

...Через двадцать лет, когда она уже стала директором комбината химволокна, она как-то утром проезжала мимо своего бывшего общежития, увидела стайку девушек на остановке и попросила шофера остановиться. Ничего не изменилось. Только общежитие перекрасили в зеленый цвет. А недалеко от остановки сидел все тот же старик. Он почти не изменился, только поседел и подсох. И фокстерьер был таким же толстым и старым. Но ведь прошло двадцать лет, подсчитала она. Значит, старику тогда было не так уж и много лет, та собака, конечно, умерла, это – другая собака, а может быть, уже третья, собачий век короток. И девушки из общежития другие...

Что влекло сюда старика? И она вдруг поняла: старик получал удовольствие, рассматривая юных женщин. Такого не увидишь больше нигде: одновременно так много молодых женщин.

Один знакомый Катерины говорил: «Я люблю всех молодых женщин. Я бы и эту, и эту, и ту. Я хотел бы переспать со всеми. У этой такая замечательная грудь, у этой замечательная подпрыгивающая попка». Катерине это казалось непонятным. Попка и есть попка. У мужчин она замечала небритость, мятые лацканы пиджаков, стоптанные каблуки ботинок, тусклые, засаленные галстуки. Она уже не обращала внимания ни на лицо, ни на фигуру, если видела плохо сшитый костюм, несвежую рубашку. В толпе она могла выделить только одного, и то если он сам отличал ее взглядом, если показывал свою заинтересованность. Ее подруги по общежитию мечтали познакомиться с высоким и красивым. Для нее рост не имел значения. Ей, конечно, нравились высокие мужчины – когда идешь с высоким, на тебя обращают внимание, – но нравились и плотные, коренастые, если от них исходила сила и уверенность. И это всегда был один. Только один.

...У Катерины будет несколько любовников и ни одного мужа, но это все потом, в те двадцать лет, которые еще впереди.

А пока она и Людмила протиснулись в переполненный автобус.

Стройка, где работала Антонина, была недалеко от общежития. Микрорайон застраивался уже несколько лет.

Антонина дошла до блочного двенадцатиэтажного дома с одним подъездом, поднялась на шестой этаж – лифт еще не работал, – приготовила инструменты.

Ее напарница Полина, как всегда, опаздывала, но опоздать на стройку было невозможно: придя, мужчины курили, готовили инструменты и, хотя смена начиналась в семь утра, раньше восьми к работе не приступали.

Полина добралась до шестого этажа и села перекурить на площадке. Наверху, на седьмом этаже, курили электрики. Иванов – сорокалетний, широкоплечий, с кривоватыми ногами (он всегда ходил в зеленых армейских галифе и брезентовых сапогах), Николай – в чистом комбинезоне, такие выдавали авиационным механикам, и запасливый Николай привез их несколько

из армии, и Борщ – тридцатилетний электрик, имени которого никто не запоминал, потому что нормальная украинская фамилия была редкостной и необычной для русских и его все звали по фамилии. Электрики говорили о женщинах. Борщ спросил Иванова:

– Ты Нинку вчера трахнул?

Антонина почувствовала, что краснеет. Полина насторожилась и загасила сигарету. С Ивановым у Полины была многолетняя связь. Они то расходились, то снова сходились. Сейчас они не разговаривали друг с другом, вернее, не разговаривала Полина. Она сделала аборт от Иванова, а тот даже не зашел ее проведать, когда она отлеживалась в общежитии.

– Не я ее, а она меня, – ответил Иванов.

– И как?! – спросил Борщ.

– А никак, – мрачно бросил Иванов.

– А кто из них злее, – продолжал расспрашивать Борщ, – Полина или Нинка?

– Полина – царица! – вздохнул Иванов. Полина задержала дыхание, ожидая продолжения. – Она одна на Москву и Московскую область. Я как-то подсчитал: у меня было двести двадцать пять баб. А лучше ее не было.

– А чем она лучше других? – поинтересовался Николай.

– Это объяснить нельзя. Я иногда думаю: если бы ее снять на кино, то такой фильм можно было бы показывать как учебное пособие у нас в стране и даже за рубежом. У нее талант к этому делу.

Полина не выдержала и улыбнулась. Антонина хотела ее о чем-то спросить, но Полина прижала палец к губам.

– Преувеличиваешь, – с сомнением произнес Борщ. Полина хмыкнула. – А ты, Коль, со своей Антониной уже переспал? – Борщ переключился на Николая.

– У нас с Тоней всерьез, – ответил Николай.

– А ты и загни всерьез, – посоветовал Борщ. – Дело это серьезное. Тонька вполне готова. Вчера смотрю, бежит вниз по лестнице, а у нее груди вверх-вниз, как воздушные шары, еще немного – и поднимут ее.

– Закрыли эту тему, – потребовал Николай. – У меня с Антониной всерьез. Если бы я сейчас про грудь твоей жены стал расписывать, как бы ты на это посмотрел?

– Посмотрел – и сразу по роже, – признался Борщ.

– И ты можешь схлопотать, – предупредил Николай.

– Не заводитесь, мужики, – прервал их Иванов. – Пошли работать.

И они пошли в комнаты.

– Молодец твой Николай, – похвалила Полина. – Мужик. Ты ему уже дала?

– У нас с ним всерьез. – Антонина покраснела.

– Замуж, что ли, предлагает? – спросила Полина.

– Намеряет. Скоро к родителям поведет знакомиться.

– Родители – не самое главное. – Полина закурила чинарик. – Главное – он. С ним жить. Я бы на твоём месте переспала с ним.

– После свадьбы, – ответила Антонина на давно для нее самый решенный вопрос.

– После свадьбы поздно может быть. А если он как мужик никакой? Ты думаешь, чего Борщ так заводится? Было у меня с ним один раз. Нормальный трехминутка.

– Ты это про что? – не поняла Антонина.

– А про то, что его хватает на три минуты. Только разогреешься, а он уже все закончил. С таким жить – одно мучение, каждое утро вставать будешь с больной головой.

– А Иванов? – спросила Антонина.

– Это мастер, – улыбнулась Полина. – Однажды на выходные его жена с дочкой уехала к своей матери. Я к нему пришла – в девять утра легла и только в девять вечера встала. Представляешь, двенадцать часов! Последний раз полтора часа, на тумбочке будильник у них стоит,

я время засекала. Думала, что не выдержу, один раз в обморок даже провалилась. Очнулась, а он чешет и чешет. Не торопится. Он ласковый. За такого замуж – и больше ничего не надо.

– А он не предлагает?

– Он дочку любит... Давай работать. – Полина залила краску в бачок краскопульты.

Этот разговор, в котором Антонина не все поняла, распалил ее. Она сняла спецовку, но все равно было жарко. Спустилась во двор, выпила две кружки холодной воды из бочки, которую привозили каждое утро для рабочих. Николай увидел ее с седьмого этажа, и она услышала, как он бежал вниз, шлепая подошвами по ступенькам. Николай подошел к бочке, улыбнулся, тоже выпил две кружки воды. Она посмотрела на него. Его глаза не отрывались от ее груди. Она была в обтягивающей футболке с коротким рукавом. Что бы ответила Полина, если бы ее вот так рассматривали, в упор, не стесняясь?

– Все твое будет, – пообещала она Николаю, но посчитала все-таки нужным уточнить: – Со временем.

– Да уж скорее бы, – вздохнул Николай.

– Это от тебя зависит, – заметила Антонина.

– Да я хоть сегодня.

– Ты с Ивановым посоветуйся, – произнесла Антонина и подумала: если это так важно, взрослые мужики могли бы молодым рассказать, как это все делается, чтобы и ей и ему было хорошо. Надо ей самой откровеннее поговорить с Полиной, пусть расскажет, как надо все делать, – если ее так хвалили, значит она знает такое, чего не знают другие. Она побежала на шестой этаж. Ее груди и вправду поднимались и опускались, как воздушные шары, она прижала их ладонями. Сверху спускался прораб, ему было за пятьдесят, на него уже не смотрели как на мужчину, но Антонина заметила, что он оглядел ее с головы до ног.

Катерина работала на прессе в цехе металлической галантереи. Работа была нехитрая: положить – снять, снова положить и снова снять. Она штамповала основания для подсвечников, которые в то время начинали входить в моду.

Не оглядываясь, по изменившемуся звуку, она поняла, что у соседки пресс начал корезить заготовку. В этой смене работал плохой и медлительный наладчик. Значит, пресс будет остановлен на полдня. Катерина оглянулась. Работница смотрела в ее сторону. Грузная, пожилая, проработав в этом цехе лет двадцать, она так ничего и не понимала в станке, а действовала механически – положить, нажать на педаль, снять, снова положить.

Катерина уже через три месяца сама могла обнаружить причину брака, наладить пресс. Вот и сейчас Катерина встала, взяла сумку с отвертками и ключами, открыла крышку пресса, отрегулировала механизм, положила заготовку, нажала на педаль. Пресс работал точно. Работница начала было благодарить, Катерина улыбнулась ей и отошла. Ее в цехе уважали и почему-то побаивались. Уважали, наверное, за то, что работала хорошо, а побаивались из-за ее уверенности в себе. Она не боялась ни мастера, ни нормировщика. Проверяла заполненные наряды, находила ошибки, даже с бухгалтером цеха спорила: бухгалтерские премудрости оказались не такими уж сложными. Ей нравилось узнавать новое. И начальство заметило ее после того, как она выступила на собрании. Начальник цеха, бестолковый, крикливый, капризный, держал работниц в страхе. Мог уволить – и увольнял, а женщины держались за место, потому что жили рядом и работа не требовала квалификации, ее осваивали за несколько дней.

Собрание тщательно готовили – ждали секретаря райкома партии, того, что отвечал за промышленность и строительство в районе. Трех работницам заранее написали речи. И они в основном говорили о том, что подводят смежники, не хватает комплектующих деталей, протекает крыша, что станки старые, а на соседней фабрике – с программным управлением. Секретарь райкома записывал. И тогда вышла Катерина.

– Для штамповки подсвечников, ложек и пепельниц не нужны станки с программным управлением, – заявила она. – Нужно отремонтировать те, что имеем. И вовремя налаживать их. А наладчиков не хватает, потому что уважающий себя человек не будет работать с таким начальником цеха. Если бы кто-то хоть один раз где-нибудь на улице так нахамил, как начальник хамит каждый день в цехе, его посадили бы как хулигана на пятнадцать суток. А здесь не только не сажают, а даже выписывают премии. В газетах пишут о развитом социализме, а у нас... Вот посмотрите: и в президиум село почему-то одно начальство. Насколько я понимаю, президиум выбирают. А здесь вышли и сели, как у себя в квартире.

Зал вначале замер. Потом разразился хохотом. Катерина видела, что секретарь райкома покраснел. Но он был опытным и понимал, что надо переломить ход собрания, и тут же задал ей вопрос:

– Какие у вас конкретные предложения?

– Освободить от должности начальника цеха. Ведь над его глупостью весь цех смеется!

– И кого же назначить? – поинтересовался секретарь. – Может быть, вас?

Он оглядел зал. Он ждал реакции. Это был проверенный, много раз опробованный ход. Работницы должны рассмеяться. Нелепое же предложение.

Но работницы не смеялись. Они ждали, что ответит Катерина.

– Назначить предлагаю Леднева, начальника первого участка. И через неделю в цехе будет порядок, – спокойно произнесла она.

Работницы с мест начали выкрикивать: «Леднева! Леднева!»

Собрание кое-как закончили. В следующую зарплату денег Катерине начислили меньше всех, и она узнала, что кто-то приходил к коменданту общежития узнавать, как она себя ведет. Начальник обвинил ее в халатности, вынес выговор за поломку станка. Ее явно выживали. Она не могла уйти – лишилась бы общежития. Работницы при встрече отводили глаза. Они ничем не могли ей помочь.

Катерина решила посоветоваться с академиком. Тихомиров выслушал и сказал:

– Есть два пути. Я могу позвонить в свой райком партии, оттуда позвонят в райком вашего района, из вашего райкома позвонят на фабрику и попросят отстать. И от тебя отстанут. Но этот вариант побережем на будущее. А сейчас пойдем по стандартному пути.

И он продиктовал Катерине жалобу, где была указана фамилия секретаря райкома, который был у них на собрании. Жалоба была о расправе за критику. Академик подсказал, чтобы она написала о недостатках на производстве и свои предложения по их ликвидации. Он дал ей несколько листов бумаги и отослал на кухню. Потом прочитал написанное, кое-что переделал, взял газету «Правда», вставил несколько фраз из передовой статьи, заставил ее переписать начисто. И письмо ушло.

Через несколько дней в их цехе появился директор фабрики в сопровождении парторга. Они остановились невдалеке от Катерины, и парторг кивнул в ее сторону.

Директор фабрики, сорокалетний, коренастый, вполне еще мужчина, рассматривал ее с явным интересом. И она улыбнулась директору. Директор от неожиданности тоже улыбнулся, подошел к ней и спросил:

– Как дела?

– Хорошо. А у вас как?

– Так себе, – сказал директор. – Сама знаешь. Оборудование изношенное.

– На нем еще можно работать, если работу наладить.

– И ты считаешь, что Леднев наладит?

– Наладит, – подтвердила она. – Леднев и производство знает, и деликатный. У нас, когда наладчик запивает, он подойдет ко мне и скажет: «Катенька, голубка, помоги». Да я для него все сделаю.

И директор рассмеялся. Но глаза оставались серьезными. И вдруг он спросил:

- Письмо в райком сама писала или кто помогал?
- Помог, – призналась она. – Дядя. Он академик.
- Ты москвичка?
- Я псковская. – Катерина улыбнулась. – Я только год в Москве.
- А я смоленский, – признался директор. – Почти соседи.

Директор протянул ей руку.

Директорская ладонь оказалась жесткой и сильной, и она подумала, что этот смоленский парень работал и руками. И тоже, наверное, пробивался.

Катерина оглянулась. Работницы смотрели в их сторону.

- Меня зовут Николаем Степановичем.
- А меня Катериной.
- Катерина, я подумаю о твоём предложении.
- Подумайте, предложение-то хорошее, – убежденно сказала Катерина.
- Учиться не собираешься?
- В этом году завалила. На будущий год буду поступать.
- Я тоже только с третьей попытки поступил, – признался директор. – Ты поступишь!

Мы, из провинции, упорные.

– Наверное, – согласилась Катерина. – Как говорит моя подруга Людмила, нам отступить некуда.

– Она верно говорит. Если будут проблемы – заходи. Смоленские всегда помогали псковским, а псковские – смоленским.

- Мне неудобно, – смутилась Катерина.
- Тебе – удобно, – сказал директор и пошел.

Катерина смотрела ему вслед. Невысокий, коренастый, длиннорукий. Он ей напоминал псковских деревенских мужиков. Они ходили так же, чуть сутулясь, будто их руки тянулись к земле.

Через неделю на фабрике было партийное собрание, где директор критиковал их начальника цеха. Еще через неделю начальника перевели в отдел снабжения, и на его место назначили Леднева. После этого пожилые работницы начали здороваться с Катериной. На цеховом комсомольском собрании ее выдвинули комсоргом цеха. Она отказалась. Леднев вызвал ее в свою контору, закрыл дверь и спросил:

- Ты не хочешь мне помогать?
 - Я хочу, но мне надо готовиться в институт.
 - Пойми, – убеждал ее Леднев, – я должен сформировать свою команду, чтобы меня поддерживали. И начальники участков, и парторг, и комсорг. Иначе меня сожрут. Ты присматривайся к производству. Осенью я тебя в начальники участка выдвину.
 - Не утвердят, – возразила ему Катерина. – Надо хотя бы техникум закончить.
- Катерина уже разбиралась в иерархии руководства цеха.
- В порядке исключения – можно, – заверил ее Леднев.
 - С чего бы ради меня делать исключения? – засомневалась Катерина.
 - Директор утвердит, – уверенно сказал Леднев. – Вы же земляки.
 - Мы почти соседи. Я псковская, а он смоленский.
 - И оба не любите москвичей. Это вас и объединяет.
 - Почему мы должны не любить москвичей? – удивилась Катерина.
 - Москвичей нигде не любят. Я в армии служил, так все были против москвичей. Слишком мы бойкие и разворотливые. Москва – жесткий город. Знаешь пословицу – «Москва бьет с носка»?
 - Я и другую знаю – «Москва слезам не верит».

– Тоже правильная пословица. Ведь в России, если поплачешься, – пожалеют. А в Москве слезам не верят. Но ты ведь не из плаксивых.

Катерина обо всех этих событиях рассказала Изабелле и академику. Они слушали, уточняли, задавали вопросы. Катерина заехала к ним перед майскими праздниками помочь Изабелле убрать квартиру.

– На Первое мая ты поздравь директора, – подсказала Изабелла и достала яркую открытку.

– Мне неудобно, – стала отказываться Катерина.

– Поздравить всегда удобно, – возразила Изабелла.

– А что я напишу?

– Пиши. – Изабелла начала диктовать: – Дорогой Николай Степанович!

– Никакой он мне не дорогой. Можно – уважаемый. Я его уважаю.

– Нет, именно дорогой, а не уважаемый, – настаивала Изабелла. – Уважаемый – это ты сразу устанавливаешь возрастную дистанцию. Ты – молодая, а он уже уважаемый.

– Он не молоденький, – подтвердила Катерина.

– И не старик. Всего-то лет на двадцать постарше тебя. Ты за него замуж можешь выйти.

Катерина не удержалась и рассмеялась.

– Ничего смешного. Академик старше меня на двадцать два года. Это вполне нормально. Раньше во Франции аристократы женились только после сорока. После сорока – это возраст женихов! Пиши: «Дорогой Николай Степанович! Поздравляю вас с праздником весны. Желаю счастья, удачи. Я рада, что вы есть». «Вы» напиши с большой буквы. И подпишись: Катерина псковская.

– Секретарша же прочтет эту открытку! Что она подумает?

– Пусть думает, что хочет, – отмахнулась Изабелла.

– Я лучше фамилией подпишусь, – попросила Катерина.

– Пиши, как я сказала, – рассердилась Изабелла.

Катерина написала, как велела Изабелла, и отправила открытку.

В профкоме ей предложили путевку в дом отдыха в Ялту. За треть стоимости. Она отказалась: надо было готовиться к экзаменам. К ней проявляли внимание. Она это чувствовала. Иногда она думала: а вдруг директор в нее влюбился? И пугалась этой мысли. На фабрике все знали, что у директора есть любовница – технолог из цеха кожаной галантереи, высокая блондинка. Только не это, решила Катерина. Она старалась даже не проходить мимо здания фабричного управления, чтобы не встретить директора.

... Потом она поймет, что ее просто пытались приручить. Она и сама будет приручать бойких и агрессивных работниц, когда станет директором комбината. Энергию надо направлять в нужное русло. Так делали всюду. Недовольных, если они были умны и энергичны, выдвигали. И бывшие бунтари становились начальниками цехов, инструкторами райкомов.

Через несколько лет, когда Леднев станет директором фабрики, а Николай Степанович будет работать в Моссовете, они не раз встретятся на городских активах, в мосссоветовских комиссиях, и Катерина будет во всем поддерживать и Леднева, и директора. Эти двое мужиков не бросят ее, когда на нее посыплются несчастья, они помогут ей в самые трудные годы, когда она останется одна с ребенком...

А пока Катерина ставила куски латуни, нажимала на педаль, и пресс выдавливал основание для подсвечника. Корпус подсвечника штамповали на соседнем станке. Катерина посмотрела на часы. До конца смены оставалось меньше часа. Она могла и не смотреть на часы – время определялось по усталости, накапливавшейся к концу смены. Деревенели руки, болели плечи. Она все чаще вставала со своего табурета, чтобы разогнуть поясницу.

И на хлебозаводе заканчивалась смена. Людмила достала из сумки туалетное мыло «Земляничное» и пошла в душ. Работницы в душе пользовались хозяйственным мылом: зачем мыться своим, если дают казенное – огромные серые кубы, которые не умещались на ладони. Их разрезали стальной проволокой на несколько частей. У хозяйственного мыла был специфический запах гнилых фруктов. Людмила этот запах опознавала среди сотен других. Даже не глядя на женщину, она определяла в ней работницу, особенно летом: запахи в жару становились навязчивыми. В самом начале своей работы на заводе она ехала в метро. Рядом с ней сидел молодой мужчина в костюме, при галстуке, в начищенных черных ботинках. Даже в жару он не мог себе позволить рубаху навыпуск и сандалеты. Это означало, что он работал в приличном месте, может быть, даже был связан с иностранцами. Мужчина повернулся к ней, несколько раз вздохнул и сказал:

– Вы с Трехгорки?

– С чего это вы взяли? – с вызовом откликнулась Людмила.

– Извините, – сказал мужчина. – Здесь обычно садятся девушки с Трехгорки. Меня ввел в заблуждение запах хозяйственного мыла. Я начинал в цехе, и нам выдавали такое мыло. Очень специфический запах. Его невозможно забыть.

С того дня Людмила никогда больше не пользовалась хозяйственным мылом. Стоя под душем, она намылилась своим «Земляничным», пустила горячую воду, потом холодную, потом снова горячую, чувствуя, как проходит усталость в плечах.

Пожилые работницы любили посидеть после душа. Охлаждали пиво под струей холодной воды. Выпивали по три-четыре кружки. И от этого еще больше полнели. Никто из них ни о какой диете не думал. Те, что были замужем, считали, что они пристроены и мужа должны принимать их такими, каковы они есть, да и дети к тому же еще на ноги не поставлены. Уйти может только подлец. Правда, такие подлецы находились. Уходили к другим женщинам. К этому относились как к судьбе. И уже не надеялись выйти замуж второй раз. Молодыми и то выходили не сразу, сколько усилий требовалось, чтобы мужчина согласился зарегистрировать брак. Получив штамп в паспорт, женщины сразу успокаивались. Даже если разведется, все-таки замужем побывала, не стыдно перед другими. А если есть дети, то алименты будет платить. Людмила с тоской смотрела на эти разбухшие плечи, вислые задницы, животы в складках. Это были не женщины, а просто механизмы из плоти, уже выполнившие свои функции: родили, выкормили детей и перестали быть женщинами.

Людмила выскочила из душа одной из первых. Быстро оделась. За нею попыталась увязаться новенькая, работавшая всего вторую неделю.

– Может быть, сходим в кино? – предложила она.

– У меня дела, – ответила Людмила.

– Подожди меня, поедem вместе.

– Извини, нам не по пути, – отрезала Людмила и пошла не оглядываясь.

Девушка покраснела. Пожилые работницы ее успокоили.

– Она с нами не ездит.

– А почему?

– Может, брезгует. Не хочет показывать, что такая же рабочая, как и мы.

Людмила вышла из метро в центре, на площади Революции. Зашла в несколько магазинов, купила губную помаду, крем для рук. Двинулась по улице Горького. В легком коротком платье, в легких туфлях, она шла не спеша, ловя взгляды мужчин, обращавших на нее внимание. Кое-кто из них притормаживал свой бег, оглядываясь, она это замечала и иногда, чтобы убедиться, оглядывалась сама. Некоторые мужчины делали вид, что приостановились случайно, один ей улыбнулся, один помахал, показал на часы и развел руками: рад бы познакомиться, но время не терпит! Людмила ему тоже помахала и тоже показала на часы. Пусть не думает, что он ей интересен, и без него дел навалом. Но никаких дел у нее не было, а в обще-

жизне возвращаться не хотелось – вечер совсем пустой, никто ей звонить не обещал. Можно, конечно, посмотреть по телевизору фильм в красном уголке – большой комнате, где висели портреты членов Политбюро и стенгазета, выпущенная перед майскими праздниками. Газету выпускали два раза в год: к майским и к октябрьским праздникам. Телевизор она начала смотреть в Москве. В Красногородске, когда она оттуда уезжала, телевидения еще не было.

К телевизору собирались заранее. Некоторые приходили часа за два до начала вечерних передач, занимали самые удобные места, ближе к экрану. Те, кто опаздывал, обычно стояли сзади.

На площади Маяковского Людмила снова спустилась в метро. Напротив нее сидел молодой крепкий парень в новых джинсах, в синей, в мелкую белую клетку рубашке и остроносых модных ботинках. На нем все было заграничное, поэтому она и обратила на него внимание. А во внешности ничего особенного: коротко стриженный, лицо самое заурядное, но широкоплечий и с крепкими ногами, которым было тесновато в джинсах.

И вдруг она услышала, что два парня, сидевшие рядом с ней, говорили явно о нем.

– Это же Гурин из челябинского «Трактора».

– Он перешел в молодежную сборную?

– Ненадолго. Возьмут в основной состав.

– Да, защитник толковый.

Людмила увидела, что этот Гурин из челябинского «Трактора» смотрит на нее. Слегка одернула подол платья и бросила на него быстрый взгляд. Через несколько секунд снова посмотрела, уже пристальнее: прием отработанный, внимание надо закреплять. Следующий взгляд ее был еще более продолжительным, с вопросом: чего тебе от меня надо? Гурин улыбнулся. Она улыбнулась ему и достала из сумки книгу. Пусть думает, что она смутилась, а книга – хороший повод для начала разговора. Получилось, как она хотела. Парни, сидевшие рядом с ней, вышли на станции «Белорусская». Гурин пересел на освободившееся место и спросил:

– Что вы читаете?

– «Три товарища», – ответила она.

В этот год издательства стали выпускать Ремарка и Хемингуэя. Их читали все. И она купила книгу Ремарка. Гурин посмотрел на часы, и она поняла, что он сойдет на следующей остановке, у стадиона «Динамо». Времени оставалось несколько секунд, а Гурин явно не мог придумать второго вопроса. За эти несколько секунд Людмила просчитала всю свою дальнейшую жизнь. Это же уникальный шанс! Парень из провинции, у него наверняка еще нет девушки в Москве. Конечно, пока он живет в общежитии, но, если возьмут в один из хоккейных клубов, в основной состав, и если в команду «Динамо» или ЦСКА, квартиру дадут в течение года.

Она встала на секунду раньше, чем встал он, и пошла к двери. Он двинулся за ней. Людмила быстро соображала, какой выход ему нужен. Краем глаза она отметила, как он дернулся влево, и пошла к левому выходу. Он тут же пристроился рядом.

– Значит, и вы здесь выходите? – спросил Гурин.

Нормальный идиот, подумала Людмила. У нее в запасе оставались еще две-три минуты, а надежда на то, что Гурин успеет с ней познакомиться и договориться о следующей встрече, уменьшалась с каждой секундой. В такие моменты Людмила принимала решение мгновенно.

– А я вас знаю, – сказала она. – Вы – Гурин из челябинского «Трактора».

Гурин даже остановился от неожиданности. Его узнавали в Челябинске, но чтобы в Москве, да еще такая красивая девушка...

– Вы интересуетесь хоккеем? – удивился он.

– Очень, – с жаром ответила Людмила. – Хоккейная игра – это как рыцарские поединки. Кто кого!

Людмила один раз видела хоккейный матч по телевизору и не очень поняла: то ли хоккеисты на большой скорости на коньках не могли остановиться и поэтому натыкались друг на друга, то ли специально сшибались, чтобы остановить нападение на ворота.

– Я очень рад, что вы так думаете, – сказал Гурин.

– А вы за границу уже выезжали? – поинтересовалась Людмила.

– Один раз. В Чехословакию. Но скоро собираемся в Швецию.

– Как я вам завидую! – воскликнула Людмила. Это была чистая правда.

– Ничего интересного, – отмахнулся Гурин. – Утром физическая подготовка, потом тренировочная игра, а вечером – матч. Я Прагу и не видел.

– Еще увидите и Прагу, и Париж.

– В Париже чемпионатов не проводят.

– Очень жаль.

– А как вас зовут? – спохватился Гурин.

– Людмила. – Она протянула Гурину руку, и он пожал ее.

– Может быть, мы встретимся еще раз? – спросил Гурин и покраснел – наверное, испугался собственной смелости.

– А где?

Но Гурин замолчал. Он потратил слишком много эмоциональной энергии, ему явно требовалась передышка. Надо приходить на помощь, решила она. Гурин уже дважды смотрел на часы.

– Давайте завтра в кафе «Молодежном», – предложила Людмила. Наконец-то узнаю, что такое коктейль, подумала она.

– Завтра не могу. Мы едем на базу, на тренировки. Это восемьдесят километров от Москвы. И у нас режим.

– Тогда позвоните, когда освободитесь, – и Людмила на книжной закладке написала номер телефона общежития. И тут же пожалела об этом. Телефонный номер общежития теперь знали шестеро. А это грозило неуправляемостью процесса; вахтерша никогда не запомнит, кому из них что надо отвечать.

– А я могу позвонить вам? – спросила Людмила.

– Я в общежитии, – ответил Гурин. – У нас один телефон на этаж.

У нас один на четыре этажа, подумала Людмила.

– Лучше я вам буду звонить, – решил Гурин и, пожав ей руку, бросился в сторону стадиона.

С этим может получиться, размышляла Людмила. У нее улучшилось настроение. Появилась конкретная и вполне реальная цель. Остальные знакомые – только знакомые, шансов на замужество практически никаких. Недавно она познакомилась с телевизионным оператором. Телевизионщики входили в моду, как когда-то летчики.

Рудольф рассказывал о знаменитостях, которых он показывал в передачах, о телецентре на Шаболовке, рассказывал с восторгом – он был рядом с ними, они запоминали его имя, здоровались с ним. Официант, думала о нем Людмила. Обслуживает. Подает не тарелки, а лица, но готовят еду все равно другие.

Был еще поэт, злой, нищий. Он доставал иногда контрамарки в театр и приглашал Людмилу. Она его за это и любила. Вместе с ним смотрела почти все новые спектакли в московских театрах.

Еще был заместитель начальника главка, самый пожилой из ее знакомых, уже за пятьдесят. Но он себя старым не чувствовал, потому что долго служил клерком, как он сам это называл, и руководящую должность получил совсем недавно.

С этим может получиться, размышляла Людмила о Гурине. Говорить ему, что она лимитчица и живет в общежитии, не стоило. Надо произвести впечатление. И не запутаться, не

завратся. Конечно, если все всерьез, то надо говорить правду, но говорить правду не хотелось. Ведь роман с формовщицей хлебозавода он мог завести и в Челябинске. Вот если бы влюбился по-настоящему (а парни из провинции, недавно поселившиеся в Москве, влюблялись по-настоящему – может быть, от одиночества, да и трудно одному в Москве, нужна подружка, вдвоем всегда легче), тогда можно будет рассказать о себе все. С детьми придется подождать, но не до бесконечности. Она уже сделала два аборта, и врач заводской поликлиники предупреждала ее:

– Рожать надо, Людмила! Два раза обошлось, в третий может не повезти. Ты свой лимит на аборты исчерпала.

С Гуриным могут возникнуть сложности интимного порядка. Обычно провинциалы воспринимали просьбу надеть презерватив как личное оскорбление. Они стеснялись покупать эти предметы в аптеках. Людмила однажды достала из своей сумочки пакетик с презервативом, и на этом ее отношения с поклонником закончились: он принял ее за профессиональную проститутку. Москвичи были сговорчивее, может быть, кто-то из них уже прошел через унижение венерологического диспансера. К тому же Москва полнилась слухами. Иностранцев стало больше, венерических болезней тоже. Этот хоккеист наверняка еще не привык к свободным московским нравам, у них в провинции девушки соглашаются лечь в постель только после свадьбы...

В общежитие Людмила вошла в хорошем настроении. И крем купила, и губную помаду, и познакомилась.

Антонине пришлось задержаться на стройке – попросил прораб, пообещав отгул. Вместе с Полиной они закончили побелку потолков, покрасили трубы в ванной и туалете, завтра с утра можно клеить обои. Они спустились во двор. Николай ждал ее. Антонина знала, что так и будет. И все равно обрадовалась, даже покраснела – она краснела мгновенно. Полина сразу отстала, а Антонина и Николай не торопясь пошли к остановке автобуса.

– Тося, – сказал Николай, – мать говорит, чтобы ты в субботу на дачу к нам приехала.

Антонина ждала этого предложения, но не так скоро. Суббота ведь уже завтра.

– Ты чего молчишь? – забеспокоился Николай.

– Боюсь, – призналась Антонина.

– Чего бояться-то? – удивился Николай.

– Страшно...

Как ему объяснить? К ней будут присматриваться, прислушиваться, как ответит, что скажет. Она знала, что его родители – заводские рабочие, но они москвичи, уже давно, с довоенных времен. А она почти деревенская, Красногородск только недавно стал называться городом, а раньше был поселок Красногородск.

– Знаешь что, – решил Николай, – захвати на первый раз девчонок, чтобы веселее было. Да и им на пользу, свежим воздухом подышат.

Антонина обрадовалась. С подругами не страшно. И поддержат, и прикроют, и самой не надо про себя рассказывать, про нее расскажут все самое хорошее. А плохого и не было. Себя соблюдала, парней не подпускала, даже не целовалась ни с кем. Они дошли до остановки. Подъехал автобус, как обычно переполненный. Один из парней на остановке поцеловал девушку. У них это получилось легко и складно. И Антонина решила тоже. Она коснулась губами щеки Николая, которая оказалась очень колючей. Николай заулыбался, обнял ее, ткнулся губами в ее нос. Потом ухватился за поручни, втиснулся в автобус, оглянулся, попытался помахать ей рукой. У него это не очень-то получилось, его уже сжали со всех сторон. Антонина тоже помачала рукой не очень умело и оглянулась, смущаясь, но никто на нее не смотрел.

Антонина шла между блочных пятиэтажек, посматривая в окна первых этажей. Скоро и она будет жить в точно таком же доме. У них с Николаем будет своя, отдельная комната. Как у

них все получится в первую ночь? Но у всех же как-то получается. Все-таки надо поговорить с Полиной, как себя вести, что позволять, а чего не позволять. Николаю, наверное, старшие мужики уже все рассказали и объяснили, мужики ведь откровеннее друг с другом.

В субботу девушки встали пораньше. В душевой еще никого не было – в выходные все отсыпались. Выходным днем суббота стала недавно, рабочий люд привык управляться со своими делами за воскресенье, и поэтому еще один свободный день казался праздником.

Подруги погладили платья, позавтракали яичницей. Обычно завтрак готовила Антонина, но в этот раз ее освободили, и завтраком занималась Катерина. Людмила уложила Антонине косы, предложила покрыть ногти лаком, но Антонина отказалась. Она каждую минуту высказывала в коридор и смотрела через окно на дорогу. Наконец увидела, что возле общежития остановился «москвич», из него вышел Николай, оглядел себя, подтянул брюки и двинулся к подъезду.

– Приехал! – сообщила Антонина. – Можем идти!

– Пусть поднимется, – попросила Людмила. – Не будем показывать, что мы его ждем. –

И она раскрыла книгу.

Николай вошел, поздоровался.

– Мы готовы! – тут же сказала Антонина.

– Не совсем, – поправила ее Людмила. – Но сейчас будем.

Она отложила книгу, осмотрела себя в зеркальце, подкрасила губы и наконец разрешила:

– Можем идти.

Когда они проходили мимо вахтерши, зазвонил телефон.

– Общежитие слушает, – ответила вахтерша. – Кого? – переспросила она. – Людмилу?

Людмила мгновенно оказалась рядом, выхватила трубку.

– Да! Кто? Рудольф, с телевидения? Помню, конечно! Это у нас бабушка шутница. К нам сейчас гости из Риги приехали, так она нашу квартиру общежитием стала называть.

Вести разговор при Николае ей было явно неудобно, она махнула рукой в сторону двери, подруги поняли, но Николай не стронулся с места и слушал подчеркнуто заинтересованно, даже ладонь к уху приложил.

– Нет, сегодня не могу, – продолжала Людмила, уже с вызовом глядя на Николая. – Сейчас мы всей семьей на дачу едем. По какой дороге?

Людмила лихорадочно соображала.

– По асфальтированной, – подсказал Николай.

– По Дмитровке, – нашлась Людмила. – Пока, Рудик, папа торопит. Извини, он такой зануда, вечно ворчит. Я до сих пор не могу понять, как за него замуж можно было выйти. – Она уставилась на Николая и, положив трубку, сказала: – Это я про тебя.

– Побрякушка ты, – беззлобно ответил Николай.

– Не учи меня жить, а лучше помоги материально. – И Людмила двинулась к выходу.

Возле подъезда стоял «москвич» выпуска первых послевоенных лет – точная копия немецкого автомобиля «опель-олимпия». На конвейере автозавода, у которого еще недавно стояла Людмила, уже собирали другую модель – советскую.

Людмила оглядела «москвич»:

– Не развалится? По возрасту он старше тебя.

– Не бойсь, – заверил ее Николай, – ему всего пятнадцать лет.

Людмила и Катерина сели на задние сиденья, Антонине оставили место впереди, рядом с Николаем.

По Ленинградскому шоссе Николай доехал до выезда из Москвы и свернул на окружную кольцевую дорогу.

– Так ты, оказывается, богатый жених, – рассуждала Людмила. – Машина, дача... Если бы я раньше знала, ты бы сейчас не Антонину к родителям вез, а меня.

– Успокойся. Ты не в моем вкусе. Фанера Миловская, – ответил Николай. – А дача – пока это название одно. Садовый участок!

– Тогда нам это не подходит. Поворачивай назад, – потребовала Людмила.

– Да ладно тебе! – попросила ее Катерина. – Посмотри на Тоньку, на ней лица нет от страха.

– Не трусь, Тонька, – весело подбодрила Людмила. – Это еще неизвестно, кто кому сейчас смотрины устроит – они нам или мы им!

– При чем тут смотрины? – смутился Николай. – Просто в гости едем.

– В гости у нас есть к кому ездить, – оборвала его Людмила. – Мы едем посмотреть, стоит ли отдавать в эту семью нашу лучшую подругу. Вы думаете, если вы москвичи, так вам все лучшее? Мы еще устроим свой совет в Филях и долго будем думать – отдавать вам Антонину без боя или устроить Бородино.

Они въехали в дачный поселок. Некоторые владельцы уже подвели дачи под крышу, но на большинстве участков стояли деревянные времянки, многие без окон, больше напоминающие сараи, чем дома. Кое-где строились всерьез, возводили кирпичные стены. Во дворах на временных печках готовили еду. На патефонах крутили пластинки, электричество к поселку еще не подвели.

На участке, возле которого Николай притормозил, стояла времянка, сколоченная из досок. Родители Николая появились, как только Николай заглушил мотор. Ждали – приоделись к такому случаю. Они рассматривали трех девушек, пытаясь угадать, какую из них выбрал сын.

Людмила улыбнулась им, помахала рукой, приветствуя. И мать, и отец, неуверенно улыбаясь, смотрели на сына.

– Принимайте гостей. – Николай начал бодро представлять: – Людмила, Катерина, – и, выдержав паузу, почти торжественно произнес: – Антонина.

Антонина вышла из-за спин подруг и опустила глаза, но, увидев, что родители Николая улыбаются, тоже улыбнулась и сразу включилась в приготовления к обеду. Катерину и Людмилу освободили от хозяйственных забот. Людмила тут же стала раздеваться, чтобы позагорать – не пропускать же такую редкую возможность.

– Не надо, – сказала ей Катерина, – мы же не на пляже.

– Мы на природе, – возразила ей Людмила. – Ты посмотри по сторонам, все раздеты.

И вправду, по участкам ходили женщины в ситцевых шароварах и лифчиках, мужчины тоже разделись, некоторые, правда, оставили майки для приличия.

Людмила сбросила платье, легла. Николай и отец ставили забор. Чтобы увидеть Людмилу, надо было оглянуться. Николай оглянулся только один раз, но отец его оглядывался часто. Давно, наверное, не видел оголенной молодой женщины.

Потом они обедали. Мать разлила вермишелевый суп. На второе была вермишель с консервированной свиной тушенкой.

Отец Николая разлил водку по рюмкам. Женщины отказались, а Николай с отцом выпили, закусили, еще выпили.

Катерина посматривала на оживленную улыбающуюся Антонину. Ее явно одобрили, и она радовалась, что все определилось. Но почему только мужчина должен принимать решение, если у нас равенство? Катерина из-за этого не любила ходить на танцы. Стоять, подпирать стены и ждать, пока тебя выберут и пригласят. Даже если тебе не нравится приглашающий, ты должна идти с ним. Если не согласишься, могут обругать, а если ответишь не так, можно и схлопотать по физиономии. И они выбирали – кривоногие, небритые, пахнущие водкой, пивом, потными рубашками с несвежими воротничками, в мятых штанах и нечищенных ботинках. А чистенькие девушки в накрахмаленных кофточках, наглаженных юбках, нарядных платьях радовались, что их выбрали. Стыдно ведь стоять, когда все танцуют.

Женщина должна ждать, когда ее пригласят на танец, когда пригласят в кино и, наконец, когда сделают предложение выйти замуж. А за кого выходить-то? Чему они могут научить будущих детей? Николай – один из лучших: добрый, заботливый, детей плохому не научит, хозяйственный. Наверное, Антонине все-таки повезло.

– Антонине повезло! – заявила Катерина, когда они с Людмилой после обеда снова улеглись на траве.

– Чего же хорошего? – удивилась Людмила. – Теперь для нее все заранее известно: сначала будут откладывать деньги на телевизор, потом на гарнитур, потом холодильник купят, стиральную машину. Все, как в Госплане, на двадцать лет вперед расписано. Глухо как в танке!

– Но так ведь все люди живут, – возразила Катерина.

– А я так жить не хочу. Я тебе уже говорила: жизнь – лотерея! Пока могу, я в нее буду играть! Может, повезет...

– А если не повезет? – спросила Катерина.

– У меня есть еще запас времени. Лет до тридцати поиграю в эту лотерею, а не получится – такие электрики Николаи или сантехники Пети никуда от меня не денутся!

– Но им тоже будет под тридцать, – возразила Катерина. – У них уже по двое детей будет к этому времени. Так ты семью, что ли, разбивать будешь?

– Если будет разбиваться, почему бы не разбить? А ты так далеко не загадывай. Ты что, как партия и правительство хочешь жить? Все заранее расставить по пятилеткам? В жизни ведь так не бывает. У меня один знакомый физик был. Он говорил, что жизнь состоит из атомов. Они бегут – вверх, вниз, в разные стороны. И соединяются абсолютно случайно. Именно случайность порождает порядок. Как он говорил, это краеугольный камень современной физики.

– Значит, от нас ничего не зависит? – Катерина перевернулась на спину и зажмурилась от солнца.

– Поэтому, я тебе уже говорила, надо, как щука, плавать всегда с раскрытой пастью, чтобы своего не пропустить.

– И ты уверена, что не пропустишь?

– Абсолютно, – подтвердила Людмила.

– Что-то у тебя пока не очень получается, – усомнилась Катерина.

– Пока варианты не сходятся. Вот вчера я познакомилась с одним хоккеистом, восходящей, так сказать, звездой. И я чувствую: у меня с ним получится. Я даже вижу, как мы с ним въезжаем в однокомнатную квартиру.

– Лучше в двухкомнатную!

– Нет. Я вижу пока однокомнатную. Я вижу, как встречаю его в международном аэропорту. Они прилетают из Праги.

– Лучше из Парижа.

– В Париже чемпионатов по хоккею не бывает.

– А ты видишь, как вы уже стали стариками и у вас внуки?

– Этого не вижу и видеть не хочу. Я всегда буду молодой.

Подвыпивший отец Николая водил Антонину по участку и показывал яблони, маленькие, в рост девушки.

– Это «антоновка», это «белый налив», это «золотой ранет».

– Здесь можно картошку посадить, – предложила Антонина.

– Обязательно посадим. – Отца Николая шатнуло, и Антонина, подхватив его, повела к дому.

– Все. Скоро Тонька станет нормальной московской жлобихой. Каждую субботу и воскресенье – на участок, на свои огороды. Ненавижу! Я и дома огород ненавидела. Весну, лето, осень вкалываешь за пять мешков картошки да десяток банок огурцов. Все это можно купить. За гроши. И не надо горбатиться.

- Значит, у тебя дачи не будет? – спросила Катерина.
- Будет. Двухэтажная, восемь комнат, с сауной. Ты была когда-нибудь в сауне?
- Не была.
- Свою, – пообещала Людмила.

Им предлагали остаться ночевать, но Людмила не согласилась: всем пришлось бы спать на полу – в домике стоял только один топчан, вернее, противоснеговой щит из досок, накрытый старым матрацем.

– Я привыкла спать только в своей кровати, – заявила Людмила.

– Всегда? – спросил насмешливо Николай. Ему не хотелось ехать вечером в Москву и наутро снова возвращаться на участок.

– Всегда, – подтвердила Людмила, хотя иногда неделями не ночевала в общежитии.

На следующее утро Николай рано заехал за Антониной. Она собиралась тихо, но Катерина проснулась и тоже начала собираться.

Уже год она жила в Москве, но на московские театры, концерты, музеи, выставки у нее не хватало времени. С утра – на работу, потом в библиотеку. После прошлогоднего провала на экзаменах в институт она занималась упорно и методично. В районной библиотеке у метро «Сокол» скоро обнаружила таких же девчонок из других общежитий. Они сдружились, доставали и передавали друг другу образцы сочинений, билеты по математике, по химии. Библиотека закрывалась в девять вечера, и они еще успевали на последний сеанс в кинотеатр «Сокол».

...Потом их пути разойдутся. Через двадцать лет одна из них станет преподавать в университете на геолого-почвенном факультете, другая уедет в Израиль. Катерина только тогда узнает, что рыжая Милка – еврейка. Она приехала из Белоруссии, работала на фабрике резинотехнических изделий, занималась по воскресеньям в аэроклубе, потом закончила авиационный институт. В Израиле Милка стала летчиком-истребителем и, как говорили общие приятельницы, одной из первых израильских женщин-генералов. В это Катерине не очень верилось, хотя Галя – тоже из давней компании, – которая вышла замуж за румына, как-то переслала письмо и подарок от Милки – серебряный браслет. Все это Катерине передал румын, даже не назвавший своего имени. Он позвонил, договорился о встрече в метро. Улыбнулся, протянул Катерине сверток и исчез. А Катерина весь вечер перечитывала письмо от Милки и вспоминала прошлое...

Но все это будет только через двадцать лет, а сегодня утром Катерина собиралась пойти в Третьяковскую галерею. Живя в Красногородске, она думала, что все москвичи постоянно ходят в театры, в консерваторию, на выставки, но уже через полгода поняла, что столичные граждане живут так же, как красногородцы. Во всяком случае, те женщины, с которыми она работала на фабрике. С утра – на работу, после работы – по магазинам, потом домой – приготовить еду и заняться хозяйством. По воскресеньям ездили на садовые участки или в Серебряный бор на пляж. Те, кто помоложе, иногда ходили по вечерам в ближайший кинотеатр. Никто из ее знакомых никогда не был в Большом театре. В театры ходили, если фабком закупал билеты и устраивал культпоход. Вместе с фабричными Катерина побывала однажды в оперетте и один раз в Театре имени Пушкина.

Она составила для себя культурную программу, но осуществить ее оказалось трудно. Случайно Катерина достала один билет в Большой на «Пиковую даму». В этот день она не успела поспать после ночной смены и стала засыпать уже в середине первого акта. Она вообще хорошо засыпала под музыку. Опера ей не понравилась. Что-то старомодное и неестественное увидела она в том, что вместо нормальных разговоров все поют.

Еще в первый месяц жизни в Москве она побывала в Третьяковской галерее, но приехала туда уже перед закрытием, за полчаса обошла все залы, нигде не задерживаясь, и твердо решила, что обязательно придет сюда в воскресенье с утра и проведет весь день. Это воскресенье наступило только сегодня.

- Ты куда? – спросила Людмила, проснувшись.
- В Третьяковскую галерею. Поедем вместе, – предложила Катерина.
- В Третьяковской одни командировочные и гости столицы, – зевнула Людмила.
- Я же не на людей иду смотреть, а на картины, – возразила Катерина.
- Это не для нас. – Людмила усмехнулась. – Я лично в научный зал Ленинской библиотеки поеду, – сообщила она.
- Ты в библиотеку? – удивилась Катерина.
- А ты знаешь, какой там контингент? – заявила Людмила. – Доктора наук, академики, аспиранты.
- Будешь смотреть, как они читают?
- Не я на них, а они на меня смотреть будут, – многозначительно заметила Людмила.
- Чтобы записаться в научный зал, надо высшее образование иметь, – сказала Катерина.
- У меня высшее жизненное. Ты знаешь, сколько работницы библиотеки получают? Не знаешь! Меня за пару шоколадных конфет записали. Могу и тебе пропуск достать.
- То, что мне надо, есть и в районной библиотеке.
- Эх ты! – вздохнула Людмила. – Как была, так и останешься девушкой районного масштаба.

Людмила могла и приврать, но Катерина уже знала, что ее странные идеи иногда приносили самые невероятные плоды.

Катерина доехала на метро до центра, прошла мимо ресторана «Националь», где толпились иностранцы. Она определила, что это немцы, – в школе она изучала немецкий язык. Постояла невдалеке, но не смогла ничего понять из их оживленного разговора. К гостинице подкатил автобус, иностранцы зашли в салон. Мужчины пропустили вперед женщин, одетых в яркие блузки. Женщины были в основном старые, да и мужчины тоже немолодые. Наверняка воевали в последнюю войну, подумала Катерина, и, может быть, против нас. Она родилась уже после войны и немцев видела только в кино. Но, приехав в Москву, как-то увидела двух молодых немецких офицеров. Их форма так была похожа на ту, из кино, что она даже пошла за ними. Молодые немцы с одинаковыми желтыми портфелями шли, разговаривая громко и оживленно. Прохожие постарше замедляли движение, смотрели на них с удивлением, некоторые растерянно. Катерина вспомнила, как тихо выматерился пожилой мужчина, зашарил по карманам в поисках папирос.

Закурил, повторяя:

- Как же так? – и прибавил слова про их немецкую мать.
- Об этой встрече она рассказала академику и Изабелле.
- Почему они не изменяют форму? Ведь еще и через пятьдесят лет будут живы люди, которые воевали. Они же их запомнили.
- Нас Европа тоже запомнила, – заметил академик. – И тоже будет помнить не одно десятилетие.
- Но мы же их освободили, – возразила Катерина. – А они нас хотели завоевать.
- Это мы так считаем, что освободили, – сказал академик. – А они считают, что мы их завоевали.
- Не говори глупостей, – оборвала Изабелла академика, – она еще маленькая и неправильно тебя поймет.

Катерина шла мимо старого университета, небольшого и уютного. Она очень удивилась, когда увидела старый Московский университет. Для нее существовал только один, новый, на Ленинских горах, – похожее на гигантский торт высотное здание, изображения которого встречались на почтовых открытках, в туристических проспектах, в учебниках истории. На следующий же день после приезда в Москву она поехала на Ленинские горы, обошла университет, но не рискнула войти внутрь здания. Она сразу решила для себя: поступить сюда наверняка

невозможно. Это для других, для москвичей, для иностранцев, для особо способных и умных. Здесь, наверное, учатся только избранные. Она подала документы в химико-технологический институт, в котором когда-то учился академик. Если в нем уже учился один красногородский, значит и у нее есть шанс. В университете никто из знакомых и земляков не учился.

У Манежа Катерина свернула к Кремлю. В Кремле на экскурсии она уже была и вычеркнула его из своего списка мест, обязательных для посещения. При случае она о Кремле, о Царь-пушке и Царь-колоколе уже могла рассказать. Она прошла вдоль Александровского сада, пересекла Москву-реку и, свернув влево, переулками стала добираться до Третьяковской галереи.

В этот утренний час в Замоскворечье было пусто и жарко. Во дворах играли дети, женщины развешивали выстиранное белье. У цистерны с пивом скопилась очередь мужчин. Мужчины в сатиновых шароварах и майках, небритые, помятые с субботнего похмелья, курили и стучали костяшками домино. Совсем как в Красногородске. Казалось, что здесь столичная жизнь ничем не отличалась от провинциальной. Женщины варили воскресный обед, летом все делали окрошку, только ставили ее в холодильники, а не в погреб, как в Красногородске.

После воскресного обеда детей отправляли гулять и давали денег на дневной сеанс в кино, а взрослые заваливались спать.

– А почему взрослые по воскресеньям днем ложатся спать? – как-то спросила Катерина Людмилу, когда они учились в четвертом классе.

– Да не спят они, – ответила Людмила, которая всегда почему-то знала больше, чем Катерина и Антонина. – Они трахаются!

О сексуальных отношениях между мужчинами и женщинами Катерина кое-что знала, но не в подробностях. В кино их никогда не показывали. Герои только целовались. Кое-что узнавали от старших сестер, от взрослых женщин, когда они выпивали и становились откровенными. Катерина много узнавала от Людмилы, хотя они были ровесницами и Людмила в школе училась плохо, на одни тройки, не могла решить даже самой простой задачи по арифметике и всегда списывала у Катерины.

В это воскресное утро в Третьяковской галерее посетителей было мало. Несколько мужчин, явно командированных, в костюмах и при галстуках, несмотря на жару, двигались из зала в зал, и Катерина шла вместе с ними. На осмотр каждого из залов у них уходило одинаковое количество времени – несколько минут. Иногда Катерина отставала, иногда отставали командированные, но все равно в одном из залов они сходились снова.

В зале с иконами почти никто не задержался. Катерина тоже осмотрела иконы мельком. Святые на иконах лишь отдаленно напоминали живых людей, и Катерина подумала – то ли иконописцам запрещали рисовать святых похожими на людей, то ли тогда еще не умели рисовать. Иконы ей напоминали детские рисунки: вроде бы и похоже, но очень уж неумело. И цвета были без полутонов, в основном золотое, синее и красное.

Залы с картинами восемнадцатого века она прошла, почти не задерживаясь. Лица на портретах отличались от сегодняшних спокойствием и невозмутимостью. Им-то о чем было беспокоиться? И деньги не надо рассчитывать от получки до получки, и откладывать не нужно целый год, чтобы купить пальто.

Катерина задерживалась у картин, которые она знала по репродукциям. Она долго рассматривала «Утро в сосновом бору» Шишкина. Красногородск окружали леса, и всегда жители боялись медведя-шатуна. В рассказах медведь всегда был один. В то, что собралось такое количество медведей в одном месте, Катерине поверить было трудно, но художники, как и писатели, тоже имеют право на вымысел, на преувеличение – так говорила им учительница литературы.

Катерина постояла у картины Пукирева «Неравный брак». По урокам истории она знала, что помещик мог выдать замуж крепостную девушку за того, кого выбирал сам, потому что в России существовало крепостное право, практически рабство, и было это почти сто лет назад. Катерина быстро подсчитала, и вышло, что ее прадед был рабом. Она посмотрела на дату на

табличке. В это время крепостное право уже отменили, к тому же невеста, судя по одежде, явно не из крестьянок. Катерина читала, что девушек раньше выдавали замуж по расчету насильно, за богатых. В это она тоже не очень верила, в конце концов, можно было и сопротивляться, устроиться на работу. Катерина записывала в большую тетрадь афоризмы и красивые выражения, в основном про любовь. Многие девочки имели такие тетради, выписывали чаще не из книг, которые читали, а переписывали одна у другой. Тетрадка Катерины начиналась с выражения: «Умри, но не давай поцелуя без любви». Потом шла запись: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях» – Долорес Ибаррури. Уже в общежитии Людмила перечитала эту цитату и сказала:

– У нас на заводе говорят по-другому, лучше дать стоя, чем на коленях.

Катерина перешла в залы с картинами советского периода. Люди на картинах мало напоминали живых. Очень мускулистые мужчины и очень грудастые женщины. Таких в жизни встретишь одного на тысячу. А лица чем-то напоминали святых на иконах, такая же строгость и торжественность.

Катерина почувствовала, что устала, ей не хотелось больше смотреть, хотя она прошла еще только залы с живописью тридцатых годов. Она решила досмотреть в следующий раз и направилась в буфет: утром она выпила одну кружку молока с булкой и сейчас хотела есть. В буфете взяла сосиски, хлеб и чай.

Командированные, с которыми она переходила из зала в зал, уже сидели за столиком. Один из них, самый молодой (не старше тридцати, определила Катерина), поймав ее ищущий взгляд, показал на свободное место за их столиком. Катерина подошла, улыбнулась и поблагодарила.

– Я вам завидую, – сказал молодой человек. – Вы можете хоть каждый день ходить в галереи и театры. Вы ведь москвичка?

– Да, – ответила Катерина, – я москвичка.

И поняла, что ответила, как отвечает Людмила, и даже улыбнулась в ее манере. Она решила поправиться и сказать, что в Москве всего год, но не успела. Командированный уже задал следующий вопрос:

– Вы учились в художественном институте или училище?

– Почему вы так решили? – удивилась Катерина.

– По тому, как вы смотрели на картины. У одних мастеров вы останавливались, мимо других пробегали. Я не ошибся?

Катерина растерялась. Людмила, наверное, ответила бы, да, вы не ошиблись, но она еще не умела, как Людмила, поддерживать разговор, выслушивая собеседника и пересказывая его же рассуждения только другими словами.

– Нет, – призналась Катерина. – Я к искусству не имею отношения.

– А к чему имеете?

– Ни к чему. – Катерина решила не врать. – Я поступала в химико-технологический и провалилась.

– Я тоже поступил со второй попытки. Закончил автодорожный. Знаете, тот, что рядом с метро «Аэропорт».

– Знаю, – ответила Катерина. – Я живу в Химках-Ховрино.

– Этот район начал застраиваться, когда я учился в институте. Меня зовут Андрей, – представился ее новый знакомый.

– Меня Катерина.

Двое других командированных поглядывали на них, но молчали. Потом поднялись:

– Мы в гостиницу. – И ушли.

– Деликатные люди, – отметил Андрей. – Заметили, что вы мне понравились, и отошли.

– Вы в командировке?

– Да. Я живу в Брянске. Распределили после института. Я сам брянский.

Катерина хотела было признаться, что она псковская, но почему-то не сделала этого. Они вышли с Андреем из галереи и пошли по Пятницкой к центру. Андрей рассказал, что работает инженером на авторемонтном заводе, не женат и живет с родителями. Катерина шла рядом со взрослым мужчиной. И он принимал ее за взрослую. Я и есть по-настоящему взрослая, думала Катерина, мне восемнадцать лет, даже по закону я уже имею право выйти замуж. Как выяснилось, Андрей старше ее на десять лет, но академик старше Изабеллы больше чем на двадцать и отец старше матери почти на десять лет. Катерина представила, как они начнут переписываться, потом она приедет к нему в Брянск и останется у него; конечно, вначале они зарегистрируют брак в загсе. И уже ничего не надо решать, все за нее решит он, потому что он старше и мужчина.

– А кто ваши родители? – интересовался Андрей.

– Отец химик, мать филолог, – ответила Катерина, понимая, что начинает запутываться. Химиком был академик, а филологом Изабелла. Отец Катерины закончил строительный техникум, а мать работала лаборантом на молокозаводе.

– А вы живете с родителями?

– Конечно. – Катерина заметила, что говорит с интонацией Людмилы.

– В коммунальной или в отдельной квартире? – продолжал расспрашивать Андрей.

– В отдельной. Но очень небольшой, – ответила она, вспомнив разговоры Антонины о квартире родителей Николая. – Двадцать восемь квадратных метров.

– Это стандарт для нынешних двухкомнатных квартир.

Андрей не жаловался, но сожалел, что не смог после института остаться в Москве. Столица – центр автостроения, и он мог бы стать конструктором новых автомобилей. Андрей вспоминал о годах учебы, о выставке картин Дрезденской галереи. И Катерина вдруг поняла, что он хотел бы вернуться в Москву. Конечно, она ему понравилась, но, наверное, прежде всего его интересовала возможность остаться в столице. И чем больше он говорит о Москве, тем больше Катерине хотелось признаться, что она его обманула, и рассказать, что никакая она не москвичка, а обыкновенная лимитчица, и живет в общежитии, и работает на галантерейной фабрике. Но никак не могла набраться смелости. Катерина представила, как все это скажет, как он замолчит, а потом выругается матом – чего с ней, обманщицей, церемониться. Может даже ударить. С нею однажды такое случилось на танцах в Сокольниках. Она не хотела идти танцевать с парнем, он ее выматерил и попытался ударить. За нее заступились курсанты-пограничники, с одним из которых тогда встречалась Людмила. С курсантами старались не связываться. Они дрались всерьез и очень умело, ломая руки и ноги, их побаивалась даже милиция.

– Мне пора, – заметила Катерина. – Родители меня ждут. Сегодня мы едем на дачу.

Андрей растерялся от неожиданности – Катерина прервала его рассказ о дипломном проекте.

– Может быть, мы еще погуляем? – неуверенно предложил Андрей.

– Извините, не могу. – Катерина прикрыла глаза, как это делала Людмила, сразу становясь неприятно надменной.

– Я часто бываю в командировках в Москве, и если вы позволите, – он вдруг перешел на «вы», хотя называл ее уже на «ты», – я мог бы вам позвонить.

– Позвоните, – разрешила Катерина и продиктовала телефон общежития, изменив последнюю цифру. Она представила, как он будет звонить из Брянска по междугородней связи и в какой-то квартире скажут, что здесь Катерины нет и никогда не было. Однажды, когда Людмила при ней дала парню телефон, намеренно изменив последние цифры, Катерина ей сказала: «Зачем так обманывать, лучше вообще не давать никакого номера. Это же подло!»

Я поступаю подло, подумала Катерина и бросилась в метро. Она несколько раз оглянулась, не идет ли за ней Андрей, но никто не шел. Она посмотрела на часы. День только начи-

нался. Она приедет в общежитие и ляжет спать, вечером в красном уголке будет смотреть телевизор. Можно, конечно, пойти на пляж, но одной идти не хотелось, и она впервые за последние месяцы пожалела, что у нее нет своего парня, с которым сейчас можно встретиться, погулять, вечером пойти в кино.

Что-то у меня не получается с парнями, подумала Катерина, они меня обходят. Тебя считают зазнайкой, как-то сказала ей Антонина. Катерина знала, что никакая она не зазнайка, просто, если парни привирали, она об этом говорила прямо. Еще она не любила, когда от парней пахло водкой, а от них вечерами всегда пахло, и они становились развязно-болтливими. Это они от робости, пояснила ей Людмила, они еще более неуверенные, чем мы. Нам даже проще: мы сидим и ждем, когда нас пригласят, когда с нами заговорят. А ведь им страшно: пригласишь на танец, она откажет, а кругом все видят, что тебе отказали.

Нам не лучше, возражала Катерина. Стоишь, подпираешь стену и ждешь, когда тебя пригласят. Мы же не выпиваем для храбрости. Скорей бы уж я кому-нибудь понравилась, и он бы мне понравился, думала Катерина в вагоне метро, вышла бы замуж, все ведь выходят замуж. Напротив нее сидели мужчины. Пожилые, за сорок, под рубашками навывпуск бугрились животы. Мужчины вытирали пот уже мокрыми платками. Неужели таких тоже любят? – думала Катерина.

Глава 3

А Людмила в это время ехала в противоположном направлении – в Ленинскую библиотеку. В этой библиотеке занимались аспиранты, кандидаты наук, был зал для профессоров и академиков. Она однажды зашла в этот зал. За столиками сидели в основном старики. Обычно, когда она входила, мужчины обращали на нее внимание, но здесь читали сосредоточенно. Один поднял голову, глянул мельком и снова вперился в книгу. Она поймала взгляды библиотекарей – так обычно смотрят продавцы в отделах самообслуживания, за всеми сразу и обязательно за кем-то одним, кто вызывал опасения. В этом зале она явно вызывала опасения. К ней уже собиралась направиться одна из библиотекарей. Людмила фыркнула, одернула кофточку, поправила прическу. Долго собираешься, подумала Людмила и вышла. Она бы могла сказать этой тощей селедке в очках, что о ней думает, но ничего говорить не стала. Зачем ей скандал, разбирательства, выяснения, как и почему она получила пропуск?

Людмила прошла в третий научный зал, положила тетрадку и очки на один из свободных столов и пошла заказывать литературу. Обычно она в карточке выписывала шифры нескольких книг, даже не вчитываясь в названия. Книги укладывались на стол для видимости. На открытых стеллажах она обычно брала журналы – «Огонек», «Работницу» и еще журнал «Польша», где всегда на нескольких страницах была показана модная одежда, какую начинали носить в Европе. Когда такая одежда появлялась в московских магазинах, Людмила уже знала, что покупать.

В этот раз она просмотрела журналы и пошла в курилку. Она курила уже два года. Начала для форсу в компаниях, чтобы казаться современной, к тому же в эти годы в Москве появились болгарские и албанские сигареты в красивых пачках. Приятно вытащить сигарету, щелкнуть зажигалкой, которые еще не продавались в Москве, – их, как и шариковые ручки, привозили из-за рубежа. Теперь Людмила курила постоянно. Вначале об этом не знали ни на заводе, ни в общежитии. На заводе некоторые пожилые работницы курили еще с войны – папиросы «Беломорканал», к которым привыкли. И Людмила после обеда стала выходить с ними в подсобку, чтобы выкурить длинную сигарету «Фемина».

В курилке библиотеки среди мужчин всегда сидели несколько молодых женщин. Здесь многие уже знали друг друга, некоторых знала и Людмила. Она достала сигарету, к ней протянули зажигалки сразу двое. Одного она знала: этот инженер писал здесь реферат для поступления в аспирантуру. Иногда Людмилу спрашивали, над чем она работает. Она обычно отвечала: над собой, опасаясь откровенного вранья, – здесь всегда мог найтись специалист по психиатрии. В последнее время она обычно представлялась студенткой медицинского института, которую интересуется психиатрия.

В эту библиотеку она записалась вполне сознательно. В библиотеке, особенно в курилке, знакомиться легко. Она знала постоянных посетителей, но каждый раз в курилке возникали новые мужчины. За первый год в Москве у нее не появилось ни одного знакомого, который не работал бы на стройке или конвейере автозавода. На танцах она знакомилась с курсантами военных училищ, все с той же лимитой из общежитий. А ей нравились интеллигентные молодые люди, они всегда рассказывали что-нибудь интересное. У них в классе физику преподавал бывший фронтовик, он закончил институт после войны и получил распределение в их школу. Единственный мужчина-учитель на всю школу. И все учительницы, которые еще не вышли замуж – а учительнице выйти замуж еще труднее, чем маляру со стройки, особенно в маленьком городке, – влюбились в физика. А он женился на продавщице из овощного ларька, красивой цыганистой Аньке, которая – единственная из всех женщин райцентра – не носила лифчика. Летом в жару она ходила в майке, и мужчины, когда их посылали за овощами, всегда шли в ее ларек, чтобы посмотреть на эту перекатывающуюся под майкой грудь. Физик ее уви-

дел, потом его увидели с ней в парке, а потом физик переехал в дом, где она жила с матерью. После окончания учебного года сразу четыре учительницы уволились из школы. Какой смысл работать, если ты пришла в новой кофточке, но никто, кроме малолеток, не замечает. Когда есть мужчина, есть и надежда, особенно если мужчина неженатый.

Теперь Людмила тоже не носила лифчика. И чувствовала на себе взгляды мужчин, особенно когда надевала тонкую крепдешиновую блузку. Здесь, в библиотеке, она познакомилась с начинающим поэтом, и зимой и летом он ходил в одной и той же вельветовой куртке. Он подарил ей журнал «Юность», который недавно стал издаваться, со своими стихами. В курилке его знали и относились с внимательным почтением. Как и к длинноволосому седому сумасшедшему, который в библиотеку приходил, как на работу, с утра.

Людмила выкурила сигарету. Здесь же, в курилке, были установлены телефоны-автоматы, и она позвонила Еровшину, с которым познакомилась в бассейне, слышала частые гудки – занято – и повесила трубку.

Прожив год в Москве, Людмила выделила для себя несколько мест, где можно завязывать знакомства. Она просчитала все варианты и остановилась на танцверандах, стадионах, библиотеках и бассейнах; зимой ходились катки.

На танцверандах она знакомилась с молодыми парнями. Стадионы давали большой выбор: и молодые, и вполне зрелые болельщики в основном мужчины, и появление на стадионе молодой женщины не оставалось незамеченным. Людмила осознала, что в знакомстве на случайность рассчитывать не следует. Для знакомства надо создавать особые условия. Во-первых, в местах знакомства женщин должно быть меньше, чем мужчин. На танцах все-таки девушек было больше, чем парней. Танцверанда – это нормальный вариант для безынициативных. И матери, и отцы знакомились на танцах.

Но Москва предоставляла значительно большие возможности для знакомств. Эти возможности Людмила использовала вполне целеустремленно. Она ходила и на футбольные матчи. Изучила особенности и составы игроков разных команд, чтобы можно было поддержать разговор, потом стала понимать, что происходит на поле, и даже получать удовольствие от игры. Людмила выбрала себе команду – она болела за «Динамо». Эту команду содержало Министерство внутренних дел, и среди ее болельщиков, как определила Людмила, было много состоятельных и солидных людей.

Стадион дал ей несколько знакомств, и каток на Пионерских (бывших Патриарших) прудах тоже себя оправдал. Но самый интересный знакомый у нее появился, когда она стала ходить в бассейн Военно-морского флота, находившийся недалеко от общежития.

Самые ранние и самые поздние – перед закрытием – часы посещения бассейна считались неудобными, и на них было легко достать билеты. Людмила купила абонемент на самое позднее время. В это время в бассейн приходила молодежь, в основном старшеклассники, живущие по соседству, и начальники, которые допоздна задерживались на работе.

В этот вечер, как обычно, Людмила приняла душ, натянула купальник и вошла в зал. На крайних дорожках резвились школьники, посередине плавал мужчина с мощными плечами. Он проплывал от стенки до стенки, разворачивался и, не отдыхая, в том же ритме возвращался. Как машина, подумала тогда Людмила. Она не знала, как называется этот стиль плавания, когда пловец только на долю секунды поднимал голову из воды, чтобы вдохнуть воздух. Лица мужчины она не могла разглядеть. Людмила не торопясь плавала, держась у стенки за поручень, делала под водой упражнения для живота, а пловец, не увеличивая и не уменьшая скорости, работая руками, как молотами, переплывал бассейн снова и снова. Этот приходит сюда не для удовольствия, а работать, подумала Людмила, теряя к нему интерес. Крепкий, но старый, решила она. Когда он проплыл близко, она увидела, что из-под шапочки торчат седые волосы. Но пловец, подплыв к бортику, остановился и обратился к ней:

– Привет! Ты новенькая?

– Есть поновее меня, – ответила Людмила. – Я здесь второй месяц.

– Ты псковская? – спросил он.

– Я московская, – ответила Людмила и испугалась: может, знакомый, может, тоже из Красногорода.

– Ты псковская, – улыбнулся он. – В этом нет ничего плохого, но ты растягиваешь гласные не по-московски. Со временем это пройдет.

– У вас прошло?

– У меня прошло. А ты рядом живешь?

– Не совсем, – ответила Людмила неопределенно.

Он ей понравился уверенностью и улыбчивостью. И не такой уж старый. За сорок, конечно, но в хорошей форме, наверное, из спортсменов, подумала она.

– Темнишь, – усмехнулся он. – Зря. Я сегодня добрый. Я на машине, могу подвезти.

– Согласна, – решила Людмила.

Он посмотрел на часы. Это были особые часы для подводного плавания – Людмила увидела такие впервые.

– В двадцать один сорок пять у выхода, – предложил он.

Людмила вышла из воды до окончания сеанса, чтобы одеться не торопясь. Краем глаза она заметила, что новый знакомый перестал плавать и рассматривает ее. Она остановилась и тоже посмотрела на него.

– И как? – заметила она.

– Замечательно.

Он показал рукой, чтобы она повернулась. Она, подражая манекенщицам, прошла по бортику, развернулась. Теперь на нее смотрели и старшеклассники. Она помахала им, и они, выкрикивая «бис!» и «браво!», зааплодировали. Ее ровесники – она старше лишь на три года. Кое-кто пытался с ней познакомиться. Она сразу отменила эти попытки – не хватало только тратить время на малолеток.

У входа в бассейн стояла «Волга» с частными номерами (в номерах ее научил разбираться курсант милицейской школы). Новый знакомый вышел в дубленке, которые начинали входить в моду. Людмила заметила его взгляд, мгновенно подметивший и ее легкое, не по погоде, пальто, и поношенные полусапожки. Он повернул ключ зажигания, включил радиоприемник.

– Сейчас будет тепло, – пообещал он. – Как тебя зовут?

– Людмила.

– Меня – Петр Петрович.

Потом она узнала об этом обычае представляться вымышленными именами: Николай Николаевич, Михаил Михайлович. Настоящее его имя она узнала позже, когда он разрешил ей звонить домой и на работу.

– Ты из военных? – спросила Людмила. Когда ей говорили «ты», она тоже переходила на «ты». Тем, кто был старше ее, это даже нравилось.

– Как определяешь?

– Ты сказал «в двадцать один сорок пять». Нормальные люди говорят обычно «без пятнадцати десять».

– Понял. Запомню. Молодец.

Он достал сигареты с фильтром, предложил ей. Они закурили, пока прогревался салон автомашины. Сигареты были с ментолом, легкие.

«Волга» мягко тронулась с места.

– Показывай, – велел он.

Она показала, где свернуть с Ленинградского шоссе.

Так бы и ехала далеко-далеко, подумала она. Но они доехали за пять минут. Она хотела выйти пораньше, чтобы он не узнал про общежитие, но подумала: этот все равно узнает. Он остановил машину у общежития и кивнул:

– До четверга.

– До четверга, – подтвердила она.

О новом знакомстве она не рассказала Антонине. Катерина тогда с ними еще не жила. Ей почему-то казалось, что, если она расскажет, Еровшин исчезнет, а когда она узнала, кто он и где работает, то рассказывать уже расхотелось.

Теперь Еровшин всегда довозил ее до общежития. Однажды повел в ресторан «Берлин», а после ужина предложил:

– Поедем ко мне!

Он никогда не говорил о семье, но в том, что он женат, Людмила не сомневалась – очень уж аккуратно всегда выглажены костюмы. За первые две недели знакомства она насчитала у него пять костюмов и восемь галстуков.

Его квартира была в доме на Садовом кольце. Три большие комнаты, в коридоре полки с книгами. В самой большой комнате стоял стол, кресла и диван, магнитофон «Грюндиг», телевизор с большим экраном, тоже не советский.

Все произошло, как в зарубежных фильмах. Еровшин быстро приготовил еду: поджарил шашлык, достал из холодильника ломтики буженины, кеты, черную икру, масло. Пил Еровшин джин с тоником. Людмила впервые попробовала и джин, и тоник, и кока-колу – она обо всем этом только читала в романах из зарубежной жизни и видела в заграничных картинах. И джин, и тоник по отдельности ей не понравились, но, смешанные вместе, они не горчили и не обжигали горло.

Потом Еровшин включил магнитофон, и они танцевали. Людмила знала, что произойдет дальше: Еровшин начнет расстегивать пуговицы на ее блузке, потом, наверное, на руках отнесет в постель. Но Еровшин поцеловал ее и спросил:

– Кто пойдет первым в ванную – ты или я?

– Я, – предложила Людмила.

Мыло в ванной пахло знаменитыми духами «Красная Москва». Два одинаковых куска в ярких нераспечатанных обертках лежали на полочке. Незнакомые заграничные духи и одеколон в красивых флаконах, зубные щетки в нераспечатанных целлофановых упаковках, в таких же пакетиках купальные шапочки, два белых махровых халата, ни разу, похоже, не надеванные. Еровшин будто угадал ее мысли.

– Можешь всем пользоваться! – крикнул он ей из комнаты.

Она приняла душ в шапочке, с удовольствием разорвав упаковку, почистила зубы, попробовала новое мыло, потом надела махровый халат, чуть-чуть подушилась – сначала одеколоном, потом духами.

Еровшин уже расстилал постель. Она отметила туго натянутые накрахмаленные простыни и подумала: потом же ему придется сменить белье и самому отнести в прачечную.

Пока Еровшин был в ванной, она быстро осмотрела шкаф в спальне. В нем висели мужские костюмы – не меньше десяти, но разных размеров. Рубашек, сложенных в аккуратную стопку, было не меньше тридцати! Она услышала, как он вышел из ванной, и быстро забралась в постель.

– Шкаф осматривала? – спросил он, входя в спальню.

– А почему костюмы разных размеров? – Людмила с самого начала решила не врать, и потому ей было с ним легко.

– Ну и глаз у тебя! – удивился он.

У нее до Еровшина уже были любовники.

Когда к ней приходил сантехник Витя, Антонина уходила гулять. Она бродила возле общежития, поглядывая на окна. Как только в окне их комнаты загорался свет, Антонина возвращалась – такая у них была договоренность. Аспирант института торговли Геннадий брал ключи от комнаты приятеля. Они всегда торопились, и Людмила стала думать, что в отношениях между мужчиной и женщиной не так уж много привлекательного. Только с Еровшиным она поняла, что такое заниматься любовью. Он целовал ее в такие места, что она даже подругам не могла об этом рассказать. Однажды она спросила:

– Это у всех людей так бывает или ты один такой?

– У всех, у всех. – Он рассмеялся. – Французы даже говорят, что чем выше культура, тем ниже поцелуй.

В общежитии по рукам ходила брошюра о сексе с фотографиями партнеров в разных позициях. У Еровшина были свои любимые позиции.

– А теперь в позицию львицы, – просил он.

Ей это тоже нравилось, но особенно она любила, когда он был внизу, а она лежала сверху. Она не давала ему спешить, регулируя ритм движений, он подчинялся, и ей было приятно это подчинение.

Обычно Еровшин подъезжал к заводу. Она только просила, чтобы он останавливался в соседнем переулке. Они приезжали на его квартиру, и он отвозил ее в общежитие к двенадцати ночи, потому что после двенадцати вахтерши закрывали дверь и уходили спать до утра. Иногда Людмила оставалась у Еровшина на всю ночь, и он утром отвозил ее на завод. Ей было интересно с Еровшиным. Он знал про все и про всех и охотно ей обо всем рассказывал. Она только не могла понять, где он работает.

– В конторе глубокого бурения, – ответил он, когда она спросила его напрямик. Но о своей работе он никогда не рассказывал, зато с интересом слушал ее рассказы о мастере хлебозавода, об Антонине, о Катерине.

Однажды, когда они были знакомы уже год, он поставил на магнитофон бобину с пленкой, и Людмила услышала их разговор. Она рассказывала об Антонине и Николае, потом они занимались любовью, и на пленке все записалось: ее ласковые слова и его дыхание, и ее вскрик – она никогда не могла сдержаться.

– А для чего ты это записал?

– Я не записывал, это записывается само собой, – и он показал вверх, на потолок.

– Понятно. А где-нибудь рядом сидят мужики в наушниках и слушают.

– Никто не сидит в наушниках и не слушает. Срабатывает автоматика. Магнитофоны включаются на голос.

– Значит, и тебя проверяют? – прошептала она.

– Меня уже не проверяют. Но аппаратура все равно срабатывает, и я всегда прошу принести мне пленку после того, как мы здесь бываем.

– Давай еще послушаем, – попросила Людмила, она впервые слышала свой голос, записанный на пленку.

Еровшин отмотал пленку на начало, и они стали слушать. На Еровшина это так подействовало, что он даже не захотел идти в спальню, и они занялись любовью здесь же, на диване.

Через год Людмила знала о Еровшине не больше, чем в первый день знакомства. Правда, он разрешил ей звонить домой.

– Будешь звонить в чрезвычайных ситуациях, если тебе потребуется моя помощь. Жену зовут Мария Филипповна. Скажешь: здравствуйте, Мария Филипповна, это Люда из Пятого управления. Запомни: Пятое управление. Пожалуйста, Вадима Петровича. Обязательно – пожалуйста.

Так она узнала его настоящее имя. Квартира, где они бывали, оказалась служебной. Здесь встречались с секретными агентами. Здесь оперативные работники могли переодеться в дру-

кую одежду. Иногда эта квартира была занята, и они ехали в другую, тоже трехкомнатную, на Таганской площади, обставленную в другом стиле: кожаные кресла, бюро с инкрустацией, в спальне стояла большая железная кровать с никелированными шарами, в шкафах много книг по ботанике, а вместо Большой советской энциклопедии тридцать томов словаря Брокгауза. На письменном столе мраморный чернильный прибор и ручки с железными перьями – такими они пользовались в первом классе, когда еще не разрешали писать авторучками, и она носила с собой чернильницу-непроливашку.

Однажды Еровшин пригласил ее в театр «Современник». У входа спрашивали билеты. Еровшин провел ее через служебный вход. С ним здоровались молодые парни в светло-серых и светло-коричневых костюмах, в черных или коричневых хорошо начищенных ботинках. И рядом с ней сидел такой же парень. Почему-то он чаще смотрел вправо, а не на сцену. А слева сидел пожилой и седой, он смотрел влево. Открылся занавес, и тут все встали и зааплодировали. В соседней ложе сидел Хрущев. Он тоже встал и тоже поаплодировал. Ее тогда удивило: ведь приветствовали его, а он, значит, тоже приветствовал себя? По телевизору показывали торжественные заседания, и, когда на сцену выходили члены Политбюро, в зале тоже все вставали, а члены Политбюро и правительства тоже начинали хлопать. Она спросила об этом Еровшина.

– Народ приветствует партию, партия – народ, – посмеиваясь, объяснил Еровшин.

– А партия разве не народ?

– Народ, народ, – отмахнулся Еровшин.

– А почему тогда на плакатах пишут: «Народ и партия едины»?

– Потому что идиоты, – не выдержал Еровшин. – Какой-то придурок из ЦК придумал эту абракадабру, и никто отменить не решается. А вообще-то, партия есть партия, а народ есть народ. Партия – это вроде дворянства. Вступил в партию – ты уже не холоп, а дворянин, тебя уже бить по роже не положено, ты уже сам бить можешь. Кстати, а ты в партию вступать не собираешься?

– Нет, – Людмила рассмеялась. – Я замуж собираюсь. Но ты ведь на мне не женишься?

– Не женюсь, – подтвердил Еровшин. – Я стар для тебя.

– Ты не старей. Ты лучше молодых. Ты умнее всех и в постели лучше.

– Я просто опытнее. Малыми затратами я достигаю вполне приличных результатов.

– Мне это подходит. Я бы за тебя вышла замуж.

– Не получится, – вздохнул Еровшин. – Я никогда не брошу жену. Нехорошо бросать женщину, когда ей за сорок. Она уже никому не нужна. Старых партнеров не предают.

– Брось. Просто в вашей конторе это не поощряется. В чине могут понизить. Кстати, ты в каком чине?

– У нас не чины, у нас звания, – поправил Еровшин. – А звание у меня вполне подходящее.

– А генералом ты можешь стать?

– Уже не могу.

– Почему? – удивилась Людмила. – Ты не старей и умный.

– Я уже генерал, – рассмеялся Еровшин.

– Таких генералов не бывает, – не поверила Людмила.

– А какие бывают? – спросил Еровшин.

– Они толстые, пузатые.

– Ну, это в Советской армии.

– А ты разве не в Советской армии?

– Нет. Мы отдельно.

– Значит, я трахаюсь с генералом? – рассмеялась Людмила.

– Значит, так, – подтвердил Еровшин. – Но об этом всем знать совсем не обязательно.

– Я не болтливая.

– Я знаю.

– Откуда? – удивилась Людмила.

– Знаю, – сказал Еровшин. – Ты ведь о наших с тобой встречах даже Антонине и Катерине не рассказала.

– А об этом ты откуда знаешь?

– Знаю. Наши ведь есть и у вас в общежитии, и у тебя на хлебозаводе.

– Если я угадаю кто, ты скажешь? – спросила Людмила.

– Не скажу, – отрезал Еровшин. – Это уже не твоего ума дело.

Людмила не обиделась. Она никогда не обижалась на Еровшина: знала, что это бесполезно. Если он говорил «нет», никакие уговоры и упрашивания на него не действовали.

Людмила улыбнулась своему соседу в курилке библиотеки, погасила сигарету и снова набрала домашний номер Еровшина. Ей ответил женский голос, немолодой, хрипловатый. Явно курит, подумала Людмила.

– Здравствуйте, Мария Филипповна, – как можно любезнее сказала она. – Это Людмила из Пятого управления. Пожалуйста, попросите Вадима Петровича.

– Пожалуйста, – ответила женщина, и через несколько секунд она услышала его голос.

– Еровшин слушает.

– Я в библиотеке Ленина, – сообщила Людмила. – Настроение паршивое. Жарко.

– Буду через двадцать минут, – ответил Еровшин и повесил трубку.

Будет ругать, что позвонила в воскресенье, или не будет, думала Людмила, выходя из библиотеки. Это даже интересно. Еровшин всегда был ровно спокоен.

Она встала на углу Моховой и проспекта Калинина. С какой бы стороны Еровшин ни подъехал, он ее увидит. Через двадцать минут возле нее притормозила «Волга», он открыл дверцу, она села, и он мгновенно тронул машину.

– Куда мы? – спросила она.

– В бассейн. Тебе же жарко.

– У меня нет купальника.

Он достал из бардачка целлофановый пакет и бросил ей на колени. Она открыла пакет. Ярко-красный купальник-бикини – он всегда и все предусматривал.

В этот жаркий воскресный день в бассейне плавали немногие – люди разъехались на пляжи. Людмила окунулась в тепловатую, нагревшуюся за день воду, легла на спину и медленно поплыла, глядя в небо – серо-голубое летнее московское небо. Она плыла, ни о чем не думая, о чем думать-то: он рядом – он придумает. Потом они посидели в машине, открыв все окна, выкурили по сигарете.

– Поедем в ресторан, – предложил Еровшин.

– Поедем к тебе, – попросила Людмила. В ресторане в этот час наверняка жарко, ей хотелось после бассейна растянуться на прохладных простынях и сосать через соломинку холодный апельсиновый сок.

– На Садовую или на Таганку?

– На Садовую, – решила она.

Она уже понимала, что, видимо, на Таганке жила семья, которую выселили, а квартира со старой мебелью, старой посудой, серебряными вилками досталась его конторе. Когда Людмила бывала там, ей казалось, что сейчас откроется дверь и войдут хозяева. Она как-то сказала об этом Еровшину.

– Не войдут, – ответил Еровшин. – Их расстреляли в тридцать седьмом.

– Но потом реабилитировали?

– Реабilitировали, – подтвердил Еровшин.

- Но у них же остались родственники, которые имеют право на мебель, вещи.
- Родственников не осталось. Их тоже расстреляли.
- А почему людей расстреливали? – спрашивала Людмила.

Еровшин промолчал. Когда Еровшин не хотел говорить, он замолкал, и разговорить его не удавалось. Людмила быстро сообразила: в тридцать седьмом он был совсем молодым, но уже, наверное, служил в органах. Может быть, и сам расстреливал людей, но об этом думать не хотелось.

В холодильнике на Садовой Людмила обнаружила антрекоты. Делала она все быстро и аккуратно. Через несколько минут они уже сидели за столом, Еровшин открыл бутылку виски, бросил в стакан кубики льда. Она уже привыкла пить виски со льдом. Еще в библиотеке Людмила решила провести с ним решительный разговор. Еровшин уже улыбался, значит, через несколько минут предложит ей перейти в спальню.

- Надо поговорить, – сказала она.
- Поговорим потом, – предложил Еровшин. – Мне все равно будет нужна получасовая передышка.
- Поговорим сейчас, – не согласилась Людмила.
- Что ж, поговорим, – нехотя согласился Еровшин.
- Я хочу выйти замуж.
- Все хотят, – заметил Еровшин.

Она знала, что своими репликами Еровшин самый серьезный разговор может перевести в несерьезный. Он мог высмеять, нагрубить, а если не хотел отвечать, то начинал вдруг пересказывать, о чем он сегодня читал в газетах. Или мог спросить о какой-нибудь улице, которую Людмила наверняка не знала, и, получив отрицательный ответ, начинал подробно рассказывать – ее историю, какие дома на ней, когда и кем они построены, и сбить его было совершенно невозможно.

- Мне пора замуж, – произнесла Людмила. – Я хочу родить ребенка.

Людмила ожидала вопросов или реплики Еровшина, но он молчал. Так они помолчали несколько минут, и наконец Еровшин сказал:

- Это естественное желание. Если есть за кого, выходи.
- Конечно есть, но всякая шелупонь... Может быть, ты мне поможешь?
- Давай досье. То есть подробности.
- Я бы хотела выйти замуж за солидного обеспеченного человека, с квартирой, с хорошей зарплатой, чтобы не надо было несколько лет копить деньги на телевизор, на стиральную машину, на холодильник... Короче, я бы вышла замуж за кого-нибудь из твоей конторы, но в наших отношениях ничего не изменилось бы. Мы так же встречались бы.
- Нет, мы бы не встречались.
- Почему?
- Я обычно не встречаюсь с замужними женщинами.
- Почему? Мужики говорят, что это, наоборот, удобно, никакой опасности, что тебя хотят женить, к тому же меньше вероятность подхватить венерическую болезнь. Сейчас же жуть что происходит. Как только стали пускать иностранцев, кривая роста заболеваний венерическими болезнями резко возросла.

- А ты откуда знаешь?

– Нам в общежитии лекцию читали. И предостерегали, что обязательно надо остерегаться негров. И это никакой не расизм, просто Африка еще очень дикая, и у них не соблюдают элементарных правил гигиены. Послушай, но у тебя же есть какие-нибудь хорошие знакомые, познакомь меня. Может быть, я понравлюсь.

– Ты понравишься. Но знакомить я тебя не буду. Это твои проблемы. Я не имею отношений с замужними женщинами. Как показывает опыт, это всегда кончается скандалами. Осо-

бенно в нашей сфере. Потому что мои знакомые обычно совсем не глупы и очень наблюдательны. Если у меня сотрудник не может обнаружить, что жена ему изменяет, я таких отчисляю. Какой из него тогда чекист? Давай решим так: твое замужество – твои проблемы, и ты их решишь сама. Конечно, когда-нибудь ты бросишь меня. Мне бы хотелось, чтобы это случилось как можно позднее, но тут уж как судьба повернет.

– И ты смиришься, если меня от тебя кто-то уведет?

– Конечно не смирюсь. – Еровшин совсем не шутил. – Я сделаю все, чтобы у него это не получилось, но, если будет большая любовь, я отступлюсь. Но я хотел бы поговорить с тобой о другом. Собираешься ли ты учиться дальше?

– Не собираюсь.

– Почему?

– Не хочу. Неинтересно. Вот Катяка хочет стать инженером-технологом. Это же сплошная головная боль – работать на заводе и ругаться с работягами. Учительницей я тоже не хочу. Тупых учеников я бы уж точно лупила по головам. А кем еще?

– Ты же способная. Приметливая, наблюдательная, легко сходишься с людьми, можешь притворяться дуручкой, можешь вешать лапшу на уши. Иди учиться в вечернюю школу.

– А потом?

– А потом я тебя устрою в одно из наших учебных заведений.

– На шпионку учиться, что ли? – усмехнулась Людмила. – Да меня сразу определяют, что я псковская, ты же определил сразу.

– Ты могла бы стать юристом. А уж работу я тебе подыскал бы.

– Не хочу. Хочу замуж, хочу родить детей, хочу, чтобы меня любил муж...

– И чтобы он был высокий, богатый и молодой, – добавил Еровшин, смеясь. – Иди, стели постель.

Она расстелила постель, подумала, что в этих квартирах кто-то меняет белье, набивает холодильник продуктами, пылесосит, моет, протирает.

Еровшин в этот вечер был особенно нежным. А у нее вдруг возникало и не пропадало ощущение, что все скоро кончится. Может быть, не надо было заводить разговор, но ведь такой разговор все равно состоялся бы рано или поздно. Но лучше, чтобы поздно. Ей ведь только двадцать лет, и, чтобы родить, еще есть время. От разговора ли, от выпитого ли виски или от жары она устала, ей очень хотелось спать. Конечно, надо было бы спросить Еровшина, не торопится ли он, но она не спросила и уснула.

Проснулась она поздним вечером. Еровшин, уже одетый, писал за столом. Людмила подошла к нему, обняла, заметив при этом, что он прикрыл написанное лежавшей рядом папкой.

– Забудем про наш разговор, – попросила она.

– Забудем, – пообещал Еровшин и добавил: – Меня некоторое время не будет в Москве, ты пока не звони мне, когда вернусь, я тебя сразу найду...

На следующий день Людмила возвращалась после работы в общежитие. Вчерашний разговор не забывался. Может быть, она была слишком настойчива, но она встречалась с Еровшиным уже почти два года, и ей хотелось определенности. Но определенность всегда ультимативна, а она уже поняла, что ультиматумы опасны. Ее мать иногда говорила отцу:

– Если опять напьешься, домой не приходи.

Отец напивался, домой не приходил, оставался ночевать у другой женщины.

Тогда мать выдвинула новый ультиматум:

– Не будешь ночевать дома, можешь вообще не приходиться.

И однажды отец вообще больше не пришел. Людмила поняла, что мужчины звереют от ультиматумов и поступают по-своему. К тому же большинству мужчин терять было нечего. Все

их имущество помещалось в одном чемодане, жили в основном в казенных квартирах, легко меняли один дом на другой, тем более что дома мало чем отличались друг от друга.

Людмила понимала, что ее роман с Еровшиным когда-нибудь закончится. Ее часто принимали за его дочь. Ее это не волновало, но она не хотела, чтобы Еровшина увидели с ней девчонки из общежития. Конечно, старый, разница в двадцать пять лет. Но с ним интересно, а рассказы молодых о том, как они служили в армии, ходили в самоволку, надоели. К тому же все истории были похожи: с глупыми старшинами, с молодыми лейтенантами, которые не умели командовать. У молодых парней самые сильные впечатления были от службы в армии: это и путешествие, чаще всего за тысячи километров, и опасности, и необходимость отстаивать свое мужское достоинство.

Собственно жизнь у парней начиналась после армии. Они возвращались на свои заводы, с которых их призывали на службу, или не возвращались, оставаясь в тех местах, где служили, ходили на танцверанды, где находили будущих жен. Снимали комнаты или поселялись в семейных бараках, жили в них иногда по двадцать лет, ожидая очереди на квартиру. В отпуск вначале ездили к деревенским родственникам, потом в заводские дома отдыха или пансионаты, рожали детей, чаще всего двоих, реже троих. Комната заставлялась кроватями, столом и шкафом для одежды – больше не помещалось. Женщины к сорока годам начинали болеть, постоянно простуживаясь на стройках и в продуваемых цехах. Почти все пили. Собирались обычно после работы, брали бутылку на троих, домой возвращались пьяненькими, летом усаживались во дворе играть в домино. «Забивали козла» по всей стране, наверное, потому, что домино – это еще и возможность побыть в компании. До темноты стучали костяшками, потом ложились спать, утром уходили на заводы.

Огромная страна жила в одном режиме, другого просто не было. Вырывались немногие. Наиболее сильные парни иногда уходили в спорт, но через несколько лет возвращались на те же заводы и пили еще больше от тоскливого сознания, что ухватились за другую жизнь, но не удержались. Некоторые играли в игры, предложенные начальством, участвовали в соревнованиях, на их станках устанавливали красные вымпелы, награждали значками «Ударник пятилетки», в юбилей и по праздникам они получали ордена и медали, которые надевали два раза в году – на майские и ноябрьские демонстрации. Зарабатывали практически все одинаково. Те, у кого разряд выше и выше квалификация, получали чуть больше, но не намного, поэтому никто не работал в полную силу. Каждый прихватывал что мог с работы. Строители тащили белила, краску, лак, сантехники – краны, электрики – провод, розетки, выключатели, с автозавода выносили карбюраторы, распределительные валы, электрооборудование. Людмиле казалось, что подворовывали все, – что воровала вся страна. Как-то она сказала Еровшину:

– А куда же вы смотрите? Ведь все растаскивают. А кто не тащит, на того смотрят как на идиота.

Еровшин ответил такое, до чего она никогда не додумалась бы сама.

– Так задумано, – усмехнулся Еровшин. – Это государственная политика, чтобы подворовывали.

– Это же плохо, когда воруют. Кому же это выгодно?

– Государству, – пояснил Еровшин. – Государство всем недоплачивает, и там, наверху, понимают, что на такие деньги прожить невозможно. То, что подворовывают, это как бы дополнительная зарплата. Но это и преступление одновременно. Пока ведешь себя тихо, тебе это не то чтобы прощают, а смотрят сквозь пальцы. Но – пока покорен. А если вздумаешь бунтовать, выступить против власти, у нас всегда есть повод взять тебя за задницу: ты же ворует, ты же закон нарушаешь. Вот ты недовольна, что вам на хлебозаводе мало платят. И решила организовать забастовку, потребовать, чтобы платили больше. И это справедливо. На зарплаты, которые вы получаете, жить нельзя. Но тебе тут же припомнят, что со стройки ты тащила краску и обои, с автозавода запчасти, с хлебозавода тащишь сливочное масло, изюм, сахар.

- А ты откуда знаешь? – удивилась Людмила.
- Так ведь со всех хлебозаводов и кондитерских фабрик это тащат. Поэтому каждому бунтарю мы всегда обеспечим отъезд от трех до пяти лет в места не столь отдаленные.
- Неужели правда? – удивилась Людмила.

Глава 4

Еще и еще раз перебирая в памяти вчерашний разговор с Еровшиным, его просьбу несколько дней не звонить, Людмила забеспокоилась. Неужели конец? Она понимала, что это когда-нибудь закончится. Но не так сразу и так незаметно, как бы между прочим: он был в ее жизни почти два года, и его не станет? И никаких скандалов, когда можно утешать себя тем, что он виноват и она правильно поступила, что ушла, бросила – как бросала уже много раз, когда убеждалась, что бесполезно встречаться дальше.

Успокойся, сказала она себе, всегда есть запасной вариант. Но запасного варианта не было несколько месяцев. Она продолжала знакомиться, кое-кто звонил, с кем-то она ходила в кино, но нигде ничего серьезного не просматривалось – слишком много времени занимал Еровшин. Может быть, Рудольф с телевидения? Она встречалась с ним дважды. Он пригласил ее в один из домов на Шаболовке, что рядом с телецентром. В двухкомнатной квартире собралась компания из нескольких телевизионных операторов. Из разговоров она поняла, что две девицы – помощницы режиссеров, одна гример, две из костюмерной. Все по парам. Рудольф привел ее. Сошлись вечером, после десяти часов, когда закончилась какая-то передача. Хозяин квартиры, пожилой, сорокалетний, тоже работал на телевидении. По тому, как он выпил первый стакан портвейна – быстро и жадно – и сразу опьянел, она поняла, что он из пьющих, может быть даже алкоголик. В запущенной грязной квартире не чувствовалось женской руки. Хозяин, перехватив ее взгляд, пояснил:

– Я живу один. Жена ушла. Не к другому, – посчитал нужным объяснить он. – Просто ушла.

Видно было, что в доме собираются часто. Пили в основном портвейн. Еровшин приучил ее к хорошим винам. И если даже она пила виски – с содовой и кубиками льда, этот крепкий напиток не драл горло так, как водка. Отработавшие смену, усталые телеоператоры быстро хмелели, совсем как рабочие конвейера автозавода. Тарелок не хватало, колбасу нарезали на газете, прямо из консервной банки ели бычки в томате. Такое бывало в каждом из общежитий, где ей пришлось пожить. И разговоры ей напоминали заводские. Только на заводе ругали мастеров и инженеров, а здесь режиссеров и редакторов. Время от времени одна из пар уходила во вторую комнату. Потом женщины шли в ванную, мужчины садились к столу, выпивали, некоторое время молчали, но вскоре опять вступали в разговор.

Рудольф тоже позвал ее во вторую комнату. Здесь стояла семейная двухспальная кровать и тахта, покрытая ковром. Рудольф обнял ее и сразу стал стягивать с нее трусики.

И вся любовь, подумала она тогда и, выставив колено, ударила его между ног. Рудольф скорчился от боли, хотя она ударила его слегка – на танцверандах, когда ее пытались затащить в кусты, она была по-настоящему, отключая надолго.

– Зачем же так? – укоризненно сказал Рудольф. – Можно было и словами объяснить, что ты не такая и не с первого раза.

– Извини.

Она вернулась в большую комнату. От тоски и бессмысленности выпила портвейну и вдруг увидела, что все разошлись. Осталась только одна пара. Опьяневшего телеоператора Рудольф с хозяином никак не могли поднять на ноги и решили вызывать такси. Выходило, что они с Рудольфом остаются вдвоем в этой квартире. Людмила вышла на площадку покурить и, не вызывая лифта, чтобы не привлекать внимания, спустилась по лестнице. Зная примерно, где Ленинский проспект, она переулками вышла к нему и дошла до метро. В метро не пускали пьяного парня. Он все пытался войти, но милиционеры его оттаскивали. Стараясь идти прямо, она вошла в метро, едва не упала на эскалаторе. Пожилая женщина спросила, не плохо ли ей,

но, встретившись с ней взглядом, нехорошо усмехнулась. В вагоне Людмила достала книгу, но буквы прыгали перед глазами.

Рудольф позвонил через неделю и пригласил на стадион, откуда он вел трансляцию футбольного матча. Людмила отказалась. Она раздумывала. Проведя год с Еровшиным, она уже знала, что богатые мужчины даже пахнут по-другому – хорошим табаком, хорошим одеколоном, а не резким «Тройным» или «Шипром», по запаху которых за несколько метров можно было определить, что мужчина побывал в парикмахерской. Еровшин носил белые рубашки и менял их дважды в день. И брился он тоже два раза в день электрической бритвой – такие только начинали появляться в магазинах. Ее знакомые парни предпочитали темные рубашки, которые не меняли по неделе. Рудольф отличался от них, может быть, потому, что жил с матерью и братом в отдельной квартире. Людмила давно заметила, что мужчины, которые жили в отдельных квартирах, пахли по-другому. Наверное, потому, что принимали душ каждый день. Большинство москвичей, как и красногородцы, еще ходили в баню раз в неделю. И одевался Рудольф довольно модно, не носил советской одежды, предпочитая хоть и дешевую, но модную польскую и венгерскую. По возрасту он должен был бы закончить институт, но окончил только курсы телеоператоров и уже несколько лет работал в телецентре.

Людмила рассказала Еровшину о компании телеоператоров, опустив, конечно, попытку Рудольфа повалить ее на тахту и снять трусики. Но зато она подробно передала его рассказ о знакомстве с Юрием Гагариным во время съемок, его слова: «Первый человек, который побывал в космосе! А простой, доступный! Анекдоты рассказывает. После передачи мы его пригласили, и он выпил с нами по рюмашке». Еровшин, как всегда, выслушал ее, он умел слушать внимательно и не перебивая.

– Дурачок! – произнес он.

– Кто? – не поняла Людмила.

– Первый космонавт Вселенной. Если он будет пить со всеми, кто его приглашает, плохо кончит. Хотя, говорят, не глуп, если стал хоть и подопытным кроликом, но первым. Глупые в первые не попадают даже по случайности. Что будет с ним лет через тридцать? Национальный реликт, как Буденный. И останется ему только тихо пить на даче.

– Почему обязательно пить? – возразила она.

– Потому что споят. В России всех знаменитостей спаивали. Удерживались только очень умные или люди с плохим здоровьем, когда, что называется, душа не принимала. Вряд ли он доживет до старости. Он ведь легчик!

– Не все же летчики разбиваются, – не согласилась она.

– Не все, – согласился Еровшин. – К тому же его будут оберегать. Вряд ли он будет летать. Будет чем-нибудь руководить, учиться его пошлют в академию. Но психология летчика не меняется, даже если он перестает летать. Я знал летчиков, которые прошли всю войну без единого ранения, а потом разбивались на мотоциклах, гибли в драках. А он азартный. Нет, не доживет до старости.

– Тьфу-тьфу! – Людмила перекрестилась, как делала ее бабка.

– Может, и пронесет, – сказал Еровшин. – Я хоть в Бога и не верю, но, как говорится, дай Бог. А ты бы не связывалась с этой компанией официантов.

– Они телевизионные операторы, а не официанты, – поправила она Еровшина.

– Официанты, официанты, – подтвердил Еровшин. – Готовят другие, а они разносят каждому к столу через телевизор. Пойми, телевидение у нас всего несколько лет. Это новая сфера деятельности. А в любую новую сферу сразу бросаются неудачники, те, что потерпели крах в других сферах. Я, когда первый раз попал на телестудию, поразился обилию красивых женщин. Все были красивые – и молодые, и не очень. Я зашел в кафе, смотрю, десятки красивых и очень красивых. Пьют кофе, курят сигареты и одеты все со вкусом. Я подумал вначале, что на телестудии какой-то особый начальник отдела кадров, он берет на работу только красивых и

очень красивых. Потом мне объяснили, что это все неудавшиеся актрисы. Те, кто не удержался в театрах или не попал в театр. А на телестудии они устроились помощниками режиссеров, ассистентками – вроде бы при искусстве, а вообще-то, девочки на побегушках. Пока на телевидении все второй сорт. И режиссеры, которым не нашлось места на киностудиях и в театрах, и операторы, и художники. Есть, конечно, энтузиасты телевидения, их немного, и пройдет еще много лет, пока они начнут делать что-то настоящее. В кино, чтобы снять фильм, надо многое уметь; чтобы твоя фамилия появилась в титрах фильма, уходит несколько лет, а на телевидении передачу делают за три дня, и твою фамилию читают сразу миллионы, но я думаю, что этот твой знакомый – нормальная шелупонь.

– Я думаю, он из энтузиастов, – не согласилась она. – Он очень хорошо говорит про телевидение.

– Он же взрослый уже парень, – возразил Еровшин. – Почему катает тележку с камерой и не учится? Это работа для мальчиков.

– А может, он уже выучился, ты же не знаешь!

– Если бы выучился, ты бы рассказала, – и Еровшин рассмеялся. – А если ты не говоришь, значит нет. Ты хорошая девочка, не врунья, но то, чего тебе рассказывать не хочется, ты не рассказываешь, опускаешь. И это скорее достоинство, чем недостаток. Эх, если бы ты пошла учиться! Ты приметливая, все замечаешь, ты обучаемая. Ты бы могла сделать замечательную карьеру!

Людмила вышла из метро «Сокол». На автобусной остановке, как всегда в этот час, собралась толпа. Можно было втиснуться в первый же автобус, но тогда придется ехать стоя еще полчаса. Она уже отстояла почти восемь часов на заводе, сорок минут в метро. Пережду, решила Людмила. Рядом переминалась пожилая женщина с явно отечными ногами. Войдя в следующий автобус, Людмила мгновенно выхватила взглядом свободное место и, толкнув полного мужчину, успела сесть. Пожилая женщина встала рядом, держась за спинку сиденья, сверлила ее взглядом, вздыхала. Не уступлю, решила Людмила, нечего шляться в часы пик. Но, посмотрев на женщину внимательно, определила, что той еще далеко до пятидесяти пяти, тоже, наверное, отработала смену. Ладно, уступлю, решила Людмила и встала. Женщина тут же плюхнулась на освободившееся место. Хоть бы спасибо сказала! Ладно. Запомню. В следующий раз ни за что не встану. Держась за поручень, она закрыла глаза, почему-то хотелось заплакать, но не в автобусе же!

Людмила дошла до общежития; проходя мимо вахты, положила на стол вахтерши сдобную булку – ритуал, который она никогда не нарушала и, когда в ее смену не выпекали сдобу, покупала ее в магазине.

В комнате Катерина выкладывала из шкафа платья. Людмила легла на кровать, положила ноги на спинку. Она где-то читала, что солдаты после многокилометрового марша на отдыхе вот так же задирают ноги. Подумала, что, наверное, не каждый солдат выдержал бы восемь часов на хлебозаводе, и увидела, что Катерина достала из-под кровати чемодан и складывает туда платья, учебники, щетку для волос, маникюрный набор, который Людмила ей подарила на день рождения.

– Чего это ты собираешься? – спросила Людмила.

– Переезжаю на месяц, – ответила Катерина.

Людмила подождала, надеясь, что Катерина сама объяснит, куда она переезжает и почему на месяц. Но Катерина молчала. Уйдет ведь и не расскажет, испугалась Людмила.

– Замуж, что ли, собралась?

– Академик с Изабеллой в отпуск уезжают. Просили пожить. Цветы поливать и Чапу выгуливать.

– Тоже дело, – прокомментировала Людмила.

Она знала про академика и про высотку на площади Восстания. Туда Катерина ездила нечасто. Вначале Людмила убеждала Катерину, что глупо иметь в Москве родственника-академика и работать на галантерейной фабрике. Мог бы пристроить в какой-нибудь институт лаборанткой. Катерина после того разговора рассказывать об академике перестала.

Знакомясь, Людмила обычно представлялась студенткой медицинского института и охотно рассказывала истории из жизни психов, с которыми ей приходилось встречаться во время студенческой практики в институте имени Кашенко. Она действительно знала немало интересных случаев: уйдя с автозавода, несколько месяцев проработала в этом институте санитаркой, пока не устроилась на хлебозавод. Раньше Людмила старалась не говорить о родителях, но после приезда Катерины, наслушавшись ее рассказов об академике, если уж очень приставали с расспросами, говорила, что отец ее – академик.

Людмила представляла себя в трехкомнатной квартире высотного здания. Они с Катериной взяли бы себе по комнате каждая. Быть одной в комнате – это же счастье! И отдельный туалет, когда не надо стоять в очереди, переминаясь с ноги на ногу, и торопиться, потому что знаешь, что другие ждут! И отдельная ванная, а не общий душ со скользким от мыла кафельным полом. И можно собрать всех знакомых на ужин. Тогда те, кто не верил, что она дочь академика, поверят, а кто верил, смогут точно в этом убедиться. Но о вечеринке сейчас говорить Катерине не надо, лучше потом.

– Возьми меня с собой пожить, – предложила Людмила. – Вдвоем все-таки веселее!

– Я поговорю с Александром Михайловичем, – пообещала Катерина.

Она поговорит, и ей наверняка откажут. А если откажут, Катерина ни за что не согласится, чтобы Людмила переехала без разрешения.

– Я поеду с тобой, – сказала Людмила. – Ты спросишь, они посмотрят на меня, увидят, что я не какая-нибудь лахудра. Возьми меня с собой!

Катерина явно колебалась. Может быть, и ей хотелось пожить одной. Еще несколько секунд, и она откажет. Скажет, что неудобно и вообще нехорошо приводить в дом чужого человека, не предупредив хозяев заранее.

– Ты не бойся, – проговорила Людмила. – Откажут – я в обиде не буду. Посмотрю хотя бы, как живут нормальные люди. Я в высотке ни разу не была!

– Поехали, – решила Катерина.

Они доехали на метро до Краснопресненской. Высотное здание стояло на огромной каменной площадке, и они поднялись по широкой лестнице к массивным дубовым дверям. Как же открывать такую тяжесть, подумала Людмила. Но двери открылись неожиданно легко.

Они пересекли холл. Катерина поздоровалась с вахтершей, и они вошли в лифт. Обшитый внутри красным деревом, с бронзовыми поручнями, размером в корабельную каюту, лифт двигался бесшумно, и только меняющиеся на табло цифры показывали, что они едут вверх.

Девушки вышли на пятнадцатом этаже. Катерина нажала кнопку звонка. Двери квартиры тоже были дубовые, массивные. Открыл им академик. Он посмотрел на Людмилу, и она поняла, что понравилась ему. Она уже давно научилась определять, когда нравится мужчинам. Людмила улыбнулась академику, и академик, хоть и явно озабоченный сборами в дорогу, на секунду расслабился и тоже улыбнулся.

– Это Людмила, – представила Катерина.

В переднюю вошла Изабелла. С ней будет потрудней, поняла Людмила. Эту не проведешь. Изабелла осмотрела Людмилу не торопясь, от прически до туфель. Она знала цену вещам. Людмила отметила, что взгляд Изабеллы остановился на ее туфлях – «лодочка», самые модные в этом сезоне в Англии. Последние два года Людмила не покупала ничего в магазинах, все привозил Еровшин из зарубежных командировок. Он ни разу не ошибся в размерах, – может быть, у него была дочь ее комплекции. К тому же Еровшин все замечал и, когда она прошлой зимой слегка располнела, привез юбку на размер больше. Изабелла отметила и пла-

ть, вроде бы скромное, белое в синий горошек, – на покупку такого в комиссионном магазине не хватило бы месячной зарплаты формовщицы хлебозавода.

– Это Людмила, – представила ее Катерина. – Мы с ней живем в одной комнате в общежитии. Она тоже из Красногородска. Я рассказывала. Можно она поживет со мной? Вдвоем все-таки веселее.

Изабелла как будто не услышала просьбы. Людмила знала таких, они всегда ждут, когда просьбу повторяют, за это время все обдумают. Но даже если Изабелла уже все решила, она потянет с ответом – Еровшин это называл «держать паузу». Проситель перед такими обычно терялся, начинал нервничать и от унижения готов был отказаться от своей просьбы. И чего она передо мной выкобенивается, подумала Людмила, она же в порядке, ей свою силу показывать не надо. Как показывают силу, Людмила знала: последние полгода к ней придирался мастер на хлебозаводе. Она рассказала об этом Еровшину, считая, что та завидует ее молодости и красоте.

– Сколько лет твоей мастерице? – спросил Еровшин.

– Скоро тридцать!

– В тридцать лет еще не завидуют молодости, – отметил Еровшин. – У нее какое образование?

– Да никакого! Из работяг. Была бригадиром, теперь вот мастером поставили.

– Понятно. Не завидует она тебе, а боится конкуренции – можешь занять ее место.

А может быть, Изабелла боится за своего академика? Но это же глупо. Все соображения Людмила прокрутила в две-три секунды, пока Изабелла ее рассматривала, не отвечая на просьбу Катерины. Ладно, решила Людмила, перекантуемся в общежитии, а вечеринку я все равно здесь устрою и позову всех. Она улыбнулась Изабелле. Улыбайся всегда, учил ее Еровшин, у тебя хорошая улыбка, этим ты располагаешь к себе людей. Людям приятно, когда им улыбаются. Улыбаясь, она тоже осмотрела Изабеллу, хотела сказать, какой у нее замечательный дорожный костюм цвета хаки из модной плащевой ткани, но не сказала, потому что, опустив глаза, увидела на Изабелле точно такие же, как у нее, лаковые английские лодочки. Это, конечно, пережить трудно, почти невозможно, чтобы у жены академика и работницы с хлебозавода были одинаковые туфли. Изабелла знала цену туфлям. Это девчонкам из общежития Людмила, когда у нее появлялись новые дорогие вещи, могла объяснять, что купила по дешевке в комиссионке, и называть выдуманные цены.

Так ничего и не ответив на просьбу Катерины, Изабелла принялась ей втолковывать:

– Цветы поливай через день, но этот, – она показала на цветок, который напоминал маленькое дерево, – каждый день. Обязательно каждый день. Это бансэй, японская сосна. Ей уже пятьдесят лет, за ней требуется особый уход. Чапу будешь выгуливать три раза в день. Утром перед работой, на десять минут, чтобы пописала, после работы хорошо хотя бы час, а то она начала толстеть, и вечером перед сном. Как кормить – знаешь.

– Знаю, – подтвердила Катерина.

– Пойдем на кухню, я покажу продукты.

Изабелла вышла из комнаты, не глядя на Людмилу. Катерина пошла за Изабеллой.

Оказалось, что академик все слышал, хотя и укладывал вещи в чемоданы.

– Разрешила? – спросил он у Людмилы.

– Держит паузу.

Академик рассмеялся.

– Держать паузу – хорошее выражение!

– Это из системы Станиславского для актеров, – объяснила Людмила. Она знала это от Еровшина.

– Ты чем-то ей не понравилась, – заметил академик и закурил, не предложив Людмиле, – в те годы очень немногие женщины курили.

– Не я не понравилась, – Людмила улыбнулась, – а мои туфли. У нас одинаковые туфли. Женщине такое трудно перенести.

Это тоже был один из уроков Еровшина. Говори правду, взрослых и неглупых людей обмануть трудно. Не ври про себя, это располагает, потому что люди начинают сочувствовать, у них ведь тоже что-то не получается, но они об этом не говорят.

Академик неожиданно заинтересовался туфлями Людмилы. Он внимательно осмотрел их и подтвердил:

– Абсолютно одинаковые, одной фирмы. Дорогие туфли. Я сэкономил на всем, чтобы купить их Изабелле. Пятнадцать фунтов!

Людмила с нежностью подумала о Еровшине: значит, и он сэкономил на всем ради нее. Если он решил с ней расстаться, значит у нее уже никогда не будет таких туфель, во всяком случае в ближайшие годы.

– А сколько стоят здесь такие туфли? – поинтересовался академик.

– Не знаю, – призналась Людмила. – Мне привезли их из Лондона.

– Ваш отец ездит в заграничные командировки? – спросил академик.

– Мой отец живет в Красногородске. Туфли привез любовник.

Академик посмотрел на Людмилу, и по его лицу она поняла, что он прикидывает, могла ли быть у него такая молодая любовница. Вероятно, он понял, что его молчание затягивается, и, так и не решив, как ему реагировать на подобное признание, спросил:

– А ты где жила в Красногородске?

– На Больничной улице, ближе к молокозаводу.

– А я на Школьной.

– Я знаю. На вашем доме теперь табличка висит, не мраморная, как в Москве, а из жести, и в музее все про вас написано.

– Видишь, какой я старый, – вздохнул академик. – И мемориальная доска уже есть, и в музее выставлен.

– Как говорит один мой знакомый, знаменитые и богатые мужчины старыми не бывают.

И в этот момент Изабелла и Катерина вошли в комнату. По озабоченному лицу Катерины Людмила поняла, что ее просьба либо отвергнута, либо Изабелла так ничего и не ответила.

Катерина сказала напряженно:

– Вы не ответили мне, может ли жить здесь со мной Людмила?

– Может, – ответил за Изабеллу академик. – Я разрешаю.

Изабелла подняла глаза на академика и улыбнулась, едва растянув губы, – так она улыбалась сантехникам и вахтерам. Скандал она устроит уже в такси и потом это долго будет ему поминать. Но скандалить при девушках Изабелла не стала. А тем временем академик уже понес чемоданы к лифту, Катерина подхватила сумки. Изабелла взяла Чапу на руки и вошла бы с собакой в лифт, если б Катерина не перехватила ее. Уже из лифта Изабелла спросила:

– А она чисто плотная?

Наверное, это был оскорбительный вопрос, но Людмила улыбнулась:

– Очень! Очень чисто плотная.

И лифт поехал вниз. Девушки вернулись в квартиру. Людмила вошла в кабинет академика, осмотрела корешки книг в книжном шкафу, потом прошла в спальню, увидела две огромные деревянные кровати, бросилась на одну из них и расхохоталась.

– Ты чему радуешься-то? – удивилась Катерина.

– Жизни. Завтра устраиваем вечеринку. Наконец я соберу всех своих знакомых, устрою смотрины и остановлюсь на ком-нибудь одном.

– Остановится ли он на тебе? – заметила Катерина.

– А куда он денется? От дочек академика не отказываются.

– Значит, ты – дочь академика?

– Да, – подтвердила Людмила. – Уже почти год. И все, кто будут здесь, знают, что я дочь академика.

– Небольшая нестыковочка получается. Они же москвичи и по номеру телефона сразу определяют район.

– Все просто, – мгновенно нашлась Людмила. – Мы поссорились с отцом-академиком и переехали к бабушке. А теперь помирились и переехали в родную квартиру. Это вполне объяснимо.

– Что-то у академика слишком молодые дочери! – продолжала сомневаться Катерина.

– Бывает, – возразила Людмила. – От второго брака. Академики, как известно, бросают старых жен и женятся на молодых. Мы вполне могли бы быть дочерьми Изабеллы.

– Академику шестьдесят два года. Сколько же лет его матери, твоей бабушке значит? – спросила Катерина.

– Восемьдесят. Раньше рожать в восемнадцать лет было почти нормой. А могла и в семнадцать, – тут же посчитала Людмила и похвалила Катерину: – Ты молоток! Все предусматриваешь. Один мой знакомый советовал мне учиться на юриста, мол, я приметливая. Он тебя не знал. Вот уж кто приметливая! Все учитываешь, поэтому ты так хорошо в станках разбираешься. Значит, решаем так. Я старшая дочь, ты моя младшая сестра.

– Я тебя старше на полгода, – возразила Катерина.

– Я увереннее тебя держусь, а уверенные всегда выглядят старше.

– Понятно. Вот только почему одна дочь академика работает штамповщицей на галантерейной фабрике, а другая – формовщицей на хлебозаводе?

– Да ничего подобного! – тут же отреагировала Людмила. – Я учусь в медицинском, специализируюсь по психиатрии, а ты на первом курсе своего химико-технологического.

– А зачем это вранье? – не поняла Катерина.

– Понимаешь, насколько я разбираюсь в жизни, мужчины предпочитают жен с интеллигентными профессиями. Врач, например, – в белом халате, ручки чистые, если надо, сама всю семью вылечит. Или учительница музыки. И романтично, и приличные деньги можно зарабатывать, если давать частные уроки. Сейчас все на музыке помешались. В магазинах на пианино в очередь записываются. А вот инженерша, строительница, хотя и с высшим образованием, котируются значительно ниже. Работа грубая, не женская. К тому же от такой жены у интеллигентного мужчины комплексы развиваются. Он гвоздя вбить не может, а она все может. Химик вполне годится, хотя и не очень понятно – ясно только, что в белом халате, пробирки там всякие, реторты. Очень престижная профессия, конечно, художник-модельер, но, боюсь, без подготовки ты не справишься.

– А ты как психиатр справишься? – усмехнулась Катерина.

– Конечно, – подтвердила Людмила. – Я же все-таки полгода санитаркой в психбольнице работала. Я им такие истории из жизни рассказываю, что они сами шизеют. Пойми, главное – вызвать первоначальный интерес к себе.

– Но потом же все равно все раскроется, – заметила Катерина.

– Ничего не раскроется, все продумано. Во-первых, я могу снова рассориться с папой-академиком и снова переселиться «к бабушке» в общежитие. Он делает мне предложение, я переезжаю к нему, а куда я каждое утро езжу – на хлебозавод или в институт, очень быстро не определишь. Так какое-то время тяну, беременею, рожаю ребенка. И тогда – какая ему разница, кем я была когда-то. Когда он все узнает, будет поздно. Он уже привык, ребенка обожает, без меня жизни себе не представляет, еще и сам прощения просить будет.

– За что?

– К тому времени найдется за что, – рассмеялась Людмила. – Как сейчас, наверное, академик вымаливает прощение у Изабеллы.

– Нет, – сказала Катерина. – Не буду я представляться дочкой академика.

– Ладно, – согласилась Людмила. – Тогда я представлю тебя как нашу домработницу. Катерина не обиделась, пыталась представить ситуацию, в какой она может оказаться уже завтра.

– Ну какая я дочка академика? Не видно, что ли, что я псковская?

– Уже не видно, – возразила Людмила. – За год псковский говор у тебя почти исчез. Выдают человека два обстоятельства: если он неправильно ставит ударения в словах – а с этим у тебя все нормально – и если задает глупые вопросы. Но ты глупых вопросов не задаешь.

– Иногда все-таки могу ляпнуть такое! – Катерина старалась быть к себе объективной; если уж соглашаться играть роль дочери академика, надо все продумать.

– Ну и ляпай, – заявила Людмила авторитетно. – Но ляпай уверенно. Тогда это называется точкой зрения. Иногда такую глупость услышишь, а оказывается – точка зрения. Вот некоторые считают меня хамоватой.

– Так и есть, – согласилась Катерина.

– А вот и нет! Это называется эксцентричностью. На этом я стою.

– А на чем мне стоять?

– Тебе? – Людмила задумалась. – Тебе – бить в лоб.

– Как это? – не поняла Катерина.

– У тебя есть особенность: ты все слушаешь, слушаешь, а потом прямо в лоб задаешь вопрос, и почти всегда по делу. Такая, знаешь, почти мужская прямолинейность. Некоторым мужикам даже нравятся такие женщины.

И Катерина не нашла, что возразить Людмиле.

Наступил вечер. Пора было выгуливать Чапу. С собаками гуляли в небольшом скверике возле дома. Породистые собаки только еще начинали появляться в Москве, но в этом доме их было немало. Овчарок держали в основном генералы, они их вывезли из Германии вместе с другими трофеями. Все про овчарок Катерине рассказал Костя, сын генерала, с которым она познакомилась, когда, оставшись ночевать у академика, утром выгуливала Чапу. Тогда же она увидела, как к дому подъехали, наверное, двадцать ЗИЛов и из подъезда вышли сразу много генералов и два адмирала – они резко выделялись своими черными мундирами.

Катерина увидела Костю с крупной овчаркой и помахала ему издали. Костя подошел к ней, поздоровался и радостно покраснел. Наверное, я ему нравлюсь, подумала Катерина, и ей стало сразу легко и спокойно. Она побаивалась этих солидных мужчин и холеных женщин, чувствуя себя здесь чужой. Вдруг спросят, кто она такая, а могут и не спросить – просто выставить из скверика. Рядом с Костей она чувствовала себя уверенной. Он знал, что Катерина – родственница академика. За те два месяца, что Катерина не бывала у Тихомировых, здесь появились новые, неизвестные ей породы собак. Ее поразил небольшой, очень уродливый пес с кривоватыми ногами, слишком мощной для его роста грудью, с торчащими ушами и такой мордой, как будто ее расплющили – у большинства известных ей собак морды были удлиненные.

– Кто это? – шепотом спросила она у Кости.

– Французский бульдог, – пояснил Костя.

– Его из Франции привезли? – удивилась Катерина.

– Этого из Бельгии. В Европе – довольно распространенная порода. В нашем доме много мидовцев.

– А кто такие мидовцы?

– МИД – это Министерство иностранных дел. А те, кто там работают, – мидовцы.

В этот вечер Катерина узнала еще, что большие, черные, обросшие густой шерстью собаки – это ньюфаундленды, их вывели специально для спасения людей на водах.

По площади носились два крупных рыжих пса с обрубленными хвостами, их лохматые морды казались квадратными.

– Это эрдели, еще очень редкая порода в Москве, – пояснил Костя. – Их англичане вывели для охоты на львов.

– Так уж на львов? – усомнилась Катерина.

– Такого трудно прихлопнуть, – разъяснил Костя. – Видишь, они почти квадратные. Вокруг оси они могут вращаться очень быстро, они очень увертливые. А челюсти мощные. Если таких десяток наскочит, никакой лев не отмахнется. У нас на медведя тоже ведь несколько лаек спускают.

Собаки носились, играя, задираясь, но здесь была своя, уже отлаженная иерархия. С мощными кобелями не задирались. К Чапе подлетела молодая крепкая сука-овчарка, Чапа на нее рывкнула, обнажив желтоватые уже клыки, и овчарка, поджав хвост, отскочила.

– Такая трусливая овчарка, что ли? – спросила Катерина.

– Нормальная, – ответил Костя. – Просто Чапа – самая старая сука во дворе. Она здесь хозяйка, потому что она всех этих собак помнит щенками, а она для них всегда была старшая, взрослая.

Владельцы собак стояли группками, время от времени высматривая и подзывая своих псов. Полные мужчины в спортивных костюмах наверняка были генералы, определила Катерина, а профессии женщин угадать не могла. Некоторые из них были в длинных ярких шелковых халатах, такие привозили из Китая, пока из-за доклада Хрущева о разоблачении культа личности Сталина не испортились с ним отношения. Глядя на этих людей, Катерина подумала, что они, наверное, тоже приехали когда-то из таких же небольших городков, как Красногородск, где во дворах вечерами сидели мужчины в спортивных шароварах и женщины в байковых халатах.

Молодежь стояла отдельной группой. Длинноволосые парни в пиджаках с подложенными ватными плечами, узких брюках, узконосых ботинках, с яркими галстуками. То ли пришли только что из компаний, то ли собирались куда-то, а может быть, в отличие от взрослых, уже понимали, что нехорошо выходить из дома в домашних тапочках и халатах. Один из парней что-то рассказывал, его перебивали, дополняли, все смеялись. Видя, что Костя посматривает в их сторону, Катерина предложила:

– Костя, ты иди в свою компанию!

– Это не моя компания, – усмехнулся Костя. – Это мгимошники! – И пояснил Катерине: – Они из института международных отношений. Будущие дипломаты. Элита.

– А ты?

– Я – университетский. Математик.

– Как раз университет – элита из элит, – возразила Катерина.

– По образованию – да, – согласился Костя. – А ты уже учишься?

– Еще не учусь, – честно призналась Катерина. – Я дважды в химико-технологический завалила. Буду на следующий год поступать.

– Если тебя надо по математике поднатаскать, я могу, – предложил Костя.

– С математикой у меня нормально. Недобираю по литературе и языку.

– У меня есть приятели с филологического факультета. Можем помочь.

– Спасибо. Может быть...

Катерина не стала отвергать помощь Кости, неизвестно, какого репетитора найдет Изабелла и найдет ли вообще. Вот так и завязываются знакомства, подумала она, – через родителей, на собачьих площадках, в компаниях. Но для этого надо жить в таких домах.

Когда Катерина вернулась, Людмила, лежа на тахте, обзванивала знакомых, приглашала на завтрашнюю вечеринку. Она сообщала адрес, попутно объясняя, почему у них изменился номер телефона.

– Завтра будут, – сообщила она Катерине, – кандидат наук, поэт, телевизионщик, один спортсмен, один заместитель начальника главка и так, по мелочи, пара инженеров.

На следующий день Людмила и Катерина встречали гостей. Первыми пришли инженеры, точно в назначенное время. Может быть, даже несколько минут постояли у двери, чтобы не заявиться раньше. Потом пришел поэт в не очень свежей рубашке. Инженеры были в костюмах и при галстуках.

Гурин пришел с цветами.

– Это Гурин, – представила его Людмила.

– Сережа, – засмутился Гурин. Был он невысок и ладен, похож на псковских парней.

Когда вошел пожилой, пятидесятилетний мужчина, Катерина подумала, не перепутал ли он адрес, но Людмила, улыбаясь, подтолкнула вперед Катерину.

– Моя младшая сестра.

– Антон, – представился мужчина.

– А по отчеству? – спросила Катерина.

– Вам можно просто – Антон, – почти игриво сказал мужчина. – Отчество я берегу для подчиненных.

– Начинаем! – решила Людмила и пошла в столовую, где уже собрались все.

Последнего вошедшего она представила:

– Новый гость, товарищи, знакомьтесь!

Назвать Антона по имени она все-таки не решилась, а отчества то ли не знала, то ли забыла.

Но Антон, обходя присутствующих, уже протягивал руку и представлялся почти официально:

– Круглов. Заместитель начальника главка.

Хватило ума, с облегчением подумала Катерина. Она всегда переживала, если взрослые люди попадали в неловкую ситуацию.

Людмила включила телевизор и кивнула Катерине. Они начали носить из кухни приготовленные салаты. Был и копченый угорь, и сервелат, и маслины. Поэт радостно выдохнул и начал открывать водку. Пока Людмила вынимала из духовки молодую запеченную картошку, а Катерина нарезала малосольные огурцы, на кухню заглянул Антон и достал из портфеля несколько консервных банок: шпроты, крабы, печень трески, сардины атлантические.

– Ну что вы! – смутилась Катерина. – У нас все есть!

– В хозяйстве пригодится, – сказал Антон.

– Пригодится, пригодится, – согласилась Людмила.

Снова раздался звонок. Катерина открыла дверь и увидела молодого мужчину с букетом роз. Не парня, а именно молодого мужчину лет двадцати пяти, улыбающегося, в отглаженном костюме, в накрахмаленной рубашке, модном галстуке. Она почувствовала едва уловимый запах незнакомого одеколона или крема. Мужчина явно недавно брился. Еще ее поразили усы. Мужчин в усах она видела только на старых фотографиях – на фотографиях тех не было парней; даже самые молодые по осанке, уверенности были мужчинами. Катерина испугалась. Ей давно никто так не нравился, только когда-то учитель физики, такой же спокойный, только он был уже очень взрослым, воевал, на куртке носил орден Красной Звезды. И не потому, что хотел показать, что имеет награду, просто у него была всего одна куртка, сшитая из зеленой армейской диагонали. Потом, когда учитель женился на продавщице и та купила ему костюм, он уже ходил без ордена.

Людмила, проходя из кухни с подносом, поздоровалась с ним небрежно:

– Привет, Рудик!

– Прошу прощения за опоздание, задержался на передаче, – извинился Рудик.

А когда же успел побриться, подумала Катерина, но тут же об этом забыла. Рудик протянул цветы Людмиле.

– Моя младшая сестра, – представила Катерину Людмила.

– Рудольф Рачков, – представился Рудик и добавил: – Телеоператор.

За столом Катерина оказалась рядом с Рачковым. Она отметила, что, прежде чем положить еду себе, он предложил ей. Первый тост Антон поднял за прекрасных дам. Все выпили, Катерина тоже выпила. После работы она не успела поесть, готовила салаты и не то чтобы сразу опьянела, но почувствовала некую легкость и охотно смеялась анекдотам, которые рассказывал Антон. Потом все спорили о поэзии. Катерина стихов не любила и не знала, разве что учила в школе по программе Пушкина и Некрасова. Стихи казались ей искусственными: ведь люди не разговаривают стихами. Рифму она признавала только в песнях – рифмованные слова легче пелись и запоминались.

Говорили о поэтах. Называли Евтушенко, Рождественского.

– Рождественский далеко пойдет, – доказывал уже изрядно выпивший поэт. – Есть в нем бунтарский дух.

– Сейчас много бунтарей развелось, – вдруг почему-то завелся Антон. – Хлебом не корми, только дай критику на старшее поколение навести. Вот сейчас все допытываются: почему мы молчали? Сейчас легко рассуждать. Посмотрел бы я на вас в тридцать седьмом!

– Мы бы не молчали, – гордо заявил поэт.

...Катерина смотрела на молодых людей и даже предположить не могла, что одни после этого вечера уйдут из ее жизни навсегда, другие навсегда останутся. Поэт будет руководить отделом культуры в ЦК комсомола, потом станет главным редактором журнала и будет с каждым годом все больше и больше пить и все меньше писать стихов. Он иногда будет звонить ей, читать стихи:

...Что нас поток уж не несет
И что другие есть призванья,
Другие вызваны вперед...

– Еще не вызваны, – обычно отвечала она.

Однажды он так же позвонил и сразу почувствовал ее озабоченность. Он улавливал настроение по паузам, интонациям.

– У тебя проблемы? – спросил он.

– У меня проблемы, – ответила она. – Но в них ты мне не помощник.

– Поэт в России – больше, чем поэт. Давай встретимся. Поговорим.

Они встретились у входа в Центральный дом литераторов. Прошли в ресторан. Он заказал водки. Они выпили.

– Рассказывай, – сказал он.

Она рассказала. К этому времени она уже была главным инженером химического комбината и вошла в конфликт с директором. Директор стал ее выживать. Надо было или уходить, или начинать борьбу.

– Я приеду на комбинат, – сказал поэт.

– Зачем?

– Я начинал как журналист в газете и с такими ситуациями сталкивался тысячу раз. Если ты не права, я тебе об этом скажу.

– А если права?

– Мы его раздавим, – пообещал он.

Поэт провел на комбинате несколько дней. Разговаривал в парткоме, с начальниками цехов, с рабочими. Потом из газеты «Правда» приехал фотограф. Его привел к Катерине в кабинет секретарь парткома. Через две недели в «Правде» вышел о ней очерк с портретом. Когда Катерину фотографировали, она не выдержала и улыбнулась. С газетной фотографии

смотрела молодая улыбающаяся женщина. В очерке было все: и то, как она начинала на галантерейной фабрике, и как училась ночами. И как внедряет сейчас современную технологию. И как ей мешает директор комбината. И как вообще у нас в стране не допускают женщин к руководству, даже таких талантливых, как она.

Катерина тогда позвонила поэту:

– Не надо было директора так...

– Надо, – ответил он. – Мы немного можем, но когда можем, их надо давить.

Через год Катерина стала директором комбината. Как-то вспомнила, что поэт не звонил целый месяц. Забеспокоилась. Домашний телефон не отвечал. Наконец она узнала, что он в больнице. Доставала дефицитные лекарства. В очередной раз, когда привезла ему бульон, он печально улыбнулся:

– У меня было три жены, осталась одна подруга.

Его жен она не знала. Через несколько дней ей позвонили на комбинат, и бодрый голос спросил:

– Вы Катерина?

– Ну я, – ответила она, пытаясь угадать, с кем говорит, – ее все давно уже звали по имени и отчеству.

– Мы звоним вам потому, что на его письменном столе нашли записку: «Когда я умру, сообщите Катерине» – и номер вашего рабочего телефона.

Она заказала от комбината огромный венок из живых цветов. В одном из цехов оборудование стояло на профилактическом ремонте. Она позвонила начальнику цеха и сказала, что на похороны поэта надо послать свободных работниц. Начальник цеха даже не удивился: надо так надо. В те годы людей часто снимали с работы и выстраивали от Кремля до конца Ленинского проспекта для встречи главы какого-нибудь государства, которому оказывали особую честь. Вдоль проспекта стояли сотни тысяч рабочих, ученых, инженеров, студентов и махали флажками.

На автобусе, в котором сидели сорок работниц, Катерина подъехала к Центральному дому литераторов. Поэт лежал в Малом зале. Провожали его несколько мужчин и женщин среднего возраста и несколько стариков. Когда маленький зал заполнили молодые женщины, один из распорядителей с красно-черной повязкой на рукаве, определив, что Катерина главная, подошел к ней и спросил:

– Кто они?

– Его почитательницы, – ответила Катерина.

Распорядитель попросил ее сказать несколько слов. Она сказала, что он был замечательным человеком и талантливым поэтом, хотя и написал мало. И что он был ее другом многие годы, и что он научил ее любить стихи. Она сказала правду, может быть чуть преувеличив его талант, но он действительно любил стихи и научил ее любить поэзию...

А сейчас они сидели на вечеринке, молодые, чуть хмельные. Не пил один Гурин, поэтому был скован и молчалив.

– Сережа, – обратилась к нему Людмила, – я смотрю – рюмка у вас совсем не тронута. Так нечестно!

– Нельзя мне, – вздохнул Гурин.

– Больны? – спросил Антон.

– Спортивный режим.

– Позвольте! – вдруг оживился Рачков. – Вы же Гурин, да?

– Гурин, – подтвердил Сергей.

– А я сию минуту мучаюсь, почему мне ваше лицо знакомо? – Рачков улыбнулся. Какая у него замечательная улыбка, отметила Катерина. – Я несколько раз вел передачи с ваших матчей, –

продолжал Рачков. – Товарищи! – торжественно сообщил он. – Мы еще гордиться будем, что сидели за одним столом с самим Гуриным!

– Да ладно, – засмутился Гурин.

– Не скромничайте. – Рачков обнял его за плечи. – Я же читал, что про вас чехи писали. Значит, вы в Москве теперь. Это замечательно. Предлагаю выпить за великого хоккеиста Гурина!

Чокаясь, все с интересом рассматривали Гурина. Знаменитый хоккеист в компании – об этом можно рассказывать. Все выпили, но Гурин отставил рюмку.

– Ну уж за себя надо, – сказал Антон.

– Не уважаешь? – улыбнулся Рачков.

– Спасибо вам большое... Нельзя, не могу, – отнекивался Гурин, но все-таки его заставили пригубить.

В компании, когда уже достаточно выпито и все если и не знакомы, то хотя бы знают, кто есть кто, обычно выявляется лидер. Если женщин меньше, чем мужчин, начинается естественное соперничество. Но тут соперничества не получилось. Людмила явно симпатизировала Гурину, не только не скрывая, а всячески подчеркивая это, и, чтобы ни у кого не оставалось никаких сомнений, объявила «белый танец» и пригласила Гурина.

Теперь все смотрели на Катерину. Она уже давно сделала свой выбор и, хотя Рачков был знакомым Людмилы, пригласила его. Он уверенно вел, она полностью подчинилась ему. Надо было только слушаться, она быстро поняла его манеру вести: когда следовал поворот, он чуть-чуть прижимал ее к себе, и она будто сливалась с ним. Еще никогда ни с кем ей не было так хорошо в танце.

Закончилась музыка, снова все уселись за стол. Катерина заметила поскучевшие лица инженеров. Они уже хорошо выпили и закусили, поняли свою ненужность и довольно быстро ушли.

– А вы давно работаете на телевидении? – спросила Катерина Рачкова.

– Почти пять лет.

– Это, наверное, ужасно интересно?

– Очень, – искренне, как показалось Катерине, ответил Рачков. – Вообще-то, со временем телевидение перевернет жизнь человечества: ничего не будет – ни театра, ни кино, ни книг, ни газет – все заменит телевидение.

– Ну, это вы что-то разгорячились, – усмехнулся поэт. – Театр, тут я согласен, действительно скоро отомрет, но книги, кино...

– А вот вспомните мои слова лет через двадцать!

– Ну, через двадцать! – рассмеялась Катерина. – Через двадцать вообще все по-другому будет.

– Не так уж это и много – двадцать лет, – грустно заметил Антон.

– Ну да! – сказала Катерина. – Через двадцать лет я уже старушкой буду.

– Это вы сейчас так думаете, – печально улыбнулся Антон. – Поверьте мне, в сорок лет вам будет казаться, что теперь только и начинается ваша жизнь.

– В сорок-то! – Катерина расхохоталась.

Она и предположить не могла, что через двадцать лет Рачков все эти слова про телевидение будет говорить ее дочери. А она, Катерина, только в сорок встретит и полюбит человека, который жил в Москве в одном микрорайоне с ней, и они ездили в метро по одному маршруту несколько лет и не могли встретиться раньше и, может быть, встречались, но не обратили друг на друга внимания.

А пока Людмила поставила на проигрыватель новую пластинку, и Катерина снова танцевала с Рачковым, а Людмила с Гуриным.

Гурин танцевал серьезно, старательно выполняя фигуры быстрого фокстрота, которые, вероятно, недавно выучил.

– Свободнее, – подбадривала его Людмила. – Представьте, что вы на хоккейном поле.

– У нас не поле, у нас площадка, – поправил ее Гурин.

– Вы на площадке! Я шайба! И вы меня ведете к воротам.

Это сравнение развеселило Гурина, он стал двигаться свободнее, даже пытался импровизировать.

– Расскажите про Прагу, – уговаривала его Людмила.

– Да я Прагу только из окна автобуса видел.

– Вам что, не разрешают ходить по улицам? – удивилась Людмила.

– Почему? Разрешают. Мы один раз походили по магазинам. Но деньги сразу потратили, а потом чего ходить?

– А музеи? – спрашивала Людмила.

Гурин рассмеялся:

– Тренер, когда нас отпускает, всегда говорит: а теперь по музеям. Мы магазины музеями называем. Между прочим, там в магазинах, как в музеях, есть на что посмотреть.

– Говорят, в зарубежных магазинах все есть? – спросила Людмила.

– Все, – подтвердил Гурин. – И мужское, и женское. Я, правда, женское не покупал, так, для матери платок и кофту, а те, у кого жены, много и женского, и постельного, и по хозяйству – всяких кофемолок, фенов купили.

Ладно, подумала Людмила, при первой же зарубежной поездке проверим твои чувства. Надо только точно узнать, какие в Швеции размеры, в разных странах все по-разному. При случае надо спросить Еровшина про Швецию, если этот случай будет, конечно. Еще она решала про себя, продолжать ли представляться Гурину дочкой академика или признаться, что разыграли. Нормальный розыгрыш. Поймет. На дочках академиков он ведь раньше жениться не собирался. А квартиру, пусть однокомнатную, ему дадут, когда женится.

– Вы о чем задумались? – спросил ее Гурин.

– О жизни, – ответила Людмила – это была правда.

Рачков, танцуя с Катериной, продолжал рассказывать о телевидении.

– А что вы заканчивали? – спросила Катерина.

– А заканчивать пока нечего, – объяснил Рачков. – Еще никто не готовит таких специалистов. Но со временем у нас на телевидении будет все. И свои институты, а может быть, даже своя академия. Понимаете, всегда очень важно точно сориентироваться. Скажем, когда начиналась авиация, надо было догадаться вовремя в нее прийти. Тогда все авиаторы были героями. Или атомная физика. Те, кто в свое время сделал правильный выбор, сегодня имеют все: квартиры, машины, дачи, награды. То же самое и с телевидением. Мы сегодня у самых истоков, но телевидению принадлежит будущее. Кстати, вы были на телевидении?

– Конечно не была.

– Непременно побывайте. Это очень интересно!

– А как?

– Я вам выпишу пропуск.

И сразу жизнь стала осмысленной. Теперь Катерина спешила домой с работы – ведь мог позвонить Рудольф. Он с матерью и младшим братом недавно получил двухкомнатную квартиру в Черемушках, когда-то там была деревня, а теперь вырос один из первых в Москве микрорайонов из блочных пятиэтажек. Дома собирали из бетонных блоков так быстро, что не успевали строить ни магазины, ни телефонные станции. Домашний телефон Рачковым еще не поставили, поэтому Рудольф звонил из телецентра, в перерыве между передачами. И Катерина сидела вечерами дома в ожидании его звонка.

Конечно, у нее состоялся разговор с Людмилой, все-таки это был ее знакомый.

– Тебе он нравится? – спросила Людмила.

– Очень, – призналась Катерина.

– Бери, – великодушно согласилась Людмила. – Я займусь Гуриным. Для меня он перспективнее, так, во всяком случае, мне кажется.

– А Рудольф? – допытывалась Катерина. – Ты же его больше знаешь. Расскажи, какой он?

– Нормальный, – ответила Людмила.

Катерина почувствовала, что Людмила что-то недоговаривает.

– А все-таки, – настаивала Катерина.

– Была я у него на телевидении. Потом собрались в компании. И он тут же полез мне под юбку.

– А ты?

– Дала ему по яйцам.

– Как? – не поняла Катерина.

– А вот так!

Людмила подошла к Катерине, обняла и саданула ей коленкой между ног.

– Прием безотказный, – объяснила она.

– Зачем? Может быть, он хотел тебя поцеловать?

– Я это сделала уже после поцелуя, когда он завалил меня на тахту и стянул трусы.

– Неужели он такой? – ужаснулась Катерина.

– Все они такие. Но надо отдать ему должное. Приставания он тут же прекратил. В общем, понятливый.

Зазвонил телефон.

– Бери трубку, – сказала Людмила. – Мои уже отзвонились.

Катерина сняла трубку и сказала:

– Алло. – Она чуть протянула «о», так всегда отвечала Изабелла, и Катерине казалось, что это очень женственно.

– Это ты, Катерина? – спросил Рудольф.

– Я.

Ей нравилось, что Рудольф называет ее Катериной. Свидетельство о рождении получал отец, и он настоял на том, чтобы вместо «Екатерина» записали «Катерина». Никто же не зовет «Екатерина», зовут или «Катерина» или «Катя», а Екатерина была только царица, объяснял он. Мать потом рассказывала, что отец был не совсем трезв, а председателем сельсовета был его фронтовой друг, – как отец попросил, так он и сделал. Теперь при прописке в милиции удивлялись и даже предлагали заменить паспорт, чтобы записать имя правильно, но Катерине нравилось, что оно у нее особенное.

– Что у тебя завтра во второй половине дня? – спросил Рудольф.

– С пяти я свободна.

– Я тоже. Может быть, тогда в шесть часов встретимся в кафе «Молодежное»?

– Я согласна. Только говорят, туда невозможно попасть. Очередь на несколько часов.

– Это мои проблемы. Обо всем уже договорено. Расскажи, как ты провела день? –

Рудольф любил в перерыве между передачами поговорить по телефону.

Что же ему рассказать, лихорадочно соображала Катерина. Как восемь часов отстояла у пресса или как ругалась, что не привезли заготовки и весь участок стоял без работы сорок минут – некоторые работницы даже успели сбегать в ближайший универмаг?

– Нормальный день, – ответила Катерина.

– А какие лекции были?

– Тебе пересказать содержание?

– Нет-нет, – рассмеялся Рудольф. – В этих твоих альдегидах я ничего не понимаю. Я даже таблицу Менделеева забыл.

– А какой у тебя день? – спросила в свою очередь Катерина.

– Насыщенный, – усмехнулся Рудольф. – Уже три выпуска новостей про уборку урожая, а также тонны чугуна и стали. Передача про кинолюбителей. Один идиот взял профессиональную камеру, год вкалывал на Колыме и весь год снимал. Мы отобрали десять минут из его двухчасового фильма.

– Он был рад? – поинтересовалась Катерина.

– Не думаю, – посмеиваясь, ответил Рудольф. – Его гонорар не оправдывает даже затрат на пленку.

– Но, может быть, он снимал свой фильм не ради денег? – предположила Катерина.

– Не продается вдохновение, но можно рукопись продать, это еще Александр Сергеевич Пушкин говорил.

Надо запомнить, подумала Катерина. Рудольф рассказывал, как кинолюбитель упрашивал вставить еще несколько планов; издевался над профессиональным идиотом, который решил заняться кино, поразить красотами Севера, хотя какие красоты в черно-белом телевидении, на экране, где можно рассмотреть лицо человека, только если оно снято крупным планом.

А что он будет рассказывать обо мне, думала Катерина, слушая Рудольфа. Может быть, бросить все, не подходить к телефону, но он ведь может и приехать, адрес знает, а как тогда объяснить, почему она не отвечала? Сказать, что телефон испорчен? Но можно ведь позвонить на телефонный узел, и там сообщат, что все в порядке. Ну и пусть узнает, что я не дочь, а племянница академика и что не учусь, а только собираюсь поступать. Ведь если он меня любит... Но тут же засомневалась: а вдруг не любит? Тогда почему звонит, почему хочет встречаться?

– Значит, завтра в семь, – закончил Рудольф. – У меня через десять минут эфир. Чао! Я тебя обнимаю.

– До завтра, – ответила Катерина. – Я тебя обнимаю, я тебя обнимаю! – И выдохнула, как после бега с барьерами.

– Ну что? – спросила Людмила.

– Завтра в семь в кафе.

– Дешево и сердито, – отметила Людмила.

– Почему сердито? – не поняла Катерина.

– Потому что дешево. Пригласил бы в солидный ресторан. Ты ведь ни в одном московском ресторане не была.

– Не была, – согласилась Катерина. – Но еще буду!

– Возможно. Жаль, у Гурина тренировки, а квартира свободна целый вечер.

– Я уйду из дома, – пообещала Катерина, – когда тебе надо будет.

– Договоримся! Тебе ведь тоже когда-нибудь надо будет. Я в случае чего могу и в общении переночевать, – пообещала Людмила в свою очередь.

– Мне этого не надо, – твердо сказала Катерина.

– Надо, надо, – заявила Людмила. – Когда мужчина и женщина остаются наедине, тут все и выясняется: подходят они друг другу или не подходят, хорошо им вдвоем или рот от скуки сводит, ни до, ни после говорить не хочется.

– До чего и после чего? – не поняла Катерина.

– Ну и дура же ты! – вздохнула Людмила. – Мужчина и женщина остаются наедине, чтобы трахнуть. Между прочим, это самое большое удовольствие на свете. Но не с каждым это получается. У меня, например, было двенадцать мужиков. Ну, чего вытарщишься? Это немного за четыре года в Москве. Считай, по три в год. Но только с одним мне было хорошо. Поэтому мужчины и женщины ищут друг друга. Поэтому жены изменяют мужьям, а мужья –

женам, пока не найдут того единственного или единственную. Некоторым везет сразу, но это редко бывает.

– А у тебя было? – спросила Катерина.

– Я же сказала: только с одним.

– А почему ты за него замуж не вышла?

– Потому что он женат...

– Не надо встречаться с женатыми. Это нехорошо – разбивать семью.

– Успокойся. Рудольф не женат. Так что ты себе можешь позволить.

– Когда-нибудь. – Катерина пожалала плечами. – Если мы поженимся.

– Можно и до женитьбы. Ты показывала противозачаточные таблетки, которые тебе Изабелла дала. Они надежные. Но лучше, если за полчаса.

– Значит, он меня обнимает, – Катерина рассмеялась, – я вдруг вскакиваю, бегу в туалет, чтобы проделать эту операцию.

– Зачем бежать? Говоришь, я сейчас руки помою или душ приму. Я думаю, он парнишка уже опытный, но для первого раза подложи подушку под поясицу, ему легче будет в тебя входить.

– Этого не будет, – отрезала Катерина. – В обозримом будущем, во всяком случае.

На следующий вечер Людмила устроила большую стирку, а Катерина отправилась на встречу с Рудольфом. Она быстро доехала на троллейбусе до площади Маяковского и не спеша двинулась по улице Горького. Мимо шли люди, и никто не знал, что она идет на первое в своей жизни настоящее свидание. В школе ей симпатизировал парень на класс старше, они несколько раз ходили в кинотеатр, который разместился в бывшей церкви еще в тридцатые годы. Несколько раз она танцевала с ним на школьных вечерах, он долго не решался, но однажды все-таки поцеловал ее, неумело и грубо. Она почему-то обиделась, и они после этого месяц не разговаривали. После девятого класса он уехал в Ленинград и поступил в ремесленное училище, а она много занималась, уже решив поступать в Москве в химико-технологический институт. В Москве она несколько раз ездила с Людмилой на танцверанду в Сокольники. Ее приглашали танцевать, один из военных курсантов ей даже нравился, но его за какой-то проступок три недели подряд не пускали в увольнение. За это время Людмила решила больше не встречаться со своим курсантом-пограничником, перестала ездить в Сокольники, а одна Катерина не решалась. Надо запомнить, подумала Катерина, все-таки первое настоящее свидание в жизни. Если она станет женой Рудольфа, то потом дочери будет рассказывать, как они познакомились, как пришла на первое свидание. Что будет дальше, она придумать не могла.

Рудольф ждал ее на тротуаре с букетом астр. Он улыбнулся, протянул ей цветы. Цветы ей дарили тоже первый раз в жизни.

Возле кафе «Молодежное» стояла очередь. Катерина уже знала, что пускают ровно столько человек, сколько выходит. Но Рудольф взял ее под руку и повел к двери кафе, раздвигая толпу. Недовольная очередь зашумела, один из парней попытался схватить Рудольфа за рукав, но тот шел уверенно, и от этого напора даже взрослые парни терялись. Так они оказались у самой двери, возле которой стояли дружинники с красными повязками на рукаве и милицейский сержант. За дверью Катерина увидела молодого человека в белой, с коротким рукавом рубашке с галстуком – он тут же открыл перед ними дверь. Молодой человек оказался официантом, провел их к свободному столику, положил перед Катериной меню.

– Выбирай, – предложил Рудольф.

Катерина начала читать. Ее поразили цены. Все стоило в несколько раз дороже, чем в магазинах. Она выбрала самое дешевое.

– Лимонад.

Рудольф улыбнулся и сказал официанту:

– На твое усмотрение.

Официант принес бутылку вина, показал ее Рудольфу, тот посмотрел на этикетку, кивнул, официант ловко и быстро открыл бутылку никелированным штопором. Ребята из общепита обычно выбивали пробку, сильно стукнув ладонью по дну бутылки.

Они пили вино – Катерина запомнила название: «Мукузани» – из бокалов на длинных ножках. Официант принес коктейли в узких бокалах с пластмассовыми соломинками, такие она видела только в заграничных фильмах. От волнения, от того, что она не успела после работы поесть, Катерина быстро опьянела. Она пыталась рассмотреть сидящих за соседними столиками, но никого не запомнила. Еще она пыталась подсчитать, сколько будет стоить Рудольфу ужин, она хорошо запоминала цифры и быстро считала.

Рудольф все время улыбался, к их столику подходили молодые и модно одетые парни, Рудольф знакомил ее, она тут же забывала имена, ее беспокоило, хватит ли у Рудольфа денег, чтобы расплатиться, – у нее-то в кошельке было только три рубля. Когда Рудольф расплачивался, с него явно взяли на пять рублей больше. Катерина шепотом сказала:

– Тебя обсчитали рублей на пять!

– Это нормально, – рассмеялся Рудольф.

– Но он же твой друг.

– Он мой знакомый. Он оказал мне услугу, а за услугу надо платить.

Когда они вышли из кафе, Катерину шатнуло. Такого с ней еще не случалось. Рудольф взял ее под руку и остановил такси. В такси положил ладонь на ее колено. Пока она соображала, снять ли его руку или, может быть, так положено, такси уже притормозило у дома на площади Восстания. И хотя на счетчике было всего тридцать копеек, Рудольф дал шоферу рубль и не взял сдачи.

Людмила открыла дверь, глянула на Катерину.

– И ее напоил! – усмехнулась она.

– Мы хорошо посидели, – сообщила Катерина.

– А теперь иди и хорошо полежи. – И Людмила подтолкнула Катерину к двери спальни.

Катерина легла. У нее вначале приятно кружилась голова, совсем как на качелях, потом стало подташнивать. Она слышала голоса Людмилы и Рудольфа, но не могла разобрать, о чем они говорят. Потом она услышала, как громко хлопнула дверь, так уходят, когда сердятся.

Людмила принесла ей крепкого чая. Она выпила, и кружение прекратилось.

– У тебя с ним серьезно? – спросила Людмила.

– Я в него влюбилась, – сообщила Катерина. – И он в меня тоже.

– Он обслуга, – усмехнулась Людмила. – Обслуга не влюбляется, а выбирает, что выгодно.

Ты – дочь академика. Это выгодно.

– Я не дочь, – возразила Катерина. – Я внучатая племянница.

– Вот когда он это узнает, тогда и посмотрим, насколько сильна его любовь.

– Это раньше была продажная любовь, когда на девушках не женились без богатого приданого, когда женщину покупали. В советское время женятся только по любви, и нет ни высшего света, ни низшего, мы все равны.

– Дура ты, – прокомментировала Людмила страстный монолог Катерины. – Ладно! Но предупреждаю еще раз, если с ним спать будешь, предохраняйся таблетками Изабеллы, а надежней всего – с презервативом.

– Мне противно разговаривать на эту тему, – заявила Катерина.

– Ну, как знаешь, – заметила Людмила и спросила: – Тебя он на когда пригласил на «Голубой огонек»?

– В воскресенье.

– Тогда я на воскресенье приглашу Гурина, раз тебя не будет.

– У тебя с ним любовь?

– У меня на него расчет. Он уже в основном составе, а тем, кто в основном составе и женится, дают однокомнатные квартиры.

– И ты хочешь выйти замуж из-за квартиры? – поразилась Катерина.

– Никто не выходит замуж просто так, – усмехнулась Людмила. – Выходят или за красоту, или за богатство, или за квартиру, или за перспективу, если шибко умный и упорный. Ладно. Спи! Да, после «Голубого огонька» погуляйте малость по Москве. Гурин может только к восьми, а мне часа два-три надо. Он робкий, ему время потребуется, чтобы я его раскочегарила.

– Это как? – не поняла Катерина.

– Спи! Потом объясню, – пообещала Людмила.

Глава 5

Наконец наступило долгожданное воскресенье. Накануне вечером Рудольф позвонил, рассказал, как доехать до телестудии на Шаболовке, еще раз напомнил, чтобы она не забыла паспорт и что он будет ее ждать у проходной.

Боясь опоздать, Катерина приехала на полчаса раньше. Она несколько раз прошла вдоль забора из бетонных блоков, окружавшего телестудию, рассматривая железную ажурную башню и чуть ли не ежеминутно поглядывая на часы.

За пять минут до назначенного времени она вошла в проходную. Это была довольно большая комната с окошечками, куда протягивали паспорта и говорили:

– На «Голубой огонек».

Рудольф ее уже ждал, разговаривая с солидным мужчиной в сером костюме. Он сам протянул ее паспорт в окошко и тоже сказал:

– На «Голубой огонек».

Милиционер внимательно изучил ее паспорт, сравнивая фотографию на паспорте с ее лицом, оторвал корешок пропуска и приложил ладонь к козырьку фуражки.

Они шли по территории телестудии, и Рудольф, показав на небольшое здание справа, напоминающее церковь, только без куполов, объяснил:

– Здесь монтируют аппаратные цветного телевидения.

– В Москве будет цветное телевидение? – поразилась Катерина.

– Вначале в Москве, а потом по всей стране, – пояснил Рудольф. – Уже через год начнутся пробные передачи.

– Значит, однажды я включу телевизор и увижу цветное изображение?

– На обычном телевизоре – нет. Надо будет покупать специальный.

– Он, наверное, будет очень большим? – предположила Катерина.

– Почему?

– Наш сосед, – она хотела сказать «в Красногорске», но вовремя спохватилась, а то начались бы расспросы, что такое Красногорск и когда она в нем жила, – после войны привез из Германии радиоприемник «Грюндиг», он по размерам был как небольшой шкаф. А сейчас приемники совсем небольшие. Чем современнее технология, тем компактнее прибор.

Она отметила явную заинтересованность на лице Рудольфа, – вероятно, он не предполагал, что она о чем-то может размышлять или что-то сопоставлять. При прошлых встречах она в основном помалкивала и слушала Рудольфа.

Рудольф провел ее в редакционный корпус. Они шли по длинному коридору. На дверях были таблички с названиями редакций.

– Может быть, попьем кофейку? – предложил Рудольф. – У нас еще есть время, я хотел, чтобы ты осмотрелась.

Они прошли в кафе. На стойке был расположен никелированный кофейный аппарат с рукоятками. Буфетчица насыпала кофе, нажимала рукоятку, чашка мгновенно наполнялась дымящейся темной жидкостью. Рудольф купил пирожные, и они прошли за столик, за которым сидел диктор Игорь Кириллов. Рудольф поздоровался с ним.

– Привет, Рудик, – ответил Кириллов.

– Это Катерина, – представил ее Рудольф. – Дочь академика Тихомирова.

– Это который по космосу? – поинтересовался Кириллов.

– Нет, он химик, – ответила Катерина.

– Сегодня все работают на космос, даже мы, – заявил Кириллов. – Ты знаешь, что сегодня будут космонавты?

– Еще бы, – ответил Рудольф. – С утра мальчики из конторы проверили все камеры и опечатали студию.

– Героев надо беречь, – сказал Кириллов своим торжественным дикторским голосом. – Твоя девушка будет на «Огоньке»?

– Будет. Я договорился.

– Тогда до встречи, – улынулся Кириллов.

Прихлебывая кофе, Катерина рассматривала женщин. Те, что держались свободно, смеялись, курили, явно работали на телевидении. Другие, в модных прическах с начесом, покрытым лаком, в костюмах с орденами, явно приглашенные, в основном работницы. Она узнавала их по рукам. Когда каждый день отмываешь руки от машинного масла, кожа становится бледной, сухой и натянутой. Она посмотрела на свои руки, они были точно такие же.

Приглашенные мужчины парились в шерстяных черных пиджаках и серых галстуках в горошек или полоску. Когда они вставали, слышался звон медалей и орденов.

В буфете она заметила несколько молодых мужчин в серых костюмах и черных, до блеска начищенных ботинках. Они пили кофе, осматривая каждого входящего и выходящего. Вспомнив объяснения Людмилы, она сразу поняла, что эти – из Комитета госбезопасности.

В кафе вошла женщина средних лет в белой блузке и узкой серой юбке. Ее пропустили к кофейному аппарату без очереди. Рудольф вскочил, помог ей донести чашку до столика. Женщина двумя глотками выпила кофе, закурила, жадно затянувшись.

– Это Катерина, о которой я тебе говорил, – представил девушку Рудольф.

Женщина глянула на Катерину, достала из пачки картонный номерок и протянула его Рудольфу.

– Девятый!

– Что за компания? – спросил Рудольф.

– Хорошая, здесь плохих не бывает. – И женщина, погасив сигарету, заспешила к выходу.

– Будешь сидеть за девятым столиком, – пояснил ей Рудольф.

– А как я должна буду себя вести? – заволновалась Катерина, понимая, что время, когда она войдет в студию, стремительно приближается.

– Ты видела когда-нибудь «Огонек»?

– Конечно.

– Все смотрят на тех, кто выступает на сцене. Ведущий иногда подходит к столикам, за которыми сидят всякие знаменитости, и задает им вопросы. Все заранее оговаривается – и вопрос, и ответ. Пока ты не знаменитость, у тебя не будут брать интервью. Поэтому сиди, смейся, когда смешно, и аплодируй, когда аплодируют. И все. Да, на столиках будут стоять кофе, лимонад и фрукты. Пей кофе, можно пить лимонад, но фрукты лучше не есть.

– А почему? – спросила Катерина. – Они ненастоящие?

– Сегодня натуральные. Но когда надкусываешь яблоко, то широко открываешь рот. Это неэстетично, жующий человек на экране плохо смотрится. Режиссер на пульте такой кадр вряд ли выдаст в эфир. Но ты лучше не рискуй.

– Я не буду, – пообещала Катерина.

– Мне пора, – Рудольф посмотрел на часы.

Катерина встала, чтобы идти с ним.

– Ты подожди здесь, – остановил ее Рудольф. – Мне с режиссером надо расставить камеры. Вас вызовут. И ты пойдешь в первую студию.

– Может быть, не надо? – спросила Катерина. – Я уже побывала на телевидении, мне было интересно.

Она вдруг представила себе, что не найдет первую студию, заблудится в этих нескончаемых коридорах, опоздает, ее не пустят.

– Что случилось? – удивился Рудольф.

– А как я найду первую студию? А вдруг я заблужусь?

– Иди за этими – с орденами и медалями. Их поведут обязательно. Чао! Через несколько минут увидимся.

И он пошел. Уверенный, спокойный. Он хорошо сложен, подумала Катерина, провозжая его взглядом, если у нас будет сын, он будет похож на отца.

Катерина отхлебывала кофе маленькими глоточками, чтобы все видели, что она занята делом. Подойти снова к кофейному агрегату она не решилась, к тому же, как только кто-то вставал из-за столика, его место тут же занимали. Значит, ей придется стоять, и все будут обращать на нее внимание.

Наконец объявили:

– Товарищи, кто на «Голубой огонек», прошу пройти в первую студию!

Снова появилась женщина, которая дала ей картонный номерок, и все двинулись за ней в студию.

Впереди шли генералы. Когда один из приглашенных, может быть боясь, что ему не достанется места за столиками, попытался вырваться вперед, перед ним сразу же возникла спина молодого человека в сером костюме. Приглашенный попытался обойти эту спину, но дорогу ему перекрыла другая, точно такая же.

У входа в студию парни в серых костюмах проверяли пропуска и номерки. Одна женщина шла с букетом цветов, ее попросили отойти сторону и прощупали цветы.

На столиках стояли номера. Катерина нашла свой девятый. Здесь уже сидели молодая женщина с медалью «За трудовую доблесть», пожилой мужчина с двумя орденами: «Знак Почета» и Трудового Красного Знамени, и еще один мужчина неопределенного возраста – от тридцати до сорока, – седой, загорелый, в светлом пиджаке и рубашке без галстука. Катерина осмотрелась по сторонам, все мужчины были при галстуках, кроме ее соседа. Он пододвинул Катерине стул и сказал:

– Не будут ли дамы возражать, если я сниму пиджак?

– Мы-то не будем, – ответила женщина с медалью. – А вот как они? – Она кивнула в сторону телевизионных камер.

– Не они нам нужны, а мы им, – ответил мужчина, достал из кармана пиджака перочинный нож со множеством лезвий, открыл бутылки, налил всем лимонада и спросил Катерину:

– Вас как зовут?

– Катерина.

– А меня Виктор Степанович. Вы актриса?

– Ну что вы? Почему? – смутилась Катерина.

– Красивая, – просто объяснил ее собеседник.

– Я только собираюсь учиться на химика.

Катерина не рискнула сказать, что работает на галантерейной фабрике.

– А я уже выучился. На физика.

– А что вы закончили? – спросила Катерина.

– Инженерно-физический.

В этот момент молодой парень, который снимал со столов таблички с номерами, увидев, что у них открыты бутылки и все пьют лимонад, набросился на них:

– Вы что, не могли подождать? Всех же предупреждали, ничего не трогать до передачи.

– Меня не предупреждали, – ответил физик.

– Нет, предупреждали, – настаивал парень.

– Иди, гуляй! – сказал ему физик.

Парень хотел что-то ответить, но передумал и направился к женщине, которая дала Катерине картонный номерок. Катерина испугалась: сейчас будет скандал, и выяснится, что она незаконно занимает место среди известных людей. Ей предложат выйти, и у Рудольфа будут

неприятности. Женщина подошла к их столику, открыла папку, достала лист бумаги, на котором, по-видимому, было помечено, кто за каким столиком сидит, глянула в него, сказала:

– Извините! – и пошла, что-то раздраженно выговаривая парню.

Работница с медалью и рабочий с орденами облегченно вздохнули – они тоже испугались скандала. Только физик был абсолютно спокоен. И Катерина вдруг поняла, что он, наверное, очень известный человек, если с ним не решились скандалить и не пообещали, как это принято, сообщить по месту работы о его плохом поведении.

– Вы, наверное, имеете отношение к космосу? – шепотом спросила его Катерина.

– Очень отдаленное, – ответил ей физик и подмигнул.

В студию ввели космонавтов. Первым шел генерал, за ним космонавты: Юрий Гагарин и Герман Титов. Их усадили за столик у самой эстрады, напротив громоздкой телекамеры. Космонавты прошли совсем близко от их столика. Их встретили аплодисментами, и сразу же на телекамерах зажглись красные огоньки.

– Мы в эфире, – сообщил физик.

– Какие они маленькие! – прошептала Катерина физику.

– Можете говорить как обычно, – ответил физик. – Телевизионные микрофоны нас отсюда не возьмут. А космонавты маленькие потому, что кабина на «Востоке» тесная, специально подбирали низкорослых. К тому же медики утверждают, что невысокие люди легче переносят перегрузки.

– Почему?

– Черт его знает! Может быть, на миллиметр площади меньше нагрузки.

Катерина осмотрелась. Из-за одной из камер ей помахали. Оператор был в больших наушниках, но она догадалась, что это Рудольф, хотя из-за камеры лицо невозможно было рассмотреть. Она улыбнулась, боясь помахать: на камере, которая двигалась невдалеке от них, горел красный огонек. Вели передачу Игорь Кириллов и Светлана Жильцова, совсем молодая, пухленькая.

Слова произносились привычные: о нашем первенстве, о героях космоса. Гагарин встал, улыбнулся.

Потом выступали пародисты. Катерина смеялась вместе со всеми. Рудольф взял ее лицо крупным планом. Режиссер на пульте, выбирая планы, которые предлагали телеоператоры, выдал крупный план в эфир. Катерина смеялась, аплодировала, еще не зная, что ее сейчас увидели миллионы. Директор галантерейной фабрики увидел красивую женщину и подумал, что она похожа на строптивую работницу с его фабрики, вспомнил, что начальник цеха металлической галантереи предлагал эту работницу на должность начальника участка, и решил, что переведет ее осенью – пусть еще немного поработает, людей на прессах не хватало.

И поэт ее увидел. Подумал, что красивая, но вряд ли она будет с ним спать, все-таки дочь академика, а жениться он не хотел и не мог – сам держался на случайных заработках. Один из инженеров, что были на вечеринке, понял, что у нее явно роман с телеоператором, если ее крупным планом показывают на «Огоньке», и решил больше не звонить ни ей, ни Людмиле, которая явно отдавала на той вечеринке предпочтение хоккеисту Гурину. И Гурин, и Людмила в этот момент тоже сидели у телевизора.

– Смотри, смотри! – закричала Людмила, показывая на экран. – Катерина!

– Точно, – подтвердил Гурин и подумал, что и его вот так же показывают по телевизору, поэтому его иногда узнают на улицах. Сам себя он на экране никогда не видел.

Крупный план Катерины показали еще раз, режиссеру она явно если и не понравилась, то запомнилась.

– Она симпатичная, – решил Гурин. – Только вы совсем не похожи, – посчитал он справедливым добавить.

– А я, значит, не симпатичная?

– Ты красивая. Очень красивая, – признался Гурин. Он всегда говорил то, что думал.

Людмила опустила глаза, она умела смущаться, когда это необходимо. Но, видя, что и Гурин смутился и стал очень старательно смотреть «Голубой огонек», она слегка придвинулась. Гурин оглянулся, Людмила поощряюще улыбнулась, и тогда Гурин не очень ловко обнял ее и попытался поцеловать. По правилам, которые вырабатывались веками, она должна была сделать попытку отстраниться, вырваться – он должен понять, что она не какая-нибудь разгульная и, может быть, этот поцелуй у нее первый в жизни. Людмила очень слабо попыталась освободиться из объятий, но он мгновенно ее выпустил. Она села в кресло.

– Никогда не делай этого! – сказала Людмила и подумала: а почему бы ему это не делать, все начинают с этого?

И Гурин тут же ее спросил:

– Почему?

– Вы, знаменитости, привыкли, что вам девушки на шею вешаются. Но я не такая...

– При чем тут знаменитость? – тут уже рассердился Гурин. – Я за всю жизнь только с одной девчонкой и дружил.

– Понятно, – сказала многозначительно Людмила.

– Это еще в школе было, – пояснил Гурин.

Людмила улыбнулась. Это можно было расценить и как прощение.

Гурин осмелел. Он встал позади кресла, положил руки ей на плечи.

– Не надо, – сказала Людмила. – Пожалуйста, не надо. Тебе все равно кого обнимать, а для меня это очень серьезно...

– Для меня тоже очень серьезно, – признался Гурин, и в этот момент Людмила решила, что, пожалуй, она расскажет Гурину всю правду, то есть не всю, конечно, а про небольшой розыгрыш с дочерьми академика.

Она явно нравилась Гурину. А если он влюбится, пусть принимает ее такой, какая она есть. Он хоть и знаменитость, но начинающая. Ему еще и учиться надо, она ему, конечно, поможет. Она уже узнавала, что спортсмены в основном учатся в физкультурном институте и, когда перестают играть, становятся тренерами, в крайнем случае учителями физкультуры в школе. Что ж, вполне интеллигентная профессия и держит мужика в форме.

После передачи Рудольф и Катерина шли по Шаболовке.

– Кстати, – сказал Рудольф. – Мы с мамой приглашаем тебя на обед. Завтра у меня выходной.

Катерине, конечно, очень хотелось побывать в доме у Рудольфа. Когда приглашают в дом и знакомят с родителями, отношения как бы переходят в другую стадию. Это еще и не предложение о замужестве, но намерения уже высказаны достаточно ясно. Так было и в Красногродске: если парень знакомил девушку со своими родителями, все понимали, что их свадьба – вопрос времени. Катерина почувствовала, как сильнее забилося сердце, она ожидала приглашения, но не предполагала, что это произойдет так быстро. Но тут же подумала, что ее вряд ли отпустят с работы, об этом надо было договариваться заранее.

– Завтра не получится, – ответила Катерина. Она решила не рисковать. – У меня весь день расписан.

– Тогда на ужин? – предложил Рудольф.

– Я согласна.

Катерина стала соображать, во что завтра одеться. Еще сегодня вечером надо выстирать белую кофточку и погладить юбку, завтра после работы времени на сборы почти не останется. Они дошли до Октябрьской площади, спустились вниз, к реке, и пошли по Крымскому мосту. Под мостом возвращался с прогулки речной трамвай, набитый пассажирами.

Еще когда они вышли из телестудии, Рудольф предложил заехать к ней и попить чаю. Катерина заранее не придумала, как отказать, если Рудольф будет проситься в гости, и сказала правду:

– Лучше в следующий раз. Сейчас дома Людмила с Гуриным, и она просила не торопиться.

– Тогда и ей придется погулять, когда мы будем вдвоем.

– Конечно, – согласилась Катерина и подумала, что сделала глупость: теперь Рудольф будет постоянно искать случай остаться вдвоем и напоминать ей об этом разговоре. Она хотела этого и боялась.

Они прошли мост, Рудольф показал ей дом в начале Кропоткинской, где они жили раньше в коммунальной квартире.

Рудольф рассказывал о своем детстве, о драках во дворе, а Катерина, слушая, думала о случайности, которая может изменить всю ее жизнь. Еще несколько дней назад она ничего не знала о Рудольфе, а теперь – может быть, не сразу, через месяц или несколько месяцев – он станет ее мужем, и она будет с ним жить всю оставшуюся жизнь, как живут ее мать с отцом. У них, конечно, будут дети. Ей стало на какое-то мгновение жаль себя. Жила, училась, о чем-то мечтала, но вот появился Рудольф, и мечты закончились. Конечно, она ждала, когда появится такой, она не могла представить его себе, знала только, что он будет заботливым, нежным и надежным. Конечно, Рудольф заботлив, он звонит, интересуется, что она делает, с ним было интересно в кафе, и ему, наверное, стоило больших усилий провести ее на «Голубой огонек» – она видела, что в студии не было случайных людей: передовики производства, ученые, артисты, писатели, космонавты.

Но думала она и о том, почему жизнь человека должна зависеть от случайностей. Ведь государство все организовывало: и производство, и оборону, планировало, сколько надо засеять и собрать хлеба, сколько выплавить стали, каких людей выбирать в Советы и в партийные органы, какие печатать книги и какие показывать телепередачи. Только личная жизнь людей была пущена на самотек. Оттого что люди плохо знали друг друга, сразу же после свадьбы начинались скандалы, разводы, дети росли без отцов. С Рудольфом, конечно, все будет по-другому. Но как будет, она не знала и решила, что надо обязательно пойти к нему на ужин и присмотреться. Рудольф рос без отца, его воспитывала мать, значит, он в чем-то похож на мать, Катерина, например, многому научилась у своей матери.

Катерина надела для «Огонька» новые туфли, они прошли, наверное, уже несколько километров, она натерла ногу и начала прихрамывать. Рудольф заметил это и на первой же остановке они сели в троллейбус, доехали до площади Восстания.

Рудольф поднялся с ней на лифте, она протянула ему руку, но он обнял ее и поцеловал.

Катерина уже целовалась несколько раз, но это был особенный поцелуй, такого она еще не испытывала. Рудольф нежно вобрал ее губы, и она подчинилась ему, не сопротивлялась, даже слегка откинула голову, чтобы ему было удобнее. Она ощутила, как напряглись ее соски, стали острыми. Рудольф прижал ее еще сильнее, и она вдруг почувствовала, как у него внизу что-то стало плотным и выпуклым. Она даже испугалась, что он не выдержит и это может произойти сейчас, здесь, на лестничной площадке, – она ведь совсем не защищена, только тонким ситцем платья. Людмила рассказывала, что у нее это впервые произошло в подъезде, она даже не успела ничего понять. Катерина поспешно бросилась к двери, от волнения не могла попасть ключом в замочную скважину, нажала на кнопку звонка. Она слышала, как звякнула цепочка, щелкнул замок первой двери, – в квартире академика двери были двойные.

– До завтра, – крикнул Рудольф и побежал вниз по лестнице, не вызывая лифта, будто они уже совершили что-то незаконное и он спешил скрыться.

Людмила открыла дверь, глянула на нее.

– Чего дышишь, как загнанная лошадь? Целовались, что ли?

– Целовались, – подтвердила Катерина и упала в кресло.

– Приятная процедура, – заметила Людмила. – Для этого нужен опыт.

– Он опытный, – ответила Катерина. Ей хотелось быть откровенной, теперь и она могла кое-что рассказать Людмиле, они как бы стали ровней друг другу. Раньше Катерина только слушала рассказы Людмилы, самой ей рассказывать было нечего.

– Он и его мать пригласили меня на ужин, – сообщила она.

– Могла бы напомнить и обо мне. Я бы тоже поужинала в семейной обстановке.

– Извини, не подумала, – призналась Катерина.

– Дело не во мне, – отмахнулась Людмила. – Вдвоем всегда удобнее. Одна солирует, другая наблюдает, она как бы в тени, на нее не обращают внимания. Пойми, это очень важный визит. Если ты собираешься за него замуж, присмотришься к его матери, она же твоя будущая свекровь. Как она встретит, как прореагирует. Очень часто семьи распадаются из-за свекровей. Он маменькин сынок.

– Почему ты так думаешь?

– Я не думаю, я просто хорошо запоминаю, что говорят. А он мне рассказывал, что отец от них ушел, а когда мужчина уходит, не всегда виноват он.

– Ну зачем же думать самое плохое? – возразила Катерина.

– Думать не надо, смотреть надо, думать будем потом.

Утром Катерина проснулась в замечательном настроении. Она и работала с настроением, успела наладить два пресса, теперь ей платили еще и полставки слесаря-наладчика. Обычно она с работы ехала не торопясь, заходя в магазины если не купить что-то, то просто посмотреть на новые, особенно импортные, товары. Их все больше становилось в Москве: польская одежда, чешская обувь, гэдээровская косметика «Флорена». Сейчас Катерина неслась, сэкономила секунды на переходах, хотя еще накануне вечером она постирала кофточку, а погладить ее успеет за пять минут.

Людмила уже ждала. Она осмотрела Катерину, когда та переделась, предложила переменить клипсы на более светлые.

– Хороша! – прокомментировала Людмила. – Жаль, что такому дураку достанется.

– Он не дурак, он поумнее нас обеих, вместе взятых!

– Не преувеличивай, – оборвала ее Людмила. – Помни, что ты красивая, умная, тебе ничего от них не надо.

– Мне от них ничего не надо, – подтвердила Катерина.

– Тогда с Богом, – Людмила перекрестила Катерину и сама удивилась своему жесту. Она была неверующей – о таких говорили, что они не верят ни в бога, ни в черта, – но суеверной.

Антонину Николай уже представил своим родителям, теперь настала очередь Катерины. А Бог, как известно, любит троицу. Она готова даже съездить в Челябинск и уж постарается произвести впечатление на родителей Гурина. Более скромной, бережливой и работающей, чем она, его родители никогда не видели и не скоро увидят.

Рудольф ждал Катерину у метро. Он жил недалеко от метро, и они быстро дошли до его дома – стандартной пятиэтажки. Катерина хотела бы жить в таком доме.

После квартиры на площади Восстания и довольно просторной комнаты в общежитии квартира Рачковых из двух смежных комнат показалась Катерине крохотной, к тому же чересчур забитой мебелью.

Мать встретила их в передней, в которой двоим не разойтись, протянула Катерине руку и мгновенно осмотрела ее. Осталась ли она довольна, Катерина определить не смогла. Мать улыбнулась, провела ее в большую комнату, сказала Рудольфу:

– Развлекай гостью. – И тут же вышла на кухню.

– Это комната мамы, – объяснил Рудольф. – Наша с братом – следующая.

Следующая была совсем крохотная, в ней теснились кровать, небольшой диванчик, на котором спал, вероятно, младший брат, небольшой журнальный столик и один стул. Катерина только заглянула в эту комнату – Рудольф тут же увел ее в большую и усадил в кресло. Младший брат помогал матери на кухне, он внес блюдо с салатом, глянул на Катерину и хотел было тут же уйти.

– Познакомься, – велел Рудольф.

Мальчик протянул руку:

– Витя.

– Запомни, – объяснил Рудольф, – когда знакомятся с женщиной, то ждут, когда она протянет руку. Женщина это делает первая.

– Ладно, – буркнул Витя, – запомню.

И мне надо запомнить, подумала Катерина. С некоторым беспокойством она оглядела стол, накрытый на три персоны. Возле каждой тарелки лежали по три вилки разных размеров, по три ножа. Ну, одна вилка для мяса, другая, наверно, для рыбы или салата, а для чего же третья? Вот здесь-то и раскроется, что никакая она не дочь академика, а псковская деревенщина.

Рачкова внесла вазу с цветами, которые купила Катерина. Они с Людмилой долго совещались, что лучше купить – цветы или конфеты, и решили, что все-таки цветы.

– Прекрасные цветы! – похвалила Рачкова и улыбнулась Катерине. – Тесновато у нас, конечно, – добавила она, с трудом протискиваясь к столу.

– У вас замечательная квартира, – искренне похвалила Катерина.

– Это вы из вежливости, – улыбнулась Рачкова. – Вот у вас квартира действительно замечательная, – и, по-видимому заметив недоумение Катерины (откуда бы ей знать о квартире?), пояснила: – Мне Рудик рассказывал. Но такие квартиры в Москве имеют только известные люди. Вы, конечно, знаете, что на Западе в столицах есть престижные районы, очень дорогие, где селятся только богатые и известные люди. Теперь и у нас в Москве есть такие престижные дома. Когда говорят: «Я живу в высотном доме на площади Восстания», или «... в высотном доме на Котельнической набережной», или «... у Красных ворот», можно даже не спрашивать, из какой вы семьи. Сразу ясно, что это замечательная семья заслуженных людей.

Катерина уже с тоской подумала, что ничем хорошим это не закончится. Рудольфу она, наверно, смогла бы объяснить, но его мать никогда ей не простит обмана. Соврала один раз, соврет и в следующий. К тому же мать, конечно, хотела бы, чтобы у сына была жена из хорошей, известной, обеспеченной семьи, которой не надо помогать – наоборот, ему самому помогут.

Катерина почувствовала, что пауза затягивается, мать ожидала ответа на свой монолог о престижных домах и их заслуженных жильцах. Катерина же не могла придумать, что бы ей ответить. Выход нашла Рачкова, переменив тему.

– Где вы в этом году отдыхали? – спросила Рачкова. – Не в Крыму ли?

– Да, – подтвердила Катерина, пытаясь сообразить, какой город назвать в Крыму, где она никогда не бывала. У нее вдруг из памяти вылетели названия всех крымских мест.

– Так в этом году ведь холодно было, – заметила Рачкова.

О том, что в Крыму холодно, Катерина не слышала, поэтому ответила уклончиво.

– Не то чтобы замерзали, но бывает теплее.

И сама себе стала противна. Вобла сухая, нет чтобы чего-нибудь рассказать веселое. Выручил Рудольф. Он открыл бутылку сухого вина.

– Мама, ты заговорила Катю, а разговорами сыт не будешь. Предлагаю начать. – Рудольф разлил вино и поднял свой бокал. – Предлагаю выпить за знакомство.

– Которое, я в этом уверена, перейдет в крепкую дружбу, – и Рачкова чокнулась с Катериной.

Катерина пригубила, боясь опьянеть, как с ней случилось в кафе. Рудольф взял среднюю вилку, Катерина взяла точно такую же. Все будет хорошо, подумала она, если не торопиться и

обдумывать ответы. Пусть решат, что она медлительная и флегматичная, и такие ведь девушки бывают.

Младший Рачков, по-видимому, проголодался, схватил вилкой кусок рыбы, вилкой же его разорвал и тут же получил замечание от матери:

- Для рыбы есть специальный нож!
- Я забыл какой, – признался Рачков-младший.
- Я же тебя все утро учила. Что про тебя наша гостья подумает?
- Я хорошо подумую, – сказала Катерина.

Рачкова принесла зажаренную в духовке утку. Рудольф специальными ножницами ее разделал. Рачкова ловко и довольно быстро управлялась с птицей. Катерина решила не рисковать и отказалась.

– Спасибо. Все очень вкусно, но, извините, я не выдержала и, прежде чем ехать к вам, поела.

Потом, когда ехала обратно, купила у метро несколько пирожков с ливером и тут же съела.

Она открыла дверь квартиры и услышала шум пылесоса. Людмила занималась уборкой.

– Давай подключайся, – сказала она. – Хозяева телеграмму прислали: приезжают в субботу, уже билеты взяли. Что значит интеллигентные люди – предупреждают! Боятся враспloch застать. – И почувствовав, что Катерина не в настроении, обеспокоенно спросила: – Не понравилась?

– Не знаю, – односложно ответила Катерина. Ей не хотелось ничего рассказывать.

– Ну, это скоро выяснится, – бодро заверила Людмила.

– Конечно, все выяснится. Надоело вранье. Я жила нормально. Я была такой, какая есть. Не хуже и не лучше. Почему я должна быть дочерью академика, если я ему седьмая вода на киселе? – почти выкрикнула Катерина.

– А ты уже не дочь академика с субботы, – спокойно сказала Людмила. – С субботы ты снова штамповщица с галантерейной фабрики.

– Как я ему об этом все скажу?

– А никак не говори. Позвони и скажи, что уехала учиться в Оксфорд, в Англию.

– Какая Англия?

– Можешь позвонить, сказать, что выходишь замуж. Скажешь: прости, дорогой!

– Но он придет сюда и начнет выяснять.

– Ты объясни все Изабелле. Она замечательно его выставит.

– А что ты решила с Гуриным?

– А чего Гурин? – удивилась Людмила. – Тоже мне, принц датский! Скажу как есть. Если любит – простит. Это и будет его первая проверка. Начнет залупаться, значит – иди гуляй, дорогой.

– Может быть, надо было сразу все рассказать? – вслух подумала Катерина.

– Может быть, – согласилась Людмила.

Зазвонил телефон.

– Это, наверное, Рудольф, – Катерина бросилась к телефону. – Он обещал позвонить, узнать, как я доехала. Алло. – Катерина тут же протянула трубку Людмиле: – Это тебе. Гурин.

– Очень хорошо, – сказала Людмила, зачем-то поправила прическу, взяла трубку. – Здравствуй, дорогой. Когда увидимся? А когда можешь? В воскресенье? Замечательно! Где? Давай на Суворовском бульваре. Не знаешь, где Суворовский бульвар? Надо изучать Москву. А какие места в Москве ты знаешь? Центральный телеграф? Замечательно. Значит, ты в двенадцать заказал разговор с Челябинском? С мамой? Замечательно. Тогда встретимся в одиннадцатый. Может быть, тебе потом будет что рассказать маме. Что рассказать? Это ты узнаешь. Что случилось? Ничего! Я абсолютно здорова. И по-прежнему красива. И ты мне по-прежнему

нравиться. И я тебе? Замечательно. Я буду в голубом платье, в левой руке у меня будет газета «Известия». Как зачем? Чтобы ты меня узнал. Ты меня узнаешь из миллиона? Вот и проверим, дорогой. Да, сюда больше не звони. У нас телефон сняли. Наверное, по государственной необходимости. При встрече все объясню. Чао, дорогой!

Они посидели молча.

– Завтра я в ночную смену, – сказала Людмила, – так что Рудольфа приглашай на завтра.

– Может быть, ему сказать все по телефону? – спросила Катерина.

– Зачем же? Это надо говорить с глазу на глаз. И проверишь на вшивость.

– Он-то не виноват, виновата я.

– Ни в чем ты не виновата! Это был розыгрыш. Юмор! Вот и проверишь, есть ли у него чувство юмора.

– Ладно, – решила Катерина. – Ну и пусть будет неприятный разговор. Переживу.

– Конечно переживешь, – согласилась Людмила. – Не первый неприятный и не последний. А теперь давай берись за уборку. Квартиру мы должны сдать в более чистом виде, чем приняли, чтобы в следующий их отпуск поселиться здесь снова.

– Следующего раза не будет...

– Не скажи. Ничего не известно.

– Завтра все будет известно, – сказала Катерина и взялась протирать книги.

И снова зазвонил телефон. Людмила взяла трубку.

– Это тебя!

– Я слушаю, – сказала Катерина. – Спасибо, что позвонил. Все нормально. Доехала быстро. Как завтра? – Катерина посмотрела на Людмилу, та кивнула. – Вечер у меня свободный. Да. Приходи. После шести я буду дома. Я тебя тоже целую, – тише, чем обычно, сказала Катерина. Людмила сделала вид, что не слышит.

И вот завтра наступило. Катерина приготовила фруктовый салат, салат из огурцов и помидоров, внизу в гастрономе купила отбивные, сардины и шпроты взяла из запасов Изабеллы, к приходу Рудольфа запекла в духовке картошку.

Рудольф пришел с шампанским, водкой и цветами. Он положил шампанское и водку в холодильник и стал помогать накрывать на стол.

– Какая закуска! – произнес он с восторгом. – Пока охлаждается шампанское, может быть, выпьем водочки? – предложил он.

– Я никогда не пила водки, – призналась Катерина. – Один раз попробовала еще в школе и чуть не задохнулась.

– Ты уже повзрослела. К тому же в жизни надо знать вкус всего. Я тебе налью наперсток.

– Ну, если наперсток, – согласилась Катерина.

– Вначале выдохни, а потом опрокидывай, – и Рудольф показал, как это делается.

Катерина выдохнула, опрокинула и удивилась – водка не обожгла горло. Рудольф открыл шампанское. Катерина прикрыла платье скатертью, чтобы шампанское не попало, но Рудольф открыл аккуратно. У него сильные руки, отметила Катерина. Когда девочки на днях рождения в общепите открывали шампанское, пробка вылетала, и все прикрывались или отходили, чтобы не оказаться облитыми.

– За тебя! – предложил Рудольф.

– За тебя! – ответила Катерина.

– За нас! – поднял бокал Рудольф.

От волнения и усталости – все-таки весь день простояла у станка, – от выпитой водки и шампанского у Катерины приятно кружилась голова, она помнила, что собиралась все рассказать Рудольфу, но решила, что расскажет, когда он будет уходить.

Рудольф поставил на проигрыватель пластинку, и зазвучала популярная в те годы «Бесаме! Бесаме, мучо!». И через много лет эта песня будет напоминать Катерине тот вечер.

Слыша эту мелодию, она будет думать, какой же была душой. Не будь этой песни и этого вечера, она могла бы прожить совсем иначе, более счастливо и безмятежно. Если бы она могла знать заранее, что Рудольф, который пригласил ее сейчас на танец, навсегда останется в ее жизни и будет приносить ей одни несчастья! А пока они танцевали в громадной квартире, переходя из комнаты в комнату. Рудольф целовал ее, вел в танце, обходя кресла, столы, и она подчинялась ему, думая, как прекрасно, когда ни о чем не надо думать – надо только подчиняться.

Рука Рудольфа соскользнула с ее талии и остановилась ниже, там, где не должна была бы находиться. Катерина ждала, когда он уберет руку, но он не убирал. Пусть будет так, потому что, возможно, это их последний вечер. А если не последний и она станет его женой, то мужу можно позволить все.

Пластинка закончилась, Рудольф отошел к проигрывателю, а она, обессиленная, села на диван. А Рудольф снова поставил «Бесаме! Бесаме, мучо!». Катерина боялась, что он поставит другую пластинку и разрушит ту близость, которая возникла между ними благодаря этой музыке, но Рудольф будто предугадывал ее желания. Ей хотелось пить, она даже не успела попросить его, а он уже нес шампанское. Напьюсь ведь, подумала Катерина.

Рудольф сел рядом, и они снова целовались. Потом оказалось, что они лежат рядом. Она прижалась к нему, ей хотелось уснуть, и она забылась. Она чувствовала, что Рудольф ее раздевает, подумала, какой он заботливый, наверное, не хочет, чтобы она измяла одежду. Сейчас он отнесет ее в постель, как относил ее отец в детстве. Когда он стал целовать ее грудь, живот, она поняла, что лежит совсем голая, даже без лифчика. Она прикрыла грудь руками, но Рудольф был настойчив, он отвел ее руки и снова целовал. В этом нет ничего неприличного, она в книгах читала, что мужчины целуют у женщин грудь. Рудольф навис над нею, прижал, она почувствовала, как он осторожно, будто боясь потревожить, входит в нее, – и вспомнила о противозачаточных таблетках и предостережениях Людмилы.

– Мне надо в ванную, – сказала она.

– Потом, потом, – повторял Рудольф.

Она вдруг услышала, как гулко бьется ее сердце. Она все-таки сделала попытку вырваться, но не смогла. На мгновение она расслабилась, и он вошел в нее сразу, она почувствовала легкую боль и тут же забыла про нее. Рудольф уже вышел и снова вошел, было приятно, что он такой нежный, не торопится. Она подумала, раз уж это случилось, то пусть продолжается долго-долго. Таких ощущений она еще не испытывала, только догадывалась о них. И вдруг Рудольф зашептал, она обняла его, понимая, что сейчас произойдет то, о чем рассказывали девочки в общежитии. Ей показалось, что она несется вскачь на лошади, как когда-то в детстве. Она уловила его ритм и подстроилась, теперь она взлетала вместе с ним, обхватив своими ногами его ноги. Наверное, это и есть счастье, подумала она и тут же уснула.

Она проснулась и встретилась взглядом с Рудольфом. Он рассматривал ее. Ей захотелось прикрыться, но прикрыться было нечем.

– Принеси халат из ванной, – попросила она.

О чем мы будем говорить, что он скажет, когда вернется? Лучше бы поцеловал и ничего не сказал, но Рудольф, укрыв ее халатом, сказал:

– Поразительно!

– Что поразительно? – спросила она.

– То, что ты оказалась девушкой и что я у тебя первый. Это так приятно!

Что-то ей не понравилось в его словах, но она не хотела это додумывать до конца.

– И еще, – сказал Рудольф, – если бы ты не была девушкой, то я подумал бы, что ты профессионалка.

Катерина молчала, не понимая, о чем он говорит.

– Ты такая понятливая, так слушаешься, так чувствуешь партнера, – продолжал Рудольф.

Она подумала, что у него, наверное, было много женщин и, наверное, есть какие-то правила, как быть с мужчиной, чтобы ему нравилось; она этих правил не знала, просто так получилось, и в следующий раз может не получиться. А Рудольфа учила, наверное, опытная женщина, старше его, разведенная. Катерина знала, что столичные парни жили с женщинами старше себя, потом их почти всегда бросали и женились на молодых.

– Я пойду в ванную, – сказала Катерина.

В ванной она закрыла дверь на задвижку, хотя зачем закрываться, он уже видел ее совсем голой. Одна стена в ванной была сплошным зеркалом. Катерина осмотрела себя. Что в ней изменилось теперь, когда она стала женщиной? Она не нашла никаких изменений, кроме голубоватых теней вокруг глаз. Она попробовала разогнать их, размять пальцами, но тени не исчезали. Иногда она, когда ехала утром на работу, видела эту голубизну под глазами у других женщин. Сейчас поняла: значит, они были счастливы ночью. Потом она, глядя на женщину, всегда определяла, была ли та счастлива: у тех, кто ничего не испытал, глаза были обыкновенными.

Катерина встала под душ и увидела, что вода стала красноватой. Она знала от старших, что после того, как мужчина впервые войдет в тебя, должна быть кровь, но все-таки ей стало неприятно.

Она насухо вытерлась, надушила волосы и грудь, чуть-чуть, чтобы убьель духов во флаконе не заметила Изабелла, и вышла из ванной.

Рудольф на кухне жарил яичницу.

– Очень хочется есть, – пояснил он.

Они снова сели за стол. Рудольф налил ей шампанское, а себе водки. Она выпила с удовольствием, очень хотелось пить. Ее движения стали не очень точными, она не могла поймать вилкой маслину и рассмеялась.

И Рудольф рассмеялся. Самое время рассказать ему всю правду, но не хотелось. Рудольф сел к ней на подлокотник кресла, распахнул халат и стал целовать ее грудь, потом поднял ее и на руках отнес в постель. Я, наверное, тяжелая, подумала Катерина, и ей стало жалко Рудольфа.

Рудольф не торопился. Он расстегивал пуговицы на халате все ниже и ниже, и она опять оказалась голой. Он тоже разделся. Катерине очень захотелось посмотреть на него – она ни разу в жизни не видела голого мужчину, только маленьких мальчиков. Она приподнялась, разглядывая его.

Покрасневшее лицо Рудольфа нависло над ней. Она увидела его расширенные зрачки и даже немного испугалась, но тут же забыла про все. Она слышала его тяжелое дыхание, подумала, что, может быть, ему тяжело, он поднимал и опускал свое тело, и, когда он опускался, она поднималась ему навстречу. И вдруг с нею что-то случилось, горячая волна распирала ее бедра. Ей хотелось, чтобы он двигался быстрее, она не выдержала и сказала ему:

– Ну, быстрее! Я тебя умоляю!

Но Рудольф, наоборот, замедлил движения, и тогда заспешила она и уже не могла удержаться, обняла его, и ей показалось, что она на мгновение потеряла сознание.

Потом она услышала голос Рудольфа:

– Мне ни с кем не было так хорошо, как с тобой.

Она хотела спросить, сколько же у него было женщин, но не решилась.

– Мне сказать спасибо за комплимент? Что обычно отвечают женщины, когда их хвалят?

– По-разному, – Рудольф устало улыбнулся. – Что-то вроде: что ты, что ты, дорогой! Это не я, это ты был прекрасен!

– Здесь я пас, – призналась Катерина. – Мне не с кем тебя сравнивать. Ты первый и единственный.

– Я бы хотел таким и остаться, – сказал Рудольф.

– Я тоже этого бы хотела, – согласилась Катерина.

... Потом такие признания она будет выслушивать и от других мужчин. Один из ее любовников, он же деловой партнер, скажет:

– Ты талантлива во всем. И в постели тоже.

Катерина поверила ему. Она вообще хорошо чувствовала свое тело. Хорошо танцевала, играла в волейбол, в теннис, хорошо водила машину. Она чувствовала мужчину, как механизм со своими особенностями – так же, как чувствовала станок, испытательный стенд. Надо только понять особенности механизма и подстроиться. Позднее она была всегда готова на импровизации, если мужчина этого хотел, но стеснялся, не мог решиться – тогда она решала за него. Некоторые мужчины любили, чтобы решали за них, направляли, диктовали...

Катерина разбудила Рудольфа утром перед тем, как должна была прийти Людмила с вечерней смены. Рудольф снова потянулся к ней, но он спешил, и все быстро закончилось.

У двери он поцеловал ее, вернее, клюнул в губы и ушел.

Людмила вошла, оглядела ее и сказала:

– Сегодня ты не работник. Позвони, скажи, что заболела, отоспись.

– Мне надо обязательно, – объяснила Катерина.

Она смотрела, как завтракает Людмила, ей есть не хотелось.

– Ну, как он? – спросила Людмила.

– Не знаю. Мне не с кем сравнивать...

– Расскажи, как все было.

– Собственно, нечего. То ли было, то ли нет...

Катерина не стала рассказывать. И потом она никому никогда не рассказывала о своих отношениях с мужчинами.

– А как он отреагировал на то, что ты не дочь академика и через два дня съезжаешь с этой квартиры?

– Никак, – ответила Катерина.

– Совсем никак? – поразилась Людмила.

– Совсем никак, – подтвердила Катерина. – Мы об этом просто не говорили.

– А как же дальше?

– Как-нибудь!

– Ты тогда объясни все Изабелле.

– Может быть, – согласилась Катерина. Ей не хотелось думать, что будет через два дня или через два месяца. Что будет, то будет!

Катерина приехала на фабрику, увидела Леднева, он ругался с бригадиром слесарей, который не дал наладчиков в ночную смену, поэтому половина станков с утра не работали.

– Успокойся, – Катерина улыбнулась Ледневу, погладила его по плечу.

Леднев почему-то смутился, посмотрел на нее внимательно и с удивлением спросил:

– А чего ты сегодня такая красивая?

– Только сегодня? – переспросила она.

– Всегда, но сегодня особенно...

Катерина улыбнулась ему и пошла договариваться с бригадиром. Опытного наладчика она отправила на совсем старые станки, а сама вместе с молодыми слесарями перешла на регулировку прессов. У нее все получалось в этот день. Она никогда еще не испытывала такого спокойствия и умиротворенности. Она не торопилась, в столовой встала в самый конец очереди. Почему мне так хорошо, думала она. Ведь ничего не изменилось в моей жизни! Может быть, изменилось?

Может быть, я теперь не буду одна? Если я перееду к Рудольфу, то нам, наверное, выделят маленькую комнату. Теперь разрешено вступать в строительные кооперативы. И Рудольф, и она во время отпуска могут поехать со строительным отрядом на заработки. За два года вдвоем они могут скопить на первый взнос.

Вечером она и Людмила пылесосили квартиру, перетирали книги.

Утром Людмила собрала свои вещи и уехала в общежитие.

– Чтобы не расстраивать хозяйку, – пояснила она. – Увидит меня, потом весь вечер будет проверять наличие вещей, а вдруг что-нибудь стащили.

– Изабелла не дуручка, – возразила Катерина.

– Не дуры как раз самые недоверчивые. Я бы и сама проверила, если бы в моей квартире кто-нибудь прожил месяц.

Тихомировы приехали на такси, привезли с юга виноград, груши, персики. Поужинали вместе, и академик удалился в свой кабинет читать накопившиеся за месяц газеты.

– Мне надо тебе кое-что рассказать, – сказала Катерина.

Изабелла насторожилась, но, когда Катерина стала рассказывать о Рудольфе, поудобнее устроилась в кресле, налила себе и Катерине ликеру и, не перебивая, выслушала весь ее рассказ.

– Что же мне ему сказать? – спросила Изабелла.

– Что мы переехали к бабушке. Рудольф будет звонить в общежитие.

– А признаться не хочешь?

– Хочу, но боюсь... Может быть, чуть позже.

– Признавайся, – посоветовала Изабелла. – Запутаешься.

– Может быть, и признаюсь при следующей встрече, – согласилась Катерина.

– Вот что, – решила Изабелла. – Я скажу, что вы уехали на каникулы в деревню.

– А если он спросит в какую?

– Я не обязана отчитываться перед незнакомым мне человеком.

– А почему я уехала и не позвонила?

– Не дозвонилась. На квартире у него нет телефона, а на работу не дозвонилась. Занято было. Пожалуйста, я могу тебе подыграть. Пригласишь этого Рудольфа к нам, поужинаем, я посмотрю на него, послушаю. Нынешние молодые устроены не так уж и хитро. В конце концов, он тоже не принц датский. После можешь сказать, что родителям, то есть нам, он не понравился, и встречайся с ним где угодно.

– Где? – удивилась Катерина.

– Это уж его заботы, – ответила Изабелла. – Он мужик, он должен организовать. Можно снять комнату, взять ключ у приятеля. Миллионы в таком положении, выкручиваются. У меня до академика был роман. И он брал ключ от квартиры у приятеля, и я у подруг.

– У меня нет подруг с отдельными квартирами.

– Не бери в голову, – отмахнулась Изабелла. – Это его проблемы. На этом, кстати, мужик проверяется. И насколько любит, и насколько оборотист.

Рудольф в этот вечер работал на «Теленовостях» почти до полуночи.

Катерина из метро позвонила в комнату телеоператоров, позвала Рудольфа и назначила свидание на завтра. Рудольфу хотелось поговорить, но у автомата уже выстроилась очередь, и она закончила разговор, сказав на всякий случай, что звонит от подруги, чтобы он не трезвонил в квартиру академика.

На следующий день они встретились у памятника Пушкину, прошлись по улице Горького, свернули на Садовое кольцо, дошли до высотного дома на площади Восстания.

– Может быть, ты познакомишь меня с родителями? – предложил Рудольф.

– Чуть позже, – пообещала Катерина. – Они только что приехали, отец простудился, и у нас дома пока никто не бывает.

– Подождем выздоровления! – согласился Рудольф.

– Кстати, может быть, мы с Людмилой уедем к родным отца в деревню. Все-таки каникулы, и хочется побывать на природе.

– А где эта деревня? – спросил Рудольф.

– В Псковской области, – ответила Катерина, что было правдой. Родственники ее отца жили в деревне Блины, в нескольких километрах от Красногородска.

– Замечательно! – обрадовался Рудольф. – У меня почти неделя отгулов, и я с удовольствием приеду в эти Блины. Ты оставь мне адрес.

– Обязательно оставлю, – пообещала Катерина. – Только мне вначале надо туда приехать, спросить родственников.

– Никого и ни о чем просить не надо, – ответил Рудольф. – Я сниму комнату в соседней избе. Псковская область – не Сочи, не думаю, что это будет дорого.

– Можно и так, – согласилась Катерина. – Но это мы решим чуть позже.

Рудольф поцеловал ее, не обращая внимания на проходивших мимо них жильцов дома. Она бросилась в подъезд, поздоровалась с вахтершей, поднялась на лифте на восемнадцатый этаж, посидела на лестничной площадке несколько минут, за это время Рудольф наверняка уже дошел до метро и уехал.

Сама она пошла к метро, не торопясь, зная, что в этот вечер уже ничего не произойдет. В общежитии она разогреет макароны на подсолнечном масле. Антонина и Людмила наверняка сидят в красном уголке у телевизора, она почитает «Милый друг» Мопассана. В школе Катерина пропустила этот роман, читала в основном то, что требовалось по программе, Мопассан же в программу не входил. Теперь, когда она провалилась в институт и у нее был небольшой перерыв, пока она снова начнет готовиться, можно позволить себе почитать то, что читали другие. К тому же это был роман о мужчине, а ее в последнее время стало интересовать, что думают мужчины о женщинах и женщины о мужчинах.

У метро Катерина увидела Рудольфа. Он стоял у входа, курил и рассматривал входящих и, как ей показалось, в основном девушек. Еще не осознав даже, почему она это делает, Катерина бросилась в сторону, стараясь спрятаться в толпе. Слава богу, он ее не увидел. Как бы она ему объяснила, куда и к кому едет? Она бы растерялась, покраснела, ничего не успела бы придумать. Сейчас она могла ускользнуть и пройти по Грузинской до метро Белорусская, но ей очень хотелось узнать, почему не уехал Рудольф. Может быть, он назначил свидание другой девушке? Немного подождяв, Катерина увидела, как Рудольф подошел к автомату, кому-то позвонил, по-видимому, не застал дома, потому что довольно быстро повесил трубку, потом открыл записную книжку и снова стал набирать номер. А если он звонит в квартиру академика? Она видела, что он говорит, улыбается, но слов расслышать не могла. Может быть, он разговаривает с Изабеллой? Почему он улыбается? А если Изабелла позовет его к себе? Академик сегодня уехал в Таллин выступать на защите докторской диссертации. А вдруг Изабелле он понравится? Изабелла всегда рассказывала только о романах своих подруг, но по тому, какие подробности она приводила, Катерина давно догадалась, что это ее собственные романы. Она не осуждала Изабеллу. Академик, женись на женщине вдвое моложе себя, должен был знать, что ему могут изменять. Такое происходило с молодыми женами и в Красногородске, все об этом знали, кроме старых мужей. Изабелла очень привлекательная, и если Рудольф ей понравится, то она тут же уведет его в спальню. У Милого друга в романе Мопассана любовницей вначале была мать, а потом дочь. Может быть и наоборот. И она решила: если Рудольф пойдет к высотному дому, она последует за ним. Она позвонит, откроет дверь Изабелла, и она увидит Рудольфа. А может быть, Изабелла и не откроет.

У молодой работницы Татьяны из цеха, где работала Катерина, был роман с технологом, молодым и интересным парнем. Но он не хотел на ней жениться, и она назло ему вышла замуж за радиста, который на ТУ-104, первом нашем гражданском самолете, летал в Индию. Тот улетал на двое суток, и на эти двое суток технолог переселялся к Татьяне. Когда Катерина спросила ее, неужели она не боится, что ее радист внезапно вернется домой и застанет технолога, Татьяна, посмеявшись, объяснила:

– Такого быть не может. Повернуть самолет назад нельзя, потому что пассажиры купили билеты и их надо доставить в Дели. И ничего изменить нельзя. Он приходит только через двое суток. А может быть, и через трое, если на трассе плохая погода. Но когда он задерживается, то обычно звонит, чтобы я не волновалась.

И тут Катерина увидела, что Рудольф закончил телефонный разговор, затушил сигарету и спустился в метро. Катерина выждала еще несколько минут и внимательно осмотрелась: вдруг он встретил какого-нибудь своего знакомого, и они стоят и разговаривают на перроне. Потом она тоже спустилась в метро, доехала до Белорусской, пересела на свою линию и все равно не могла успокоиться, пока не вошла в общежитие. Подходя к своей комнате, она решила, что завтра же позвонит Рудольфу и скажет, что уезжает в деревню до начала занятий в сентябре, и предупредит об этом Изабеллу, а за месяц что-нибудь придумается.

Глава 6

Людмила и Антонина оказались в комнате, а не у телевизора. Они обсуждали события, которые меняли жизнь Антонины. Антонина совсем буднично, будто ей предложения выйти замуж делали каждый день, сообщила Катерине:

– Николай посватался. В общем, предложил руку и сердце.

– А родители его знают об этом? – спросила Катерина.

– Конечно. Они согласны. Они сейчас берут отпуск и едут в деревню под Тамбов. Они оттуда родом, и там живут их родственники. Они отдохнут и привезут продуктов на свадьбу.

– А свадьба, значит, скоро?

– Меньше месяца уже осталось.

– Она тебе самого главного не сказала. – Людмила глянула на Антонину, которая тут же начала краснеть. – Родители уже уехали, и она переселяется к Николаю. Так что сегодня она последняя из нас лишится девственности.

– Почему последняя? – удивилась Антонина. – А Катерина?

– Увы, уже потеряла. – Людмила развела руками.

– А кто? Почему я не знаю? Расскажите!

– Некогда, – оборвала ее Людмила, вышла в коридор, глянула в окно, увидела «москвич» Николая. – Давай быстрее, а то передумает.

И тут Катерина обнаружила раскрытый чемодан Антонины со всеми ее вещами. Его закрыли на один замок, другой был сломан, перетянули веревкой и пошли к выходу.

Николай вышел из машины, пожал руки Катерине и Людмиле, уложил чемодан на заднее сиденье и открыл переднюю дверцу. Антонина расцеловалась с подругами, села рядом с Николаем, и он, посигналив, тронул машину. Катерина глянула вверх. Об этом событии, вероятно, знало все общежитие. Из окон десятки девушек махали вслед уезжающему «москвичу». И каждая наверняка думала, что и она скоро уедет из общежития.

...Почти через двадцать лет, когда ее машина была в ремонте и она пользовалась служебной, Катерина однажды отвозила домой главного инженера, который жил в районе Химки-Ховрино, и попросила водителя остановиться возле общежития. Она вошла в подъезд. На проходной уже не было вахтерши. Она поднялась на второй этаж, прошла до своей комнаты, постучала. Ей ответили:

– Можно! Мы готовы.

Она вошла и увидела двух сорокалетних теток, толстых, одетых в застиранные ситцевые халаты. В одной она узнала Зинаиду, с которой работала в цехе металлической галантереи. Другую с трудом вспомнила, – кажется, она была из цеха кожаной галантереи. Женщины ужинали. На столе стояла сковорода с жареными макаронами и бутылка портвейна, уже наполовину пустая. Зинаида полупьяно улыбнулась:

– Вы к кому?

– Извините, – пробормотала Катерина. – Я ошиблась.

Ее не узнали, а устраивать вечер воспоминаний не хотелось. Да и что вспоминать? Двадцать лет назад, почти одновременно с Катериной, Зинаида въехала в это общежитие. Лет через двадцать ее отсюда вынесут. Может быть, Зинаида выходила замуж, и, наверное, неудачно, если вернулась в общежитие. А может быть, никогда и никуда отсюда не выезжала, если только в дома отдыха по профсоюзным путевкам за треть стоимости или в санаторий: судя по теплым чулкам в середине лета, у нее болели ноги, как у всех женщин, которые простояли у станков по двадцать лет.

Могло и со мной такое случиться, подумала Катерина, выходя из общежития...

А пока они с Людмилой вернулись в свою комнату.

– Мы не будем сразу объявлять, что Антонина здесь не живет. Вынесем ее кровать, хоть задницами не будем стучаться, – сказала обрадованно Людмила.

– Как только она выпишется, чтобы прописаться к Николаю, к нам тут же кого-нибудь подселят. – Катерина всегда просчитывала варианты.

– Ладно тебе! Хотя месяц поживем по-человечески. Что-то ты невеселая? Рудольфу, что ли, все рассказала?

– Ничего не рассказала. Хочу все обдумать. А ему сказала, что, возможно, до конца августа на каникулы уеду в деревню.

– Изабеллу предупредила?

– Предупредила.

– И чудненько. Мужичу тоже надо дать время на обдумывание. За месяц ему или очень захочется быть с тобой, или встретит тебя и, как обычно: Привет! Привет! Как живешь? Хорошо. А как ты? Тоже хорошо. Для мужика даже месяца не надо. До него уже через неделю доходит: хочет он тебя и только тебя. Или можно трахнуться с другой.

– А что у тебя с Гуриным? – спросила Катерина.

– Все рассказала. С юмором.

– И что же он?

– Юмор дошел не сразу. Даже попытался обидеться.

– Ну а ты?

– Тут же послала его подальше. Тоже мне, принц датский!

– А он?

– Начал, конечно, просить прощения. Простила на первый раз.

– Ну и что дальше?

– Дальше, как говорит один мой знакомый, – шире размах прыжков в воду. Недели две я с ним повстречаюсь или даже месяц, двух недель мало – у него сплошные сборы. А потом намекну, что мне надоела общежитская жизнь. Я хочу нормальной семьи. И мне даже некоторые предлагают, но я люблю только его, так что пусть решает. Я думаю, он решит.

– А ты его любишь?

– Вообще-то, он мне нравится. И в постели тоже совсем не плох. Свою шайбу загоняет хорошо. Есть, конечно, сложности. Как я узнала, им квартиры дают года через три-четыре, особенно если команда станет чемпионом страны, а еще лучше – Европы. Ждать четыре года я, конечно, не буду. В кооператив они могут вступать сразу, как только попадут в сборную. Две-три поездки за кордон – я уже узнала, что надо покупать в Чехословакии и Швеции, все продам выгодно, – и через полгода внесем первый взнос, а через год въедем в новую квартиру. А пока можно поснимать комнату. Я уже больше не могу в общежитии. Все эти запахи борщей, жареного сала, хозяйственного мыла! – Людмила передернула плечами.

– А если с Гуриным не получится? – усомнилась Катерина.

– Получится, – успокоила ее Людмила. – Я все просчитала. Пока идет, как задумано. У меня вариант простой. Тебе будет посложнее.

– А может быть, у меня этого варианта и не будет.

– Нет уж, – сказала Людмила, – игру надо играть до конца. У тебя же пока все хорошо! Я же вижу, что он влюбился, матери ты тоже понравилась. Все замечательно!

– Кроме того, что я их обманула.

– Никого ты не обманула. Ну не дочь, а внучатая племянница. Ну не студентка, так все равно станешь ею, ты же упорная! И то, что ты взяла тайм-аут на месяц, тоже замечательно!

Людмила достала бутылку «Мукузани».

– Давай выпьем за счастье Антонины. Я ей предлагала, она отказалась, говорит, будет пахнуть, Николай может почувствовать. Да Николай для уверенности сам не меньше стакана засосет.

Людмила разлила вино по чайным чашкам. Они все собирались купить фужеры, но так и не собрались.

Девушки выпили. Людмила закурила длинную сигарету с фильтром. Катерина таких еще не видела. Она тоже затянулась несколько раз, у нее закружилась голова, и стало вдруг легко и все понятно. Если получается у Людмилы и Антонины, почему не должно получиться у нее? От пережитых за день волнений ей захотелось спать. Она прилегла, не раздеваясь, и тут же уснула.

Дом, в котором жил Николай с родителями, был в том же микрорайоне, что и общежитие. Получив квартиру в панельном пятиэтажном доме в микрорайоне Химки-Ховрино, родители Николая уволились с автозавода, на котором работали много лет, и устроились здесь же, в таксомоторном парке: отец – слесарем, а мать – кладовщицей. Николай после демобилизации из армии пошел на стройку, тоже поближе к дому. Москва строилась, расплываясь по окраинам. Поэтому рабочие, специальности которых находили применение в любом районе Москвы, обычно устраивались так, чтобы на работу далеко не мотаться. Продолжали ездить – иногда на другой конец города – ученые в свои институты и конструкторские бюро, служащие министерств и руководители всех рангов, чтобы не прерывать свое движение на верхние ступени власти.

Сидя в машине, Антонина поглядывала на Николая, который был сосредоточен и молчалив, и не могла найти слов, чтобы заговорить. Она уже решила, что каждый день будет готовить Николаю новые кушанья, но все рецепты у нее вдруг вылетели из головы, и она пожалела, что не купила книгу «О вкусной и здоровой пище». Собиралась купить, но не успела: предложение Николая, как она его ни ждала, оказалось все равно внезапным. Вчера они подали заявление в загс. Конечно, можно было подождать, пока их распишут, а потом уж переселиться к Николаю, но его родители уехали в отпуск, о Николае некому было заботиться, да и его мать в их последнем разговоре посоветовала:

– Переселяйся к нам, чего тебе маяться в общежитии, да и мужика не стоит оставлять одного. Мало ли кто может ввести во грех! Я своего одного никогда не отпускала, только на войну. И в гости всегда вместе, и в отпуск.

Они подъехали к дому. Антонина думала, что все будут смотреть из окон, кого же привез Николай. Но на них никто не обратил внимания, подъездов в доме было не меньше десяти, и Антонина даже не запомнила, в какой именно они вошли.

Поднялись на четвертый этаж, Николай открыл дверь и внес вещи Антонины в маленькую комнату, которую им выделили родители. Почти всю комнату занимала новая тахта.

– Вчера купили, – объяснил Николай и смутился.

Антонина разбирала чемодан, стараясь не смотреть на тахту. Повесила в шкаф свои платья, юбки, кофты рядом с вещами Николая. Их было немного: один костюм, один пиджак, одна куртка, стопка из трех рубашек, два галстука.

Потом они прошли в кухню. Николай достал из холодильника бутылку шампанского и бутылку водки. Антонина, надев фартук своей будущей свекрови, разогрела приготовленное ею мясо, сделала салат.

Они впервые сидели вдвоем за столом. На стройке обычно женщины приносили еду из дома и обедали отдельно, мужчины собирались сами, чаще электрики с электриками, сантехники с сантехниками. Все вместе объединялись только накануне праздников, когда покупали в складчину водку.

Николай разлил водку по рюмкам. Антонина хотела попросить открыть шампанское, но не решилась – может быть, шампанское пьют с фруктами. На холодильнике стояла ваза с яблоками, но Николай то ли забыл ее поставить, то ли хотел подать позже, с шампанским.

– За нас! – Николай поднял рюмку. – За нашу долгую счастливую жизнь. – И выпил. Антонина пригубила.

– За такой тост надо до дна! – потребовал Николай.

– Я, вообще-то, водку не пью, – решила сказать Антонина.

– Тогда шампань? – И Николай тут же открыл шампанское.

Они выпили. Антонина по-прежнему не знала, о чем говорить, Николай ел и тоже молчал.

Для храбрости он тут же еще налил себе водки, потом еще.

– Я думаю, мы будем жить дружно, – объявил Николай.

– Я тоже так думаю, – подтвердила Антонина.

– Пока поживем у родителей. Потом соберем на первый взнос – родители, конечно, помогут – и построим кооперативную.

– Мои родители тоже смогут помочь, – посчитала нужным добавить Антонина. – И сами мы можем подрабатывать.

– Я за. Ведь не на дядю будем работать, а на себя.

За разговором Антонина не заметила, как Николай расправился с бутылкой водки и достал следующую.

– А ты не пьяница? – спросила Антонина.

– Это я для храбрости, – признался Николай.

– Ты не бойся, я не кусаюсь, – утешила его Антонина.

– Может быть, потанцуем? – предложил Николай.

– А у вас есть проигрыватель?

– Проигрывателя нет, но мы под радио.

Николай включил большой ламповый приемник «Родина» и стал искать музыку. Музыка была, но хоровая. Хор Пятницкого исполнял «Лучинушку», под которую танцевать было неудобно. По другим программам в основном говорили. Николай поймал какую-то зарубежную радиостанцию, которая передавала музыку, похожую на фокстрот, но только они начали танцевать, музыка закончилась, мужчина и женщина что-то стали рассказывать по-немецки. Антонина в школе изучала немецкий, понимать не понимала, но отличить, что это говорили немцы, могла.

Николай поискал музыку на наших волнах, но теперь передавали военные марши, попробовали танцевать под марши, но Николай несколько раз наступил Антонине на ногу. Они остановились, и Николай помялся и сказал:

– Будем стелиться, что ли?

– Я постелю, – ответила Антонина. Она сняла покрывало с тахты. Простыни оказались новыми с жесткими складками. Она расправила их. – Кто первым пойдет в ванную? – спросила Антонина, этому ее научила Людмила – обязательно в ванную перед тем, как лечь с мужчиной. Людмила дала ей земляничное мыло для хорошего запаха.

– Я мылся вчера, – признался Николай.

– Помоешься и сегодня, – отрезала Антонина.

Что заложишь в первые встречи, то и будешь иметь в последующие годы, предупредила ее Людмила. Да она и сама понимала, что ей надо поставить себя так, чтобы Николай почувствовал, что она хозяйка и мать их будущих детей. А к хозяйке и матери надо относиться с почтением.

Антонина взяла в ванную ночную сорочку – розовую, длинную, с кружевами, импортную. Сорочку покупали вместе с Людмилой в комиссионном магазине. Хотя Людмила говорила, что в магазин принимают вещи только после химической чистки, на всякий случай эту сорочку Антонина прокипятит и прогладила.

Антонина вымылась под душем земляничным мылом, вытерлась, надела сорочку и посмотрела на себя в зеркало. У сорочки был глубокий вырез, который не скрывал и половины груди. И вообще сорочка оказалась очень прозрачной. Антонина встала на табуретку и увидела в зеркале, что через ткань сорочки были видны даже волосы на лобке.

Ты должна выйти из ванной благоухающей и почти доступной, поэтому чтобы под рубашкой не было никаких лифчиков и трусиков. Ты невеста. Ты готова отдаться любимому человеку, будущему мужу. Ты ложишься в сорочке, но потом, когда он начнет тебя ласкать, сорочку надо снять, говорила Людмила.

– И остаться совсем голой? – удивилась Антонина.

– Конечно, – подтвердила Людмила. – Это так естественно! И чтобы он снял майку. Приучай его сразу, не хватало еще, чтобы ты нюхала его заношенные майки.

Антонина колебалась несколько секунд, лифчик надевать не стала, но трусики все-таки натянула. Когда она вышла из ванной, Николай уже стоял возле двери в трусах и майке.

– Я сейчас, я быстро, – пообещал он.

Когда Николай вошел в ванную, она услышала щелчок задвижки – она тоже закрывала дверь ванной на задвижку.

Антонина легла на тахту, слегка распустила волосы, прикрылась простыней, потом, вспомнив советы Людмилы, сдвинула простыни, чтобы были видны кружева на сорочке.

Николай выскочил из ванной, наверное едва ополоснувшись под душем. Он стоял, переминаясь, перед тахтой. Антонина по его взгляду поняла, что он ищет место, куда бы лечь, и отодвинулась к стенке.

Николай прилег рядом, робко обнял ее.

– Сними майку, – попросила Антонина. – Завтра постираю.

Николай быстро стянул майку, укрылся простыней. В комнате было душно, панельные стены нагрелись за день. Николай навалился на нее, и она услышала гулкие удары его сердца, так и у нее стучало сердце, когда она в школе бегала на двести метров с барьерами. Она чувствовала руку Николая, которая пыталась попасть под сорочку, путалась в складках сорочки, наконец рука нащупала трусики, попыталась стянуть. Порвет сейчас, подумала Антонина, а у нее всего две пары таких трусиков, шелковых, тонких, не заметных даже под самым тонким крепдешиновым платьем.

– Я сама. – Она сняла трусики и, уже не колеблясь, сбросила сорочку.

– Ух ты, – восхитился Николай. – Какое богатство!

– Ты про что? – почему-то шепотом спросила Антонина.

– Про все, – Николай обвел ладонями, показывая контуры ее тела. – И это все – мое!

– Твое, твое, – прошептала Антонина и закрыла глаза: скорее бы все началось. Николай был уже над нею, она чувствовала его горячее дыхание, от него пахло водкой, папиросами. Он раздвинул ей ноги и попытался попасть в нее, но никак не получалось. Может быть, ему помочь, подумала Антонина, но Людмила никаких советов по этому поводу не давала. Он мужик, должен справиться сам, решила она и стала терпеливо ждать. Горячее и твердое упиралось в нее, потом вдруг твердость исчезла, Николай выругался и лег рядом.

– Отдохни, – предложила она ему.

– У меня не получается, – признался Николай. Он сел, закурил, теперь она видела только его мощную сгорбленную спину.

– Отдохни, – сказала она ему еще раз. – Все получится.

Но он встал и прошел на кухню. Она осталась ждать, но Николай не приходил. Она слышала, как Николай открывал холодильник, потом все стихло, и она решила встать и посмотреть, не случилось ли чего. Николай, сидя за столом, спал, положив голову на руки. Вторая бутылка водки была пустой. Обычно, когда напивался ее отец, мать его не трогала, и он спал там, где падал, мать только укрывала его, чтобы не простудился. Протрезвев, отец виновато поглядывал на мать, старался меньше бывать дома, перекладывал дрова под поветью, переделывал все работы во дворе, которые давно откладывал. Правда, мать никогда его не ругала, просто молчала, отец такое молчание переживал особенно сильно.

А вдруг Николай проснется, подумала Антонина, скажет, извини, у меня ничего не получается. Она слышала от женщин на стройке, что есть мужчины, которые не могут быть мужчинами, и это даже не лечится. И никакой регистрации брака уже не будет. Николай завтра отвезет ее с вещами в общежитие, а может быть, и не повезет, стыдно же, и она, когда стемнеет, с чемоданом поднимется в свою комнату. Николай от позора, конечно, уволится со стройки, и они с ним уже никогда не увидятся.

Она быстро и тихо начала собираться. Общежитие недалеко, решила она, если повезет, то на автобусе она доберется за десять минут. Ей повезло; когда она подбежала к остановке, автобус стоял, и она успела сесть.

Людмила уже спала, а Катерина читала, когда она вошла в комнату.

– Что случилось? – заволновалась Катерина. Что-то в лице Антонины было такое, что ее испугало.

– Буди Людмилу, – велела Антонина.

Но Людмила уже проснулась.

– Уже поругались? – спросила Людмила.

– Нет, не поругались, но у него ничего не получается.

– Давай в подробностях, – потребовала Людмила.

– В каких таких подробностях? Не получается, и все, – возмутилась Антонина.

– Тогда зачем прибежала? Чтобы поставить диагноз, нужны подробности.

– Ты, психиаторша хренова! – выругалась Антонина. – Мне же стыдно, ты этого не понимаешь, что ли?

– Не понимаю, – ответила Людмила и потребовала: – Дайте мне чаю, во рту пересохло.

Катерина налила холодного чая.

– Два куска сахара, – добавила Людмила.

Катерина положила сахар, размешала и подала Людмиле. Антонина стала рассказывать, но не выдержала и заплакала.

– А ты-то чего плачешь? – удивилась Людмила. – Это ему надо плакать.

– Не могу, мне стыдно, – сквозь слезы пробормотала Антонина.

– Врачей и подруг не стыдятся, – заявила Людмила и уточнила: – Сколько, говоришь, он выпил?

– Сначала больше пол-литра, а сейчас все допил и уснул.

– Это еще хорошо, что до постели дошел. В такую жару взять литр на грудь – надо быть Ильей Муромцем. Добрыня Никитич и то не дошел бы... Запомни на будущее. Перед этим не давай ему много пить. Только малые дозы алкоголя у мужчин вызывают стойкую эрекцию.

– А это что такое? – спросила Антонина.

– Это когда у него встает, – пояснила Людмила. – Большие дозы действуют угнетающе. И вообще, лучше бы он не пил перед этим, если ты рожать собираешься. Медицинские исследования показывают, что при зачатии в пьяном виде у детей могут быть психические отклонения. Когда я работала в психиатрической больнице, то практически все дети-дебилы были из семей алкоголиков.

– Что же мне делать? – испугалась Антонина.

– Ничего, – сказала Людмила. – Главное, чтобы у него не возникла психологическая травма.

И Антонина, и Катерина слушали уже молча.

– У мужиков это бывает, – пояснила Людмила. – Если у него с первого раза не получается, в нем поселяется страх, что и во второй раз не получится. Он начинает пить, алкоголь на потенцию действует разрушающе, и мужчина становится импотентом и алкоголиком.

Увидев, что достаточно напугала Антонину и Катерину, Людмила приступила к практическим советам:

– Прежде всего перестань переживать. В первую брачную ночь такое случается почти с каждым вторым мужиком. Это все по статистике.

– А что, есть и такая статистика? – удивилась Катерина.

– Статистика есть на все. И сколько раз в неделю во время первого месяца. И сколько раз через год. И сколько раз через десять лет. Отдельную лекцию про все это я вам прочту, когда чрезвычайное положение у Антонины закончится. А сейчас надо сделать следующее. Уложишь его в постель, чтобы хорошо проспался. Утром загонишь его в ванную. Контрастный душ – то холодный, то горячий, для улучшения кровообращения.

– Водки ему больше не давать? – спросила Антонина.

– У него будет болеть голова, немного можно дать. Но очень немного, одну стопку. Легкий завтрак. Крепкий чай или кофе. Это для него. Для тебя душ обязательно. Ты свежая, благоухающая, чистая. Вместо халата надень его рубашку.

– Зачем мне носить мужскую рубашку? – не поняла Антонина. – У меня три халата, ты же знаешь.

– Я сказала – надень его рубашку, значит, надевай. На мужика действует, когда ты в его рубашке. Не знаю почему, но действует. И по себе знаю, и подружки рассказывали. Он становится смелее, когда ты в его одежде. А потом, за рубежом есть короткие комбинации, а у нас всегда до пят. А в мужской рубашке у тебя только попа прикрыта, все ноги на виду, и вообще это мужиков возбуждает.

– Не буду я его рубашку надевать, – заявила Антонина.

– Как хочешь! Если ты будешь в его рубашке, я даю девяносто процентов из ста, что у него получится... И вообще, или ты следуешь моим советам, или мучайся сама. Что тебе было сказано – не надевай трусики! Я подозреваю по тому, как он действовал, ты у него первая женщина. Конечно, он волновался, запутался в твоей рубахе и трусиках, и потом страх: получится, не получится – вот тебе и результат.

– Ладно, – согласилась Антонина. – Я надену его рубаху, а что дальше?

– Дальше, когда он позавтракает, ты так потянись, – Людмила показала, как надо потянуться. – Рубаха у тебя слегка задерется, не смущайся, говори, что плохо выпалась, и иди ложись.

Катерина не выдержала и рассмеялась.

– Что смешного? – спросила Людмила.

– Ты объясняешь так подробно, как я учу девчонок на станках работать, – с трудом сдерживаясь, ответила Катерина.

– А мужик – тот же станок, – снисходительно пояснила Людмила. – Нисколько не сложнее, может быть, даже проще. Надо только знать, на какие кнопки нажимать, это как у собак Павлова – все на рефлексах.

– Ладно, – спохватилась Антонина, – я побегу. А то вдруг проснется, что он подумает? Что я сбежала?

– Беги, – разрешила Людмила.

И тут Антонина вспомнила.

– А мне же утром на работе надо быть!

– Про работу забудь! – заявила Людмила. – Куй железо, пока горячо. Мы девчонок предупредим, чтобы они сказали прорабу, что вас завтра не будет. Вам же положено три дня на свадьбу.

– Положено после регистрации брака, – возразила разумная Антонина, – а мы только заявление подали.

– Что, у тебя будут проверять: есть у тебя штамп в паспорте или нет его? Не уволят! И так рабочих не хватает.

Рабочих на стройке действительно не хватало, и пьющие мужики иногда по три дня не выходили, им прощали, особенно хорошим работникам. Это Антонина и сама знала.

До дома Николая ей пришлось идти пешком, автобусы уже не ходили. Она почти бежала, и через двадцать минут была в своей новой квартире. Открывая дверь, похвалила себя, что не забыла взять ключи.

Николай по-прежнему спал на столе. Она попыталась его разбудить, но ей не удалось. Тогда она, взвалив на себя, дотащила его до тахты и уложила. Он лежал перед ней, раскинув руки, в одних трусах. Ей вдруг захотелось приподнять резинку его трусов и посмотреть, что у него там и почему не получилось. Но, представив, что вдруг Николай проснется и удивленно посмотрит на нее, она осторожно прикрыла его простыней и легла рядом. От пережитого она уснула почти мгновенно, но проснулась, как обычно, в начале седьмого. Подумала, не пойти ли на работу, но, вспомнив советы Людмилы, все-таки осталась. Приняла душ, протерла пыль с мебели, постирала майку Николая, приготовила завтрак, сняла халат и надела рубашку Николая. Потом вошла в спальню и встретила с его испуганным взглядом. Он глянул на будильник.

- Мы опоздаем на работу!
- Я предупредила, что нас не будет, – заявила Антонина.
- А как же? – не понял Николай.
- Завтра разберемся. Иди в душ и прими контрастный.
- Что это?
- То холодный, то горячий. Быстрее протрезвешь.
- Я совсем трезвый.
- Будешь еще трезвее.

Николай с удивлением увидел на ней свою рубашку, но ничего не сказал и пошел в душ. Антонина слышала, как он охнул, пустив то ли горячую, то ли холодную воду. Слушается, с удовольствием подумала Антонина. После душа она позвала его завтракать. Николай проверил бутылки. Водки не было. Антонина налила ему шампанского. Он выпил, набросился на еду, потом выпил остатки крепкого чая, закурил. Антонина ходила от стола к плите, все время чувствуя его взгляд.

– Извини, так напился, что ничего не помню.

– Давай договоримся, – предложила Антонина, – больше пить так не будешь. И вообще, если не хочешь, чтобы дети у нас родились уродами, никогда не пей, когда ложишься со мной. Только если чуть-чуть, – добавила она, вспомнив слова Людмилы, что малые дозы алкоголя возбуждают мужчину.

Теперь надо выполнить последний совет Людмилы, подумала она. Потянулась и сказала:

– Извини, я плохо спала. Пошла досыпать.

Она сбросила его рубашку, легла, укрылась простыней и почти уже стала засыпать, когда почувствовала, что Николай лег рядом. Его рука прошла по ее груди, спустилась ниже. Раз она спала, значит ничего не чувствовала, и продолжала лежать неподвижно, слыша его учащенное дыхание. Ей очень хотелось посмотреть на его лицо, но она ведь спала.

И вдруг она поняла, что он входит в нее. Несколько секунд у него что-то не получалось, она почувствовала легкую боль, ей показалось, что его надо остановить, потому что теперь она была заполнена им. Она даже испугалась, что у нее сейчас все разорвется внутри, но Николай отступил, ей стало легче и приятнее, она удивилась, что он так легко входит и выходит из нее и ей это приятно. Он поцеловал ее, и она, забыв, что спит, обняла его, тоже поцеловала. И когда Николай заспешил и сразу вдруг затих, Антонина поняла, что все произошло и теперь она женщина, а Николай мужчина и что теперь они муж и жена.

Это было еще несколько раз. Они вставали, ели, ложились снова и снова вставали. Уже вечером Антонина, усталая – так она не уставала, даже отработав две смены, – попросила Николая:

– Я больше не могу. У нас еще будет и завтра, и послезавтра, и всю жизнь.

– Еще раз, я тебя прошу, только еще один разок, – умолял он ее.

И она уступила. Это был уже двенадцатый или тринадцатый раз. Она решила, что пусть будет двенадцать, тринадцать – несчастливое число.

На следующий день Николая за прогул оставили на вторую смену, и она, уже пройдя половину дороги, поняла, что идет в общежитие, а не в свой новый дом. Посижу у девчонок, решила она, Николай все равно вернется после полуночи.

Все было как всегда. Людмила лежала, задрав ноги на спинку кровати, Катерина читала. И Катерина, и Людмила встретили ее молча, ни о чем не спрашивая.

– Да все в порядке! – Антонина рассмеялась. – Просто Николая за вчерашний прогул заслали во вторую смену.

– Значит, все хорошо? – осторожно спросила Катерина.

– Все хорошо, – улыбнулась Антонина.

– В итоге, сколько раз он тебя трахнул? – поинтересовалась Людмила.

Это слово Людмила узнала на закрытом просмотре в Доме кино, куда ходила с Еровшиным. Переводчик назвал это не матерным словом, не полуматерными: влывдил, шпокнул, а именно – трахнул. И хотя Антонина впервые слышала это выражение, она поняла.

– Двенадцать.

– Да-а, – протянула Людмила и села.

– Это плохо? – забеспокоилась Антонина.

– Ты врешь! Зачем ты врешь? Такого не бывает. – Людмила была категоричной.

– Это было, – несколько растерялась Антонина. – Не сразу, конечно, а за весь день и еще вечер, – призналась она.

– Невероятно! Он гигант! Он чемпион! – почти выкрикивала Людмила. – Это рекорд! Его надо занести в книгу рекордов Выставки достижений народного хозяйства. А по времени сколько, если сложить все вместе?

– На время я не смотрела, – призналась Антонина.

– Теперь я понимаю пословицу: счастливые часов не наблюдают. Но это невероятно.

– А сколько раз обычно бывает? – спросила Антонина.

– Я, конечно, не главный эксперт Советского Союза по этому вопросу, но самое большее у меня было – четыре раза, и то между третьим и четвертым разом он часа три отдыхал.

– А у тебя? – спросила Антонина Катерину.

– Я тебя поздравляю! Я за тебя счастлива, – уклонилась от ответа Катерина.

Спустя много лет она вспомнила этот рассказ Антонины. Уже став директором комбината, Катерина приехала в Прагу закупать оборудование для комбината на заводе, производившем оборудование для химкомбинатов. Она встретила там своего старого приятеля, Иржи Новака, который когда-то стажировался в цехе, где она была начальником. Теперь Иржи работал главным инженером. Это было накануне событий 1968 года, Прага бурлила, заводы почти не работали. Они с Иржи закрылись в его квартире, набрав еды, и не выходили весь день и всю ночь. Утром он сказал:

– Невероятно! Я отработал девять смен. Это, наверное, рекорд Европы, а может быть, и мира.

– Рекорд – двенадцать. – И Катерина рассказала о случае с Антониной.

– Ты должна познакомить меня с этим половым гигантом, если он существует.

– Он существует, – подтвердила Катерина. – У них уже двое детей. Я тебя познакомлю, когда ты будешь в Москве.

Иржи не приехал в Москву. Катерину срочно отозвали из Праги. На следующий день после возвращения в Москву она утром включила радио и узнала, что наши войска вошли в Чехословакию. Через полгода в Москву приехал их общий с Иржи знакомый и сказал, что Иржи в Праге нет. Одни говорили, что его застрелили, когда он переходил австрийскую границу, другие уверяли, что его видели в Мюнхене.

Глава 7

Катерина позвонила Изабелле, и та сообщила, что Рудольф звонил один раз. Катерина перестала даже ездить в центр Москвы, боясь случайной встречи с Рудольфом. У нее еще оставалось время до конца августа. Что-то должно было придуматься, но ничего не придумывалось, и она уже решила, что в начале сентября позвонит Рудольфу и все расскажет. А пока она ходила в соседний кинотеатр «Нева», который недавно открылся. Их фабрика находилась недалеко от Ленинградского шоссе, и улицы, прилегающие к шоссе, назывались Флотская, Кронштадтская, Беломорская, большой универсам – «Ленинград». В субботу и воскресенье они с Людмилой шли на пляж в конце квартала, рядом с мостом через канал, загорали, начинались даже какие-то знакомства, но ничего серьезного не завязывалось.

Прошел месяц, и на воскресенье назначили свадьбу Антонины и Николая. Готовились всю неделю. Анна Никитична, мать Николая, сварила холодец, когда разлили его по мискам, оказалось ровно двадцать.

– Куда столько-то? – поразилась Людмила.

– А гостей сколько? – ответила Анна Никитична рассудительно. – Пятьдесят пять приглашенных, да еще соседи набегут. На семьдесят, не меньше, надо прикидывать.

Николай с отцом в субботу привезли на машине два ящика водки, три ящика пива, в двух ведрах стояла брага, в двух ведрах развели морс из клюквы, которую прислала мать Антонины. Ночью женщины делали салаты: «Столичный», под майонезом, салат «Оливье», из капусты, салаты из свежих малосольных огурцов, из помидоров, каждого не меньше чем по ведру. Резали сыр, колбасу, ветчину, готовили заливное из окуня и трески. Катерина стояла у плиты и жарила котлеты сразу на четырех сковородах.

– Сто, – вымолвила она наконец.

– Еще сковородки четыре, – сказала Анна Никитична. – Всегда на второй день догуливают.

На одной плите не управлялись, у соседей жарили кур в духовке.

Ушли в общежитие поздно. Свадьба, назначенная на двенадцать, естественно, задержалась. Столы, стулья, посуду одолжили у соседей. Столы шли через обе комнаты, один стоял в прихожей, почти упираясь во входную дверь. Одной лестничной площадки для мужчин оказалось мало, курили на третьем этаже и на пятом, распахнув окна. Наконец все расставили, и все уселись. Во главе стола сели Николай и Антонина, рядом с ними отец и мать Николая. Мать Антонины не приехала, прислала поздравительную телеграмму и сто рублей. Антонина про эти сто рублей ничего не сказала. Сняв свои сбережения со сберегательной книжки, приложив эти сто и заняв у Людмилы триста, предложила Анне Никитичне тысячу рублей на свадьбу. Та отказалась брать, уже было решено, что молодые будут строить кооперативную квартиру, вот и деньги на первый взнос.

Катерина рассматривала гостей и родственников. Все были люди простые: родственники из колхоза под Тамбовом, слесари, таксисты из таксопарка, сослуживцы родителей Николая, рабочие с автозавода, где они раньше работали. Катерина смотрела на эти прочные лица, крупные рабочие руки и думала, как повезло Антонине. Она такая же, и все здесь на равных. Конечно, Антонина не имела своей жилплощади, но испокон века муж брал жену в свой дом, и это всем казалось нормальным.

Как и во всякой компании, нашелся разбитой парень, который знал, как вести стол, за кого выпивать. Вначале за молодых, потом за родителей, потом за родственников ближайших, потом более дальних, за друзей, за соседей.

Людмила, Гурин и Катерина сидели вместе. Гурина узнали, подходили, просили выпить. Он пригубливал, но желающих выпить с ним было много, и рюмку его все наполняли и наполняли.

– Охолопись, – предупредила его Людмила. – Завтра у тебя тренировка. И двух минут не выдержишь!

– Выдержу! – бодро заверил Гурин. – Выдержим все, и широкую, ясную грудь дорогу проложим себе.

– Да, да, – подтвердила Людмила. – Жаль только, жить в эту пору прекрасную уж не придется ни мне, ни тебе.

– Придется, придется, – заверил ее Гурин и полез целоваться к Людмиле и почему-то к Катерине. Оттого что всю ночь готовили и не выспались, Катерина захмелела. Людмила заметила, что Катерина выискивает на столе соленые огурцы и квашеную капусту.

– И давно тебя на соленькое потянуло? – спросила она.

– Недавно. Сама удивляюсь, никогда соленого не любила, – призналась Катерина.

– Менструация была? – допрашивала шепотом Людмила, чтобы не привлекать внимания к их разговору.

– Нет. Задержка, – ответила Катерина и успокоила: – У меня это бывает. Смещение на два-три дня.

– А сместилось недели на две?

– Да, – призналась Катерина.

– Что будем делать? – спросила Людмила.

– Ты думаешь... – И Катерина не договорила этого страшного слова.

– Я уверена, – подтвердила Людмила. – Надо принять решение.

– Какое?

– Их всего два: или аборт, или замужество. Для первого аборта у тебя остался минимальный срок. В любом случае надо с ним говорить.

– С кем? – не поняла Катерина.

– С отцом ребенка.

– С Рудиком?

– Это тебе знать.

– Другого у меня не было. И что я ему скажу?

– Про все сразу и скажешь.

– И что обманула его? И что беременна? Я запуталась и завралась.

– Ничего, распутайся. Рассказываешь ему все. Побурчит, конечно, но, если любит, женится.

– А если не женится? – спросила Катерина. – Потому что не сможет простить обмана?

– Значит, не любит. Кого любят, прощают. Правильно, дорогой? – обратилась Людмила к Гурину. – Или ничего не говори, обманывай и тяни дальше. Зарегистрируетесь, а потом признаешься, – продолжала она.

– Не хочу начинать семью с обмана!

– Не будет обмана – не будет алиментов. С паршивого козла хоть шерсти клок.

Антонина, увидев озабоченные лица подруг, пробралась к ним, по нескольким фразам все поняла.

– Девчонки! Дело-то серьезное!

В комнате, где остался Николай, его друзья кричали:

– Горько!

– Горько! – теперь уже требовала вся свадьба.

Антонина глянула на Николая, тот звал ее во главу стола. Антонина жестом почти приказала, чтобы он пробирался к ним. Николай пробрался с трудом. Его проход комментировали:

- Она должна к тебе идти, а не ты к ней!
- Будешь подкаблучником!
- Да убоится жена мужа своего.

Николай, не обращая внимания на реплики, добрался до подруг и спросил:

- Что случилось?

Но свадьба скандировала:

- Горько!
- Горько!

Николай и Антонина поцеловались. Им поаплодировали и тут же затянули песню: «По Дону гуляет, по Дону гуляет, по Дону гуляет казак молодой!!»

Людмила быстро пересказала Николаю создавшуюся ситуацию. Пока он был для них единственный мужчина, с которым можно посоветоваться, Гурин был не в счет: он уже сидел в обнимку с новыми друзьями и за что-то пил. Он держался довольно долго, но, чтобы не подумали, что он зазнается, решил не отказываться, все-таки замуж выходила подруга его будущей жены.

Николай все выслушал и поддержал решение подруг.

– Значит, действуем поэтапно. Вначале к врачу, потом звонишь этому козлу и все рассказываешь.

- А может, он не козел, – вставила Антонина.
- В этом мы убедимся в ближайшее время, – подвел итог Николай.

Но убедиться Катерине пришлось уже на следующий день. Еще до обеденного перерыва на территорию фабрики въехал автобус ПТС – передвижной телевизионной станции и два рафика с операторами, осветителями, звукооператорами, режиссером, ассистентами и дикторшей, которую тут же все узнали. Из-за нее едва не остановилась работа в цехе. Всем хотелось посмотреть на живую дикторшу, которую видели только на экране телевизора. Оказалось, что в жизни она меньше ростом, чем на экране, и на ней чешские туфли, которые были почти у всех работниц цеха. В универсаме недавно появились такие туфли, и Леднев разрешил сделать обеденный перерыв раньше, чтобы его женщины купили туфли, пока в универсам не ринется вся фабрика. Леднев отгонял работниц от окон, объясняя:

– Снимать будут у нас в цехе. Это решение уже принято. Все увидите. И сами попадете в телевизор. У кого грязные или заношенные спецовки, пойдите к кладовщице, там для вас приготовлены новые.

Катерина всего этого не знала и не видела: она получала новые реле на складе. А уже выкатывались телекамеры, похожие на средних размеров пушки, сходство увеличивали длинные насадки объективов. Уже расставляли в цехе камеры.

Катерина погрузила реле на автокар, выехала во двор и увидела ПТС, осветителей, которые вместе с фабричными электриками тянули кабель.

То, что эти люди с телевидения, Катерина поняла сразу. Вряд ли среди них Рудольф, подумала она, зачем же ее так наказывать! На телестудии десятки телеоператоров, а Рудольф никогда не рассказывал, что он выезжал на заводы и фабрики.

На всякий случай она оставила автокар за углом и вошла в цех, стараясь пройти незаметно. Но ее заметили и сразу закричали:

- Катерина! Тебя разыскивает Леднев, даже на склад за тобой посылали!

Катерина забеспокоилась, но все-таки прошла к Ледневу в его кабинет, который больше напоминал застекленную кабину, но зато оттуда Леднев мог видеть почти весь цех.

У Леднева сидела красивая женщина средних лет. Катерине даже показалось, что она видела ее, когда была на «Голубом огоньке».

– Вот она! – обрадовался Леднев. – Героиня наших дней! Начинала штамповщицей, сейчас бригадир слесарей-наладчиков, и мы планируем назначить ее начальником участка. У нее инженерное мышление, она далеко пойдет. А это – режиссер телевидения, – представил женщину Леднев.

Режиссер осмотрела ее. В бесцеремонности ее разглядывания не было даже интереса. Катерину разглядывали как нечто неодушевленное, она сама так обычно рассматривала станок, прикидывая, с чего начать ремонт.

– Заменить косынку, – приказала режиссер. – Расстегнуть ворот кофточки! – И сама быстро и ловко расстегнула. – Ну-ка, пройдишь! – скомандовала она. Катерина сделала несколько шагов. – Ножки ничего... Подберите ей халатик покороче!

– Я в комбинезоне работаю, – возразила Катерина.

– Поработаешь в халате, – сказала режиссер.

– Не поработаю, – возразила Катерина. – Зачем людей смешить!

– Дайте ей комбинезон. – Вероятно, у режиссера не было времени, она поглядывала на часы. – Только не балахон! Чтобы задницу обтянуть и грудь!

– Я не буду сниматься, – заявила Катерина.

– Будешь, – ответила режиссер. – Не я это решала. Это твое начальство уже все обговорило и с профсоюзом, и с комсомолом.

В кабинет заглянул телеоператор, которого Катерина видела на киностудии:

– Куда тройку ставить?

– На вторую линию. Там у них дефицит идет. Значит, так, – подвела итог режиссер. – Тройку на вторую линию. Панорама по моей команде по всей линии. Потом остановка по моей команде, – она обернулась к Ледневу, тот закивал. – Имитируем поломку. Выходит она, – режиссер кивнула на Катерину. – Кто у нас на второй?

– Рачков.

– Он ее держит на общем, берет ее проход поаппетитней: ножки, бедра, зритель это любит. Потом с третьей я ее возьму крупно. – Режиссер посмотрела на Катерину. – Скажешь несколько слов.

– Я не знаю, что говорить. – Катерина даже не испугалась. Она искала выход, понимая, что Рудольф не должен ее увидеть.

Как только телевизионщики уедут с фабрики, она позвонит ему, они встретятся вечером у памятника Пушкину, и она все ему расскажет.

– Я не знаю, что говорить, – повторила Катерина. – Я двух слов связать не могу.

– А тебе и говорить не надо, – возразила режиссер. – Тебя спросят, а ты ответишь.

– А что спросят?

– Ну, например, нравится ли тебе здесь работать? – уже раздражилась режиссер.

– А мне не нравится, – ответила Катерина.

– А чего работаешь?

– Потому что место в общежитии дали.

– Ну, решайте сами. – Режиссер повернулась к Ледневу. – Не мне, вам отвечать. Я выдам в эфир все, что она скажет, но что потом скажут вам, не знаю. – И режиссер вышла из кабинета.

Тут Катерина впервые увидела растерянного Леднева.

– Мне больше некого предложить. – Голос у него дрожал. – И директор твою кандидатуру утвердил, и партком. Двадцать минут всего осталось до начала. Я тебя прошу. И дикторше уже дали твою фамилию и вопросы по твоей биографии. Если б они на пленку снимали, можно было бы отключить, поискать другую, а это сразу в эфир, на все телевизоры, вот и в программе указано. – Леднев протянул ей газету с программой передач на неделю.

Катерина взяла газету, но строчки почему-то двоились, и она поняла, что сейчас заплачет. А ей уже принесли комбинезон, потребовали, чтобы Леднев отвернулся. Она не была верую-

щей, не знала ни одной молитвы, ее не крестили в церкви, отец был членом партии, и даже когда хоронили деда, отец не вошел вместе со всеми в церковь, а стоял у изгороди и курил. А потом с куполов церкви сняли кресты и превратили церковь в кинотеатр. И все же иногда Катерина просила Бога, чтобы не наделать в сочинении ошибок и получить хорошую отметку на выпускных экзаменах, еще раз она просила Бога, чтобы Витька Воротников, самый лучший спортсмен из их школы, влюбился в нее – она была влюблена в него с третьего класса. Боже, попросила она сейчас, сделай так, чтобы меня не снимали, чтобы меня не увидел и не узнал Рудольф, я никогда и никого больше не буду обманывать, я пойду в церковь и поставлю свечку.

В кабинет заглянула девушка, вероятно недавняя десятиклассница:

– Я помощник режиссера. Вам надо порепетировать с диктором. Идемте!

– Я сейчас приду. – Катерина собралась уйти.

– Ты куда? – Леднев встал у двери.

– В туалет.

Леднев колебался, но причина была уважительная, он отступил от двери и попросил:

– Только быстренько!

– Это долго не делается.

Катерина зашла в туалет, накинула крючок и вдруг услышала, что возле двери негромко, почти шепотом, переговариваются. Значит, Леднев на всякий случай послал за ней девчонок, чтобы она не сбежала.

Катерина посмотрела вверх. Окно маленькое, забранное толстым матовым стеклом. Не пролезу, даже если выбью, трезво прикинула Катерина. Неужели нет выхода? Ведь она читала и видела в кино, как убегают даже из тюрем, как делают подкопы. Но подкопа здесь не сделаешь, пол был залит цементом, на подкоп уходят месяцы, а у нее оставались минуты. И тут в дверь застучали.

– Кать, выходи! Срочно требуют. Очень срочно!

И Катерина вышла. Ее подвели к режиссеру. Та осмотрела Катерину и приказала:

– Сними косынку!

– Не положено по технике безопасности, – отрезала Катерина.

Режиссер глянула на часы.

– На репетицию не остается времени. Ведите ее на вторую линию. – И полезла в автобус, где находился пульт.

Катерина дошла до второй линии, остановилась там, где ей показал помощник режиссера. Увидела камеру и за ней Рудольфа. Он надел наушники и прильнул к камере. Развернулся круг, на котором были объективы. Катерина увидела, как Рудольф посмотрел на нее поверх камеры, увидела его настороженное лицо и поняла, что он узнал ее. Теперь терять было уже нечего. Как будет, так и будет, решила она и сразу успокоилась.

Она сделала все, как ее просили. Прошла между станками, обернулась, заметила красную лампочку над камерой Рудольфа. Значит, ее снимали. Линия заготовок вдруг остановилась, и Катерина дальше не пошла, как и было договорено, достала из сумки ключи. К ней шла, улыбаясь, дикторша.

Рудольф подкатил камеру ближе к ним, и на его камере снова зажглась красная лампочка. Теперь дикторша стояла рядом с ней, улыбалась, но улыбалась не ей, а камере, и смотрела не в ее глаза, а выше.

– Это Катя Тихомирова, – начала она. – Единственная девушка в цехе, которая работает наладчиком, а недавно стала бригадиром наладчиков. Вы сами могли убедиться, какие сложные станки на фабрике. Так вот Катя может определить и исправить любую неполадку. Катя, почему вы выбрали эту профессию?

Катерина не видела лица Рудольфа за камерой, но была почти уверена, что он посмеивается. Она помнила, как он ей рассказывал, какую чушь несут передовики производства, при-

глашенные на студию, как они заучивали заранее написанные тексты. По-видимому, она затягивала ответ, потому что дикторша, улыбаясь, переспросила:

– Так почему именно эту профессию вы выбрали?

– Я не выбирала, – ответила Катерина. – Так получилось. У нас постоянно ломаются станки – они старые, изношенные. А наладчики – или мальчики из ПТУ, которые еще ничего не знают, или пьянь, которая уже ничего не может. Вначале я ремонтировала и налаживала свой станок, потом стала помогать другим.

– Но вы ведь сознательно выбрали именно эту фабрику? – спросила дикторша.

Катерина почувствовала, что дикторша чем-то озабочена, хотя по-прежнему улыбается.

– Случайно, – ответила Катерина. – Вернее, по необходимости. На фабрике были места в общежитии, а мне негде было жить.

– А вы не москвичка?

– Я из Псковской области, – ответила Катерина и добавила: – В общем, лимита.

Красная кнопка на камере Рудольфа погасла, и загорелась лампочка на другой камере.

Дикторша выдохнула. Режиссер давала ей передышку, чтобы сориентироваться. Интересно явно шло не по намеченному плану. Дикторша глянула быстро в листок с вопросами, спрятала его, и на камере Рудольфа зажглась красная лампочка.

– Значит, вам не нравится просто механическая работа? – снова бодро улыбаясь, спросила дикторша. – Вы хотите работать творчески. И вы сознательно выбрали этот труд.

– Никакой сознательности не было! Попросил Михалыч, это начальник нашего цеха товарищ Леднев, и я согласилась. В зарплате я проиграла, на штамповке больше получала. Вообще-то, это непорядок! За квалифицированную работу надо больше платить.

Это было уже совсем не запланировано, и дикторша поспешила задать последний вопрос:

– Катя, а какая ваша мечта? Вы, наверное, собираетесь учиться дальше, чтобы вернуться на свой родной завод инженером?

– У нас фабрика, – поправила дикторшу Катерина. – Вряд ли я сюда вернусь. В этом году я уже во второй раз провалилась на экзаменах в химико-технологический институт. В следующем году буду поступать в третий раз.

– Удачи вам, Катя! – улыбнулась дикторша.

– И вам удачи, – пожелала Катерина. – Вы ведь недавно на телевидении, с полгода, мы все смотрим телевидение и каждого нового диктора запоминаем.

Дикторша не готова была к такому повороту, тем более у камеры Рачкова стояла помощник режиссера и описывала круги – закругляйся, мол. Так на смущенной улыбке дикторши и закончилась передача.

И уже никто не обращал внимания на Катерину. Теперь быстро выйти из цеха, подумала она, и подождать, когда все уедут. И уже никогда не позвонит Рудольф, и она не осмелится позвонить ему. И вряд ли они когда-нибудь встретятся: в многомиллионной Москве, когда живут в разных районах, вероятность встречи – незначительная.

Рудольф зачехлял камеру и не смотрел в ее сторону. И она решила. Подошла к нему и сказала:

– Здравствуй!

– Привет, – ответил Рачков. – Интересная у нас с тобой встреча получилась.

– И вправду интересная, – согласилась Катерина.

– А ты, оказывается, героиня!

– Тебя в этом что-то не устраивает?

– Нет, я даже польщен.

– Рудольф, грузимся, – крикнули ему.

– Ну что ж, пока! – сказал бодро Рачков. – Куда же теперь тебе звонить?

– Туда же, куда и звонил, – ответила Катерина.

– Но ведь, насколько я понимаю, этот телефон – липа!

– Это нормальный телефон, – ответила Катерина, – если ты позвонишь, мне передадут.

Рудольф катил камеру к автобусу. Он ни разу не оглянулся, и Катерина вдруг поняла: все закончилось, он никогда не позвонит.

Потом к ней подошел Леднев. Он пожал ей руку и сказал:

– Спасибо. Ты всех выручила.

Прибежали девчонки из бухгалтерии, которые смотрели передачу по телевизору. Они говорили, что Катерина была красивой, даже красивей дикторши. Вдруг все затихли. В цех вошел директор фабрики. Он подошел к ней, улыбнулся и сказал:

– Молодец! По-человечески отвечала!

Заметил ее отстраненность:

– Революновалась?

– Да вроде нет...

– Наверное, все-таки было, – предположил директор. – Я, когда выступаю на всяких собраниях, все равно волнуюсь, хотя сколько у меня этих собраний было, может, сотни уже. – Он полуобнял ее за плечи и сказал: – Пойдем на воздух. Тебе надо успокоиться.

Они вышли из цеха, и все смотрели на них.

– На той неделе мы тебя переведем в мастера. Месяца за два освоишь нормы, заполнение нарядов, а к зиме поставим на участок. Карьеру сделаешь. А закончишь институт, директором станешь, вместо меня.

– А вы куда? – улыбнулась Катерина.

– Мне место найдется. А ты подумай хорошенько. Почему обязательно химия? Поступай в политехнический. Там у меня есть связи. Пройдешь вне конкурса, с производства все-таки. – Директор остановился, посмотрел на нее и спросил: – Что-то у тебя все-таки случилось?

– У меня все нормально, – бодро ответила Катерина.

– Если что, обращайся прямо ко мне. Смоленские всегда выручали псковичей.

Катерина смотрела на коренастого, длиннорукого, с мощной грудью директора, и ей вдруг захотелось уткнуться в эту грудь и поплакать, поэтому она поспешно добавила:

– Спасибо. До свиданья, – и бросилась в цех.

В цехе была подсобка, где хранили ветошь. Она забралась в самый угол подсобки, поплакала, услышала, что остановился транспортер, по которому подавали заготовки, вытерла слезы, подождала: а вдруг заработает, но, по-видимому, это была поломка. И она вышла из подсобки.

Еще несколько дней в общежитии говорили о ее показе по телевизору, потом это забылось. Она звонила Тихомировым, Изабелла понимала, что ее интересуется, и, не ожидая вопроса, говорила:

– Не звонил.

В сентябре Катерина приехала к ним помыть окна: Изабелла боялась смотреть вниз с пятнадцатого этажа.

– Позвони сама, – посоветовала Изабелла.

– Не хочется, – ответила Катерина.

– Значит, это не любовь!

Катерина никому не рассказывала о встрече с Рудольфом на фабрике, кроме Людмилы. Людмила даже ахнула, выслушав ее, и больше никогда не заговаривала о Рудольфе. Они подали с Гуриным заявление в загс, их, узнав Гурина, хотели зарегистрировать сразу, но Людмила отказалась: пусть все будет по закону. Если надо ждать полтора месяца, она подождет. Катерина видела, что Людмила оттягивает свое замужество, хотя активно занималась продажей кофточек и поясов, которые Гурин привез из Чехословакии.

Людмила завела книжку в сберкассе и даже стала откладывать деньги из зарплаты, чего раньше никогда не делала. Надежда на то, что спортивный клуб выбьет Гурина квартиру, оста-

вალა, он уже заявил, что женится, и познакомил Людмилу с тренером. Людмила подсчитала, что они заплатят за квартиру, которую будут снимать в ожидании государственной, больше денег, чем нужно для первого взноса в кооператив. Теперь Людмила искала строительный кооператив поближе к центру, но такие пока не находились. Участки под кооперативное строительство домов выделяли на окраинах. Иногда Людмила уезжала в общежитие к Гурину, и иногда Гурин приезжал к ней. Тогда Катерина шла гулять. Она кружила вокруг общежития, поглядывая на окна их комнаты. Теперь они жили вдвоем (Антонина прописалась у родителей Николая). Людмила подарила чешскую кофточку комендантше общежития, и к ним никого не подсажали. Иногда Катерина ходила и по два часа, иногда Людмила включала свет уже через двадцать минут. Катерина возвращалась, Гурин и Людмила, уже одетые, сидели за столом и пили чай с тортом, Гурин всегда приносил торт. Людмила несколько раз напоминала Катерине, что надо решать: или делать аборт, или оставлять ребенка. О ребенке Катерина даже думать не хотела, аборта боялась. Акушерка, которая делала аборт Людмиле, вышла замуж за слушателя Военной академии имени Фрунзе и уехала с ним в Хабаровск. Катерина надеялась, что все как-нибудь образуется, но Людмила как-то вечером, подсчитав срок беременности, ахнула и на следующий день повела ее в районную поликлинику к гинекологу.

Катерина впервые в жизни села на гинекологическое кресло, стыдясь неестественной позы и полной своей незащитности. Хорошо, что гинеколог оказалась женщиной. Она осмотрела Катерину, прощупала ее живот и сказала:

– Пока все хорошо. Никаких отклонений от нормы.

– Мне нужен аборт, – взмолилась Катерина.

– Поздно, милочка, уже десять недель.

– Мне нужен аборт, – настаивала Катерина. – У меня нет другого выхода.

– Выход один, – сказала врач, – рожать. Пусть зайдет ко мне отец ребенка.

– Я не знаю, кто отец, – ответила Катерина.

– Я думаю, что у тебя не больше трех претендентов, – усмехнулась врач. – Я могу поговорить со всеми тремя по очереди и врачебную тайну гарантирую.

Перед кабинетом гинеколога сидели будущие матери. Многие из них были с мужьями. Сидели спокойные, умиротворенные молодые женщины, гордо выставив свои округлившиеся животы.

– Ну что? – спросила Людмила, когда они вышли из поликлиники.

– Ничего сделать нельзя. Уже десять недель.

– Надо же так влипнуть! – И Людмила закурила, чего никогда не делала на улице.

– Дай и мне сигарету, – попросила Катерина.

– Тебе вредно.

– Мне все вредно. Дай сигарету!

Катерина закурила, глубоко затянулась, не закашлялась, у нее не закружилась голова. Я совсем взрослая, подумала она.

– Надо звонить Рудольфу, – решила Людмила.

– Зачем? – спросила Катерина.

– На некоторых мужиков это действует. Его ребенок. А вдруг мальчик?

– На него ничего не подействует, – ответила Катерина. – Он мне не простит обмана. Да я про него уже и забыла.

– Вспомнишь! Откажется, так пусть хоть участие примет.

– Какое?

– Может, у него есть знакомые врачи. Может быть, врачи есть у его матери, аборт-то она тоже делала. В конце концов, пусть даст денег. Придется абортиться у частного врача, они дорого берут, последний аборт мне почти месячной зарплаты стоил.

– Ну уж денег я у него просить не буду, – заявила Катерина.

– Почему просить, требовать надо! – возразила Людмила.

Она еще не раз возвращалась к этому разговору. Людмила нашла гинеколога в другой поликлинике, но и здесь Катерине отказали, и она позвонила Рачкову. Его подзвали к телефону.

– Надо встретиться, – попросила Катерина.

– Зачем?

– Надо поговорить.

– О чем? Мне все ясно.

– Зато мне не ясно, – разозлилась Катерина. – Я беременна. Уже десять недель.

Рудольф помолчал, потом ответил:

– В ближайшее время я не смогу встретиться. Некогда. У меня передачи. Перед съездом мы теперь работаем каждый день.

Вчера вечером они с Людмилой проиграли варианты возможных ответов Рудольфа и пришли к выводу, что он наверняка откажется от встречи.

– Тогда скажи ему, что ты сама приедешь на телевидение, – сказала Людмила.

– А как я туда попаду? Там же пропускная система. Он мне не выпишет пропуск.

– Скажешь ему, что, кроме него, у тебя на телевидении появились и другие знакомые. Он с тобой испугается встречаться на телевидении. А вдруг ты закатаешь скандал? Все, кто служит в военных, идеологических и партийных организациях, больше всего боятся скандалов.

– А ты откуда знаешь? – удивилась Катерина.

– Если говорю, то знаю, – ответила Людмила.

Рудольф молчал, ожидая ответа Катерины, и тогда она решилась:

– Если тебе некогда, я сама приеду на телевидение.

– Это каким же образом? Телевидение – режимное предприятие.

– У меня появились знакомые на телевидении, кроме тебя, они выпишут мне пропуск. – И, не дав Рудольфу времени на обдумывание ответа, Катерина добавила: – Раз ты теперь работаешь каждый день, я приеду завтра.

– Подожди, – заволновался Рудольф. – Завтра мне нужно быть на Суворовском бульваре в Доме журналистов.

– Значит, встретимся в Доме журналистов, – предложила Катерина.

– Не в Доме журналистов, а на Суворовском бульваре, – раздраженно поправил Рудольф. – Ровно в пять напротив Дома журналистов.

Катерина вспомнила, как Людмила убеждала ее соглашаться на все, пусть даже Рудольф назначит встречу в Подольске, главное – не дать ему увильнуть.

– Хорошо, в пять, – согласилась Катерина.

Вечером они с Людмилой обсуждали варианты предстоящей встречи.

– В каждой встрече, – рассуждала Людмила, – должна быть главная цель. Он должен простить тебя, хотя за что прощать-то? Ты тихая, скромная, ты запуталась, тебе нужна помощь, тебе нужен совет, тебе надо принять решение, и ты не знаешь, что делать.

– Я и вправду не знаю, что делать, – призналась Катерина.

– Так вот, он это должен понять. В нем должен проснуться инстинкт мужчины, защитника. И в этой ситуации главное – не пережать, никаких угроз и ультиматумов. Как только мужику ставишь ультиматум, ты сразу загоняешь его в угол, и, как всякий загнанный в угол, он становится зверем. И тогда для него главное – вырваться и забыть этот кошмар. Поэтому никакого напора, надо сыграть растерянность.

– Мне и играть ничего не надо, – сказала Катерина. – Я не то что в растерянности, я в прострации. Я как будто в ловушке, из которой нет выхода.

– Выход есть всегда! – Людмила была категоричной. – Правда, тебе не очень повезло. Если бы он был партийным или советским работником или каким-нибудь начальником, которому есть что терять, тогда бы его можно было обложить: письмо на работу, письмо в партком.

– Чего ты несешь-то? Какие письма? Разве жалобы что изменят?

– Изменяют, и еще как! Половина браков держится на страхе. Но Рудольфа пугать нечем. Он обслуга. Ну вынесут ему выговор. И то вряд ли. Скорее – осуждение на словах.

– Я, пожалуй, не пойду, – решила Катерина.

– Нет, пойдешь! – потребовала Людмила. – Из него надо хотя бы выбить, чтобы он нашел врача и дал деньги на аборт.

– Деньги я не возьму.

– Я возьму, – заявила Людмила. – А теперь спать! Завтра ты должна хорошо выглядеть.

На следующий день Катерина ушла с работы раньше. Она задумалась: что же надеть, но вспомнила, что встреча будет на бульваре, а пальто у нее единственное. Хотя вдруг он предложит пойти в кафе? Катерина надела юбку и впервые почувствовала свой увеличивающийся живот: молния на юбке едва сошлась.

Она доехала на метро до Арбатской площади и направилась к Суворовскому бульвару. На бульваре сидели старики и старухи. Одни старики играли в домино, другие, окружив их, следили за игрой. Двое шахматистов играли не торопясь, подолгу обдумывая каждый ход, им спешить было некуда.

Старик, дед, а может быть, и прадед, учил ходить крохотную девочку. Девочка шла, падала, смеялась, и старик, улыбаясь, поднимал ее и снова направлял по аллее. А кто будет гулять с моим ребенком, подумала Катерина и поняла, что гулять, кроме нее, некому, и даже мать не сможет приехать помочь, потому что ее негде поселить.

Рудольф сидел на скамейке и курил. По его тусклому взгляду она поняла, что и разговора не получится, и рассчитывать на его помощь нечего. Она поздоровалась. Он кивнул, даже не посмотрев на нее, закурил новую папиросу.

Катерина, тоже не глядя на него, рассказала о своих походах по врачам, которые отказались делать аборт.

– А что я могу сделать? – занервничал Рудольф.

– Поговори с матерью, – попросила Катерина. – Может быть, у нее есть знакомые врачи, которые согласятся сделать аборт.

– Еще чего! Не хватало еще сюда мать впутывать.

– Что же мне делать? – спросила Катерина.

– Надо было об этом раньше думать, – раздраженно ответил Рудольф.

– Тебе тоже надо было раньше думать.

– Знаешь что! – Рачков повернулся к ней. – Не надо из меня делать отрицательного героя производственной пьесы. Она – передовая работница, а подлец ее обманывает и бросает. У нас другая ситуация. Это не я обманул, а меня обманули.

– Прости меня, – попросила Катерина. – Я тебя никогда и ни в чем больше не обману.

– Нет, – заявил Рачков, – женщина, которая обманула один раз, обманет и в следующий. Я думаю, может быть, вообще никакого ребенка нет и ты затеяла новую авантюру, чтобы я на тебе женился. Знаешь что, давай договоримся. Что было, то было. Мы ошиблись оба. Давай расстанемся друзьями. Я на тебя зла не держу, хотя ты этого и заслуживаешь.

– Хорошо, – согласилась Катерина. – Наверное, ты прав. Я это заслужила. Я прошу только об одном – помоги найти врача. Ты же москвич, у вас больше возможностей и знакомых больше...

– При чем тут знакомые? – возмутился Рачков. – Это все не по знакомству, а по закону делается. Сходи в поликлинику на фабрике, объясни ситуацию. Они обязаны следить за здоровьем трудящихся. У нас, кстати, самое лучшее медицинское обслуживание в мире. – Рач-

ков посмотрел на часы. – Извини, я на передачу опаздываю. – Он встал, похлопал Катерину по плечу. – Ничего, все обойдется, ты будь понастойчивее с врачами. А меня в это дело не впутывай!

Он поправил кепку и пошел. Отойдя несколько шагов, вдруг побежал к троллейбусной остановке, может быть радуясь, что все так закончилось и ему ничего решать не надо, все решат за него другие: врачи, Катерина... В конце концов, все женщины делают аборт.

Катерина осталась одна. Отошел троллейбус, в котором уехал Рачков. Мимо проходили пары: пожилые, видимо прожившие вместе всю жизнь; совсем юные, вероятно вчерашние школьники. Должен же быть выход, должен, думала она. Но все возможности, которые были у Людмилы, они испробовали, оставалась последняя: если не помогут, то хоть посоветуют. И Катерина из телефона-автомата позвонила академику. Телефон был занят. Изабелла говорила подолгу. Катерина прошлась по бульвару, врачи говорили, что ей надо больше гулять, хотя зачем гулять, если ребенка все равно не будет? Наконец ей повезло, трубку сняла Изабелла.

– Мне надо посоветоваться, – попросила Катерина.

– Приезжай в воскресенье, – ответила Изабелла.

– Я бы хотела приехать сейчас.

– Что-нибудь случилось?

– Случилось. Я беременна.

– Сколько? – спросила Изабелла.

– Двенадцать недель.

– Приезжай, – сказала Изабелла.

То, что Изабелла рассказала академику о ее беременности, Катерина поняла, как только она вошла. Академик глянул на нее и отвел глаза.

– Я нужен? – спросил он.

– Пока не нужен, – ответила Изабелла.

И академик ушел в свой кабинет поспешнее, чем обычно, как показалось Катерине.

Они сели на кухне. Изабелла разлила чай, и Катерина рассказала ей все о посещении врачей и о последнем разговоре с Рудольфом.

– Сволочь! – выругалась Изабелла. – Все они такие! Всегда расплачиваемся мы.

Изабелла достала записную книжку и набрала номер телефона:

– Берта, надо показаться. Не мне. Я уже отыгралась. Сама определишь. Хорошо. – Она положила трубку и сказала Катерине: – Едем!

Они на троллейбусе доехали до Крымской площади, переулком вышли к старому четырехэтажному дому. Им открыла дверь пожилая женщина в белом халате.

– Посидите на кухне, – попросила она.

Проходя мимо комнаты, через полуприкрытую дверь Катерина увидела на столе полную женщину с раздвинутыми ногами и рядом с ней еще одну женщину – в белом халате.

Они прошли на кухню. Изабелла закурила.

– Как вошла, так сердце заколотилось от страха, – произнесла Изабелла. – Если бы ты знала, сколько баб прошло через эту квартиру!

– И ты тоже?

– Пять раз.

– Пять абортотв?

– Всего семь, – усмехнулась Изабелла. – Так что не бойся! Пятнадцать минут неприятных ощущений – и через неделю все забудешь, а через месяц можешь начинать все сначала.

Катерина услышала стон.

– Не ори! – Голос у женщины был прокуренный и старый.

– Что, прямо сейчас и мне? – испугалась Катерина.

– Сейчас и тебе. Тянуть дальше некуда.

Катерина услышала, как тот же прокуренный голос сказал:

– Дай ей нашатырю. Очень уж чувствительной стала!

Потом они слышали приглушенные голоса в передней, хлопнула дверь, и на кухню вышла седая старуха в белом халате.

– Простыни захватила? – обратилась она к Изабелле.

Изабелла вынула из сумки простыни, коробку конфет, флакон духов.

– Пошли, – позвала старуха Катерину.

Большой обеденный стол застелили простыней.

– Раздевайся, – сказала старуха.

Катерина разделась. Это был уже третий осмотр за последние две недели – он закончился неожиданно быстро.

– Слезай, – скомандовала старуха, – одевайся!

– Сегодня не будешь? – спросила ее Изабелла.

– Ставь чай, – приказала старуха Изабелле.

Они сидели за тем же столом, на котором только что лежала Катерина, со стола сняли простыни и застелили скатертью. Старуха принесла водку в графинчике. Они выпили с Изабеллой из серебряных рюмок, закурили, старуха – папиросу «Беломорканал», Изабелла – сигарету с фильтром.

Катерина впервые видела Изабеллу такой робкой: она молчала, не задавала вопросов, ожидая, что скажет старуха.

– Двенадцать недель, – наконец проговорила старуха.

– Я знаю, – подтвердила Изабелла.

– Если знала, зачем привела?

– Берточка, ты же все можешь.

– Это надо уже в клинике делать, это уже операция.

– Может быть, рискнешь?

– Нет, – заявила старуха. – Плод большой. Может быть кровотечение. Рожать ей надо.

– У нее нет мужа.

– У многих нет мужей. Рожают же. Расскажи все родителям, должны понять.

– У нее родители далеко, – стала объяснять Изабелла.

– В домработницах у тебя, что ли? – спросила старуха.

– Да нет, знакомая...

И Катерина поняла, что на помощь Изабеллы она может не рассчитывать.

– Учишься, работаешь? – обратилась старуха к Катерине.

– Работаю.

– Где?

– На фабрике.

– Рожай, – предложила старуха. – Беременных не увольняют, это раз. Потом отдашь в ясли, потом в детский сад на пятидневку, а потом, глядишь, и замуж выйдешь, легче будет.

– Она в общежитии живет, – добавила Изабелла.

– Ну и что? – спросила Берта. – С ребенком не выгонят. Профсоюз, комсомол защитят. А еще лучше – в партию вступи. Партийные своих берегут, а ты вступи, чтобы сберечь будущего ребенка.

– Фи, Берта, – поморщилась Изабелла.

– Я правду говорю, – сказала Берта. – Судя по всему, ей ждать помощи не от кого. Так что, милочка, надейся на себя, не пропадешь! И ребенка вырастишь. У советской власти есть все же кое-какие преимущества. А когда этот подлец увидит ребенка, подростка, прелестного, может быть, он вернется. Я таких случаев знаю много.

– Не нужен он мне, – призналась Катерина.

– Правильно, – поддержала Изабелла. – Предателей не прощают!

– А ты поглупела, Изабелла, – усмехнулась старуха. – Какое это предательство – нормальная трусость. Когда тебя мужики бросали, ты же не считала их предателями. Ну не повезло, говорила. И находила следующего. Как академик-то?

– Нормально. – Изабеллу этот разговор не устраивал. Она открыла сумку и достала кошелек.

– Ничего не надо, – отказалась Берта. – Если бы я за разговоры деньги брала, миллионером давно бы стала.

– Все-таки консультация!

– Перестань, – оборвала ее Берта. – А твою проблему может решить комиссия при райотделе здравоохранения. Если очень будешь настаивать, сделают они тебе операцию, куда денутся. Но не советую. В больницах конвейер, а после такого рода аборт на всю жизнь можешь остаться бесплодной. Не рискуй!

Изабелла поймала такси. Она доехала до своего дома на площади Восстания и, выходя из такси, сунула Катерине деньги, сторублевую купюру.

– Поезжай на такси, – сказала она Катерине. – Сегодня тебе досталось. – И захлопнула дверцу.

Шофер довез ее до общежития, ворча, отсчитал сдачу. Людмила ждала Катерину и сразу набросилась с расспросами.

– Потом расскажу. – Катерина легла и укрылась пледом.

– Ну хотя бы суть! – попросила Людмила.

– Он сказал, что у нас лучшее здравоохранение в мире.

– Поняла. Надо звонить Изабелле, – решила Людмила.

– Уже.

– И что?

– Ничего. Дала сто рублей.

На следующий день Катерина в обеденный перерыв зашла в медчасть фабрики. Она все рассказала врачу, недавней выпускнице мединститута. После работы врач с Катериной поехали в женскую консультацию. Снова были уговоры. Катерина настаивала. Ее обещали направить на комиссию при райздравотделе, но шли дни, а ее все не направляли.

Катерина приходила с работы, ужинала и ложилась. Она лежала, отвернувшись к стене, засыпала, просыпалась и снова засыпала. Однажды Людмила многозначительно сказала:

– Я кое-что предприняла.

Катерина не стала ее расспрашивать. А поздно вечером в дверь их комнаты решительно и громко постучали, вошла мать Рачкова. Она осмотрела комнату, ее взгляд остановился на Катерине:

– Так, значит, здесь живет дочь академика Тихомирова?

– Садитесь. – Катерина вдруг забыла ее имя и отчество. – Раздевайтесь.

Рачкова села, не снимая пальто.

– У меня с Рудиком был серьезный и откровенный разговор. – Она сделала паузу. Катерина подумала, а вдруг сейчас все переменится, мать скажет, чтобы она собирала вещи и ехала с ней. Но Рачкова, выдержав паузу, произнесла: – Рудик тебя не любит. Было, возможно, увлечение, кто в молодости не увлекался!.. А эта история с дочерьми академика, квартирой в высотном доме – противно все. – Рачкова поморщилась. – Интеллигентные люди так не поступают... Если ты нуждаешься в помощи, я могу тебе помочь. У меня есть знакомые в институте акушерства и гинекологии. Тебя туда примут, необходимо, конечно, направление поликлиники. Вот фамилия директора института. И последнее: я прошу больше не звонить мне со всякими дешевыми угрозами.

– Я не звонила, – сказала Катерина.

– Тогда, значит, по вашей просьбе звонят ваши подруги!

– Я никого не просила.

И тут на середину комнаты вышла Людмила.

– Да, это звонила я, – заявила она. – Не исключено, что я буду не только звонить, но и писать в организации, где работаете вы и ваш сын. Зло должно быть и будет наказано, – почти патетически закончила Людмила.

– А вы, по-видимому, Людмила? – Рачкова повернулась к Людмиле. – Специалистка по психиатрии, которая работает на шестом хлебозаводе формовщицей?

– Да, это я, – ответила Людмила с вызовом. – И что?

– Ничего. Просто я всю эту историю расскажу знакомым журналистам. Может получиться очень интересный фельетон о завоевательницах Москвы.

– Какие мы завоевательницы? – возразила Людмила. – Мы честно работаем!

– Вот и поработайте! – отрезала Рачкова. – И поживите лет по десять в общежитиях, я лично свое пожила в коммунальных квартирах.

– Сейчас не те времена! – вскинулась Людмила.

– Времена всегда одинаковые, – оборвала ее Рачкова. – Прежде чем получить, надо заслужить, заработать, как заработала я! – теперь уже почти кричала Рачкова. – И ни вас, ни вашего ребенка в моей квартире не будет. Здесь вам это не пройдет, вы не получите ни метра!

– Простите, – произнесла Катерина, – но мне ничего не надо. Спасибо, что дали адрес института. Я обещаю, что больше никогда и ни о чем вас просить не буду.

Рачкова встала, раскрыла ридикюль и достала конверт.

– Понимая ваше трудное положение, могу вам немного помочь деньгами...

– Спасибо, – отказалась Катерина. – Я сама хорошо зарабатываю.

– Тогда до свидания. – Рачкова вдруг почувствовала неуместность сказанного – до какого свидания, они же не собираются больше видеться. Конверт с деньгами она все еще держала в руке...

– Привет, – сказала за Катерину Людмила, и Рачкова, положив деньги в сумочку, молча вышла из комнаты.

Людмила тут же набросилась на Катерину:

– Что, решила проявить благородство? Со жлобами надо поступать по-жлобски!

– Зачем? К тому же она права. Почему они должны менять жизнь из-за того, что появилась я?

– А почему ты должна растить и воспитывать ребенка одна? – возмутилась Людмила.

– Ребенка не будет, – ответила Катерина.

Теперь почти каждый день они с врачом ездили в поликлинику, в комиссию при районном отделе здравоохранения. Ее уговаривали не делать аборта, она не соглашалась, ее просили подумать несколько дней, она ждала эти несколько дней, снова заходила в медчасть фабрики.

Однажды к Катерине подошел Леднев:

– Тебя вызывает директор.

– Зачем? Я что-то не то сделала?

Ее совсем недавно назначили мастером, теперь она заполняла наряды, распределяла работы. Дело оказалось совсем не сложным – Катерина разобралась в несколько дней, удивляясь, зачем инженеров после института иногда заставляют по два года работать в этой должности – все можно освоить за две недели.

– Не знаю, – ответил Леднев. – Лично позвонил и сказал: пусть Катерина зайдет ко мне. Я ее жду.

Секретарь директора, как только Катерина вошла, через переговорное устройство сообщила:

– Тихомирова пришла.

Катерина услышала голос директора:

– Пусть заходит!

В приемной сидело человек восемь: из бухгалтерии, из отдела главного механика, снабженцы, заведующий фабричной столовой. Кто-то облегченно вздохнул: видимо, была его очередь.

Директор вышел из-за стола, пожал Катерине руку, и они сели в кресла за журнальным столиком в углу кабинета. Секретарь принесла два стакана чая с ломтиками лимона, вазочку с сушками.

– Очень хочется пить.

Катерина взяла стакан. Сушки с маком были соблазнительны и оказались вкусными. Катерина пила сладкий, горячий чай, и директор пил чай и молчал. После цеха в кабинете было тепло, Катерина подумала, что хорошо бы в это удобное мягкое кресло забраться с ногами и подремать. И она решила, что когда-нибудь, когда у нее будет своя квартира, она обязательно купит такие же мягкие кресла.

– Извините. – Катерина поставила стакан. – Вы же меня позвали не чайку попить.

– Именно чайку, – улыбнулся директор. – Почему два человека не могут сесть и попить чаю?

– Ладно, – согласилась Катерина. – Но у вас в приемной восемь человек ждут.

– Подождут, – отмахнулся директор. – Из них только два по делу, остальные так...

– А разве к директору приходят просто так? – удивилась Катерина.

– Конечно, – подтвердил директор. – Некоторые, чтобы показать, что они незаменимые, что они решают очень важные проблемы, хотя их проблемы решаются в пять минут и без помощи директора. Некоторые для самоутверждения, чтобы сказать в цехе, что он был у директора и вообще может запросто заходить к директору. Это ты поймешь, когда сама станешь директором.

– Я не собираюсь становиться директором. – Катерина даже рассмеялась от абсурдности такого предположения.

– А это от тебя даже не зависит, это запрограммировано твоим характером. Как теперь модно говорить, ты – лидер. Тебе нравится работать, ты быстро во всем разбираешься, у тебя есть инженерное мышление, и, главное, ты не скандальна. За год ты ни с кем не испортила отношений в цехе.

– Откуда вы знаете? – удивилась Катерина.

– Знаю, потому что запомнил тебя. Кстати, спасибо за поздравительную открытку. Мне было приятно. Так что хочешь ты или не хочешь, тебя будут выталкивать наверх, потому что каждому вышестоящему начальнику важно, чтобы он был спокоен за нижестоящие участки работы. И так будет до тех пор, пока ты не начнешь претендовать на место директора.

– Я не буду, – пообещала Катерина.

– Будешь, – сказал директор. – Это же интересно – руководить большим производством, сотнями людей. Должность директора среднего предприятия, как наше, толковый инженер занимает лет через пятнадцать, так что к сорока ты станешь довольно крупным руководителем, если вступишь в партию.

Катерина не удержалась и рассмеялась, вспомнив разговор с акушеркой Бертой.

– Ты чего? – не понял директор. – Это ведь нормально. Такие правила игры. Так принято, что начальник участка еще может быть беспартийный, а начальник цеха уже не может.

– Поэтому в партию и лезут в основном проходимцы и бездельники. Зачем мне быть среди них? – Катерине вдруг стал надоедать разговор: к ее жизни рассуждения директора не имели отношения.

– Ну, не все в партии проходимцы и бездельники, – вздохнул директор.

– Ладно, не все, – согласилась Катерина. – Половина!

Директор молча ее рассматривал, наверное размышляя, стоит ли она откровенности, потом решился:

– Мой отец врач. Сельский врач в поселковой больнице. Когда мне на фабрике предложили вступить в партию, я решил посоветоваться с отцом. И он сказал: мы живем в стране, где существует эпидемия чумы. И чтобы выжить и чего-то добиться, нужна прививка от чумы. Вступай! И рассматривай это как прививку от чумы. Можно, конечно, выжить и чего-то добиться и без прививки, но тогда шансы невелики.

У Катерины от этой откровенности вдруг защемило сердце. Она пыталась осмыслить услышанное, а директор вполне по-деловому закончил:

– Если надумаешь, одну рекомендацию тебе дам я, вторую – Леднев, а третью получишь от комсомольской организации. И по поводу твоего аборта... Не делай! Рожай! Был бы этот мурак наш, фабричный, я бы сказал ребятам, его бы пару раз отлупили, может, подумал бы, но, насколько я знаю, он не из наших. Твоя товарка вроде замуж собирается? Я скажу, чтобы к тебе никого не подсаляли. После родов тебе два месяца по закону положено, если понадобится, продлим.

Когда директор заговорил о ее беременности, Катерина хотела его оборвать – нечего лезть в чужую личную жизнь, но что-то удерживало ее, все эти дни ей не с кем было посоветоваться: Людмила и Антонина не в счет, они ждали ее решения.

– А на что я буду жить? – поинтересовалась Катерина.

– Поможем, – ответил директор. – Профсоюз подбросит. Я из директорского фонда, потом в ясли отдашь. Можно и на пятидневку.

– В ясли очередь.

– Я уже сказал, чтобы тебя в эту очередь поставили.

– Я учиться хочу.

– Трудно будет, но возможно. Не одна ты такая. Знаешь, сколько на фабрике женщин, которые сами воспитывают детей?

– Сколько?

– Двадцать шесть, правда, из них учатся только двое. Но ты же сильная, ты справишься.

На следующий день Катерина должна была снова идти в поликлинику на комиссию и не пошла. Почти двадцать лет спустя, когда она уже была директором комбината, а нынешний директор – заместителем министра, они обедали в ресторане гостиницы «Москва» в перерыве между заседаниями Моссовета, и Катерина спросила:

– Скажи, почему ты столько лет помогал мне?

– Потому что ты мне нравилась, – ответил он просто.

– Ты что – был в меня влюблен? – удивилась она.

– Да.

– А почему ты на мне не женился? Я бы, наверное, прожила более счастливую жизнь.

– Не рискнул, – признался он. – Старый я был для тебя.

– Разница-то всего в двадцать лет... Да сейчас еще не вечер...

– Это ты из чувства благодарности?

– Из чувства симпатии, – ответила Катерина. Она теперь легко вступала в романы, уже не надеясь встретить того единственного, за которого ей захотелось бы выйти замуж.

Но до этого разговора было еще почти двадцать лет.

Глава 8

Катерина каждый день ходила на работу, чувствуя новую жизнь внутри себя. Она слышала, как бьется сердце ее сына (она почему-то была уверена, что обязательно родит мальчика).

Когда она ушла в декретный отпуск, весна только-только начиналась. Она вставала рано, завтракала. В общежитии становилось тихо, все уходило на работу. Она надевала валенки и отправлялась гулять на канал: врачи советовали прогулки не меньше двух часов в день.

Ярко светило мартовское солнце. На льду канала сидели у лунок рыбаки. Она встречала молодых женщин, прогуливающих своих младенцев. Они вспоминали, как рожали, рассказывали о мужьях. Чтобы не вызывать жалости, Катерина говорила, что ее муж работает на телевидении оператором. Женщинам было интересно узнать о телецентре, о дикторах, и Катерина пересказывала то, что слышала от Рудольфа и сама видела на «Голубом огоньке». На канал она ходила только в будние дни, опасаясь встретить в воскресенье своих новых знакомых с мужьями. Ее звали в гости, она отказывалась, боясь завязывать более тесные знакомства: сходишь к ним в гости, надо звать к себе. Врать было противно, и она дала себе слово больше не выдумывать мужа.

Матери она писала редко: жива, здорова, работаю, когда ходила в музеи, писала о музеях. Мать тоже отвечала редко: жаловалась на отца – стал чаще пить, дважды просила прислать денег. Катерина высылала из премиальных. Теперь премий не было. Деньги, выплаченные за декретный отпуск, расходились быстро, и она начала экономить. Пришло письмо от матери. Она снова просила денег. Наверное, можно было занять и послать, но Катерина написала письмо, что беременна, больше выслать не может, ей самой предстоят траты. Мать молчала почти месяц, потом пришло деловое письмо – она звала Катерину в Красногородск: летом на молокозаводе набирают дополнительно работниц, и после родов она сможет выйти на работу. Мать считала это единственным выходом, деньгами она помочь не могла, а позор переживем вместе, писала мать. Катерина ответила, что не приедет, что она поступила в институт.

Еще осенью в цех зашел директор завода и объявил, что политехнический институт проводит дополнительный набор на вечернее отделение.

– Я буду поступать в химико-технологический, – ответила Катерина.

– Легче перевестись, чем поступить, – возразил директор и протянул записку с фамилией декана.

Катерина решила посоветоваться с академиком и позвонила ему.

Академик, как всегда, односложно ответил:

– Приезжай.

Она приехала. Изабелла была подчеркнута приветливой, пригласила поужинать. Академик выслушал Катерину и заметил:

– Директор прав. Поступай. Если поступишь, перевестись всегда можно. Целый год выиграешь. А с переводом я тебе помогу.

Академик расспрашивал, о чем пишет мать, какие новости в Красногородске.

– Зовет домой. Уже на молокозаводе договорилась о месте для меня.

– И что же ты?

– Не поеду, – ответила Катерина. – Буду выкручиваться здесь сама.

Академик молчал. Молчала и Изабелла, глядя в сторону.

– Мы понимаем твои трудности, – наконец произнес академик. – Конечно, после родов хотя бы первое время тебе надо пожить в нормальных условиях. У нас три комнаты, но, ты знаешь, я ведь в основном работаю дома, пишу книгу...

– Да я живу в нормальных условиях, – заверила академика Катерина. – У меня отдельная комната...

– Как отдельная? – не понял академик. – Ты разве не в общежитии?

– В общежитии, – подтвердила Катерина. – Но Антонина вышла замуж и переехала, Людмила тоже вышла замуж, и они снимают квартиру. Так что я теперь одна в комнате. И ко мне никого не подселяют.

– Это хорошо, – сказал академик. – Это хорошо, – повторил он и посмотрел на Изабеллу.

Катерина поняла, что они, по-видимому, обсуждали ее положение и, может быть, даже рассматривался вариант отказа в том случае, если Катерина после родов попросится пожить у них. И она еще раз отчетливо осознала, что ей придется рассчитывать только на себя.

Когда Катерина уходила, академик протянул ей деньги.

– Спасибо, у меня есть деньги.

– Бери, – грубовато посоветовала ей Изабелла, – не такие уж это большие деньги. Это он не для тебя дает, а для себя, чтобы совесть свою успокоить, все-таки помог родственнице, – усмехнулась она.

По ее виду Катерина поняла, что в их семейных отношениях появились какие-то сложности. В любой другой ситуации она никогда бы не взяла деньги у академика. Но теперь она почти не думала о самолюбии. Деньги ведь не для нее, а для будущего ребенка. Надо покупать коляску, одежду – пока она ничего не приобретала из суеверия.

Приехав в общежитие, Катерина пересчитала деньги академика. Триста рублей! Две ее зарплаты. Хорошие деньги!

Катерина сдала экзамены на вечернее отделение политехнического. Заполняя анкету, в графе «Семейное положение» написала: «Не замужем». Декан, просматривая анкету, глянул вопросительно на ее округлый живот.

– Не замужем, – подтвердила она и улыбнулась. Решив не врать, почувствовала себя спокойней и уверенней.

Директор по понедельникам обходил все цеха фабрики. В тот понедельник подошел к ней – он всегда заглядывал в закуток, где она заполняла наряды.

– Поздравляю с поступлением! Декан мне звонил. Ты ему понравилась. – Директор рассмехался. – Он почему-то подумал, что ты беременна от меня.

– Не он один так думает, – улыбнулась Катерина. – Вы лучше ко мне не подходите, когда бываете в цехе, а то все в некоторой растерянности: с чего бы это директор уделяет такое внимание простой работнице?

– Ну, не простой работнице, а мастеру, – возразил директор.

– И об этом тоже говорят, – заметила Катерина. – Неспроста Леднев ее так двигает, наверняка по поручению директора.

– А на самого Леднева не думают? – спросил директор.

– Он не по этому делу. У него в цехе никогда ни с одной работницей романа не было.

Про него не то чтобы говорить, про него даже подумать такое не могут.

– А про меня говорят? Ну и что же, кроме того, что ты беременна от меня?

– Говорят, – улыбнулась Катерина.

– И с кем же у меня сейчас роман?

– С технологом. С блондинкой.

– Ух ты! – удивился директор. – А я к ней в отдел ведь не захожу.

– Да на фабрике все про всех знают.

– Ладно, – пообещал директор, – усилю конспирацию. Как ты сама-то себя чувствуешь?

– Хорошо!

– Не бойся! Родишь нормально. У твоей бабки небось не меньше пяти было.

– Семеро.

– И ты на одном не остановишься.

– Вряд ли, – ответила Катерина. – Не больно-то сегодня мужики женятся на женщинах с детьми.

– Еще как женятся! – возразил директор. – Я сам женился на женщине с ребенком. А потом мы уже совместно двоих родили. Так что у меня трое сыновей.

– Ваша жена счастливая!

– Я тоже, – ответил директор.

Если счастливый, зачем же блондинка из отдела главного технолога, подумала Катерина, но, конечно, промолчала.

Теперь она на фабрику не ездила. По субботам приходила к Антонине и обычно оставалась обедать. Антонина тоже была беременна. Рожать ей предстояло через месяц после Катерины. На стройке она дорабатывала последние дни перед декретным отпуском.

К Людмиле Катерина ездила по воскресеньям. Людмила с Гуриным снимали квартиру рядом с метро «Сокол». Если Гурина не было дома, а он часто уезжал на загородную спортбазу именно на субботу и воскресенье, Людмила располагалась на тахте, брала спрятанные среди белья сигареты (при Гурине она не курила) и с удовольствием затягивалась.

В субботу Катерина, как обычно, позвонила Людмиле и договорилась, что приедет в воскресенье в три часа. Гурин был в отъезде. С утра Катерина отправилась в Третьяковскую галерею. Она использовала последние дни, понимая, что после родов долго еще не сможет ходить по театрам и музеям.

Она шла по залам галереи не торопясь, всматривалась в лица на картинах и поражалась их уверенности и умиротворенности. Она хотела побыть в Третьяковке до обеда, но быстро устала, несколько раз присаживалась отдыхать и решила уйти. Вспомнила командировочного из Брянска: если бы не сбежала тогда, может быть, ее жизнь была бы сейчас другой. А может быть, и с ним не получилось бы ничего, потому что и тогда она обманывала, а обман все равно раскрылся.

Катерина не торопясь доехала до центра, прошлась по улице Горького. Большинство магазинов были закрыты. Она прикинула, что, пока доберется до общежития, надо будет снова собираться и ехать к Людмиле. Тогда она решила приехать к Людмиле раньше – все равно Гурина нет, а Людмила даже обрадуется, потому что никогда не любила оставаться одна.

Катерина замерзла, пока шла от метро, и сейчас с удовольствием думала, как выпьет горячего чаю. Она нажала на кнопку звонка, но дверь не открывали. Она позвонила еще несколько раз и села на подоконник на лестничной площадке. Вышедшая из лифта женщина подозрительно ее осмотрела. Еще примет за воровку, подумала Катерина, и позвонит в милицию. Дом был ведомственный, Министерства обороны. Когда однажды Катерина заночевала у Людмилы и утром вышла из подъезда, ее поразило количество генералов – генералы с голубыми, зелеными, красными, черными околышками на фуражках, в брюках с красными лампасами, с золотым шитьем на погонах, садились в подъезжающие ЗИМы. Если эта женщина из генеральской квартиры, то милиция приедет быстро, подумала Катерина. Она решила позвонить еще раз и, если не откроют, ехать в общежитие. Но Людмила открыла дверь.

– Ты чего раньше времени? – спросила она.

– Так получилось, – начала объяснять Катерина. – Я в Третьяковке с утра была.

– Могла хотя бы позвонить, предупредить, – недовольно пробурчала Людмила.

И тут Катерина кое-что сообразила. Она почувствовала, что краснеет.

– Извини. – Катерина начала снова повязывать платок. – Я пойду, пожалуй.

– Да ладно, – усмехнулась Людмила. – Проходи!

Катерина разделась, надела тапочки и увидела пожилого седого мужчину. Он курил длинную сигарету с фильтром. Мужчина встал и улыбнулся:

– Здравствуйте, Катерина.

– Здравствуйте. Вы меня знаете?

– Конечно, – подтвердил мужчина. – А вы меня не знаете?

– Не знаю.

– Я Петр Петрович. Разве Людмила вам обо мне не рассказывала?

– Не рассказывала. – Катерина растерялась, пытаясь вспомнить, что ей могла рассказывать Людмила.

– Не рассказывала, не рассказывала, – рассмеялась Людмила. – Ты знаешь, что я не болтливая и государственных тайн не разглашаю.

– Молодец. – Еровшин подвинул Катерине стул. – Садитесь, Катя!

– Проголодалась? – спросила Людмила.

– Не очень, – ответила Катерина.

– Значит, очень. Сейчас разогрею мясо. Развлекай подругу! – И Людмила ушла на кухню.

Катерину поразило, что Людмила такого пожилого мужчину называет на «ты» и что одета она в легкий нейлоновый халат, под которым не было ни лифчика, ни трусиков.

Теперь Катерина рассмотрела сидящего перед ней мужчину. С такими она еще не встречалась. Ее поразил его костюм: темно-серый, в едва заметную коричневую полоску, темно-коричневый галстук, такого же цвета носки и светло-коричневые кожаные ботинки без шнурков на тонкой кожаной подошве. Как же он сейчас ходит в таких, подумала Катерина. Уже подтаивало, и по снегу, перемешанному с грязью, трудно было ходить, к тому же тротуары посыпали солью, и Катерина после каждого выхода из общежития вечером протирала и чистила зимние ботинки, на которых проступали соляные разводы.

– Я на машине, – сказал вдруг Еровшин. – Вы ведь подумали, как я хожу по такой слякоти?

И Катерина испугалась. Неужели он угадывает мысли?

Людмила принесла тушеное мясо, маслины, шпроты, зеленый горошек, мандарины и свежий огурец.

– Для тебя оставила, – сообщила она. – Тебе нужны свежие овощи.

Она достала початую бутылку вина.

– Тебе наливать?

– Не надо, – отказалась Катерина.

– Правильно, – сказал Еровшин. – Не надо. Сколько осталось, недели три?

– Четыре, – сказала Катерина.

– Замечательно! – обрадовался Еровшин. – Значит, маяться не будет.

– Почему? – не поняла Катерина.

– Родится в апреле. Говорят, что майские обычно маются. А я вас поздравляю с поступлением в институт.

– Это еще осенью было. Я уже зимнюю сессию сдаю.

– А вот Людмилу я не могу убедить, чтобы она пошла учиться. Она ведь очень способная.

– Я тоже так думаю, – призналась Катерина. – Она смогла бы стать и учителем, и врачом.

Она умеет убеждать.

– Абсолютно с вами согласен. У нее просто дьявольская убедительность.

– Это когда? – посмеиваясь, спросила Людмила. – Когда я одетая или когда раздетая?

– Всегда, – заверил ее Еровшин и поднялся. – Девочки, с вами замечательно, но у меня дела. – Он подошел к Катерине. – Катя, все будет хорошо. Ни о чем не беспокойся. Вокруг тебя так много друзей.

– Не так и много, – вздохнула Катерина.

– Много, – не согласился Еровшин. – Людмила, Антонина, Николай, Леднев, твой директор, я – это совсем не мало, я уж не говорю об академике и Изабелле. До свидания!

Людмила поцеловала его в щеку, Катерина протянула руку. В передней он надел длинное пальто с кушаком, серую кепку, улыбнулся им и вышел.

– Кто это? – не утерпела Катерина, как только за Еровшиным закрылась дверь.

– Любовник, – ответила Людмила.

– Как ты не боишься? – ужаснулась Катерина. – А если бы приехал Гурин?

– А почему он должен приехать? Он в Новосибирске. Они завтра прилетают.

– А если он взял билет на другой рейс?

– Им билеты берут сразу на всю команду.

– Ну а вдруг? Получил травму. Или отменили рейс. Все может ведь случиться.

– Может, – согласилась Людмила, – но сегодня воскресенье. Даже если бы прилетела вся команда, этот козел не домой бы поехал, а на ипподром.

– У вас что-то случилось?

– Случилось, – ответила Людмила. – В прошлый понедельник мы должны были внести первый взнос за квартиру – уже дом застраивают, я ездила смотреть. В конце Ленинского проспекта, тридцать восьмой квартал, по дороге во Внуково. В субботу сняли деньги со сберкнижки, а в воскресенье на ипподроме заезды. У него там поклонник работает. Гурин несколько раз выигрывал, не крупно, но и не по-мелкому. Шубу мне купил из цигейки. А здесь поставил немного, еще раз поставил остальные деньги – и все спустил. Я думаю, этого челябинского дурачка просто подставили. Я полгода откладывала каждый рубль. А вчера позволили: или мы вносим две тысячи, или выбываем из числа пайщиков.

– И что же теперь делать? – ужаснулась Катерина. – У меня есть триста рублей.

– Да ничего не надо делать. Позвонила, объяснила ситуацию, и он привез деньги. – Людмила достала стопку сотенных.

– А когда отдавать надо?

– Никогда, – ответила Людмила. – Это подарок. Но Гурина я, конечно, скажу, что заняла, пусть погорбатится.

– Надо отдать, – забеспокоилась Катерина. – Иначе ты попадешь от него в зависимость.

– В какую зависимость? – усмехнулась Людмила. – Я в этой зависимости уже больше двух лет. И эта зависимость мне нравится. Приятная зависимость, когда в тебе ценят женщину, когда тебя любят, когда исполняют все твои желания. Ты думаешь, откуда у меня все эти дорогие шмотки?

– Ты говорила – из комиссионных магазинов.

– А ты хоть раз смотрела на цены в комиссионках?

– Я только один раз была в таком магазине, – призналась Катерина.

– И что купила?

– Ничего.

– Вот именно! На деньги, которые мы с тобой зарабатываем, можно купить разве что платье фабрики «Большевичка». Чтобы купить хорошие туфли, я должна откладывать деньги полгода.

– Но так живут все, – возразила Катерина.

– Как видишь, не все.

– А кто он?

– А ты думаешь кто?

– Не знаю, – призналась Катерина. – Одет очень хорошо, со вкусом. Дипломат.

– Вроде этого, – неопределенно ответила Людмила.

– Но у тебя же семья! Молодой муж! А он старик.

– Не старик. Не старик, – повторила Людмила. – Если бы молодой Гурин был как этот старик. Гурин на своих тренировках так намудохается, что домой возвращается на полусогнутых. Поест и тут же засыпает.

– Вы же с ним в театры ходите!

– Он и в театре засыпает. Конечно, он хороший парень. Добрый, честный. Он же почти как киноартист. Все его узнают, автографы просят. Он доверчивый челябинский паренек. А Москва бьет с носка. Я ему говорила – не верь! Вот его и подсадили на ипподроме. Ладно! Все нормально. – Людмила налила себе вина, выпила, закурила. – В компаниях выпивать стал. Все предлагают – как же, знаменитость! А ему надо форму держать.

– Ты ему помогай.

– Кто бы мне помог! Ладно! Давай думать, где рожать будешь?

– Как где? – не поняла Катерина. – В больнице. Куда направят, там и рожу.

– Надо в хорошую больницу попасть. К хорошему врачу. Ты с Изабеллой не говорила?

– Она же не рожала.

– Как говорит только что вышедший товарищ, не обязательно быть курицей, чтобы определить вкус яичницы.

– А как ты его зовешь? – поинтересовалась Катерина. – По имени и отчеству?

– А никак, – рассмеялась Людмила. – Просто: пойди сюда, принеси то, отнеси се. Если бы все мужики были на него похожи!

– А замуж за него вышла бы?

– Конечно вышла бы. Но он никогда не бросит свою жену. Он говорит, что бросать женщин, когда они уже никому не нужны, – самое большое предательство, надо от них уходить, пока они молодые, или жить до конца дней своих.

– И ты с ним и дальше будешь встречаться?

– Наверное, буду, – ответила Людмила.

Катерина потом много раз вспоминала этот разговор. Она никак не могла поверить, что у Людмилы взрослый, даже старый любовник, об этом она читала только в книгах. И вообще, Людмила и Антонина жили взрослой жизнью, а она, уже беременная, и не ощущала, и не видела себя взрослой. И когда ей уступали место в автобусе, смущалась и удивлялась.

В последние дни марта два раза начинались боли, она спускалась к телефону, чтобы позвонить в «скорую помощь», но боли прекращались.

В воскресенье к ней приехали Людмила и Антонина. Схватки начались при них. Антонина побежала к телефону у вахтера. От волнения забыла свой номер – телефон им поставили всего месяц назад. Потом вспомнила. Трубку снял Николай.

– Катерина рожает. Срочно приезжай, надо в больницу везти! – скороговоркой прокричала Антонина.

Николай приехал через десять минут. Катерину свели по лестнице, поддерживая под руки.

– Да ладно вам, – рассмеялась Катерина, – ходить-то я еще могу.

Ближайший роддом находился недалеко от метро «Сокол». Улицы были по-воскресному пустынные. Николай гнал «москвич» на предельной скорости.

Катерина родила к вечеру.

– Девочка. – Врач шлепнула по попке, и девочка заплакала.

Роды Катерина перенесла довольно легко. Конечно, было больно, но она ожидала худшего.

Утром приехала Антонина. Вечером – Людмила с Гуриным и снова Антонина, уже с Николаем.

На следующий день соседка по палате позвала ее.

– Там подруга с твоим отцом. Покажи девку деду.

Катерина подошла к окну и увидела Людмилу и Еровшина. Еровшин передал большую коробку конфет. Ее, конечно, надо было бы отдать медсестрам, но конфеты в золотых и сереб-

ряных обертках казались такими вкусными, что палата из шести женщин расправилась с ней в несколько минут.

Женщины рассказывали о мужьях, одна рожала уже в третий раз, остальные – впервые. Катерина о себе ничего не рассказывала. Женщины, видимо, почувствовали неладное в ее жизни, и одна из них не выдержала:

– А кто из тех, кто приходит, твой мужик?

Катерина показала на Николая, понимая, что ему придется забирать ее из роддома. Все произошло, как она и предполагала. За ней приехали Николай, Антонина и Людмила. Она вышла с дочерью, упакованной в розовое одеяло.

Николай стоял с коробкой конфет и цветами. Антонина подтолкнула его. Он отдал акушерке цветы и конфеты и заспешил к машине.

– Папаша! – обратилась к нему акушерка. – Обычно ребенка из роддома несет отец. Мать свое дело сделала. Она родила.

Николай взял сверток с ребенком и понес на вытянутых руках.

– Надо было, чтобы ее кто-нибудь другой встречал, – ворчливо заметил Николай, передавая ребенка Людмиле.

– Это почему же? – спросила Людмила.

– Через месяц Антонине рожать. И в этом же роддоме. Еще подумают, что у меня гарем.

– Нашел о чем думать, – отмахнулась Людмила. – Сейчас радоваться надо. Девка у нас родилась. Гуляем!

Катерина не узнала свою комнату в общежитии. Вместо казенных занавесок подруги повесили ситцевые шторы в яркий горошек. И комната стала светлее. На журнальном столике, явно недавно покрашенном и покрытом лаком (запах лака еще чувствовался), стоял старый телевизор «Ленинград» со шторами, закрывающими экран.

– Откуда телевизор? – удивилась Катерина.

– Родня излишки передала, – ответил Николай. – Они новый купили, «Чайку».

– Богатеет советский народ, – прокомментировала Людмила. – Старый еще работает, а уже новый покупают. Экран больше, изображение лучше. Ничего, пока попользуешься старым, а со временем цветной купишь.

В углу комнаты стояла детская коляска, совсем новая, на рессорах, с литыми резиновыми шинами на колесах.

– Ну зачем же? – укоризненно произнесла Катерина. – Она такая дорогая!

– Все продумано, – успокоил ее Николай. – Потом коляска перейдет к нам, а потом, глядишь, и Людмила родит.

– Ну, это удовольствие я вам не скоро доставлю, – ответила Людмила.

Гурин внес в комнату ванночку для купания девочки и под общий смех поставил на стол ночной горшок.

Людмила убрала горшок, и они с Антониной начали накрывать на стол.

Девочку пора было кормить. Катерина расстегнула кофточку, мужчины тут же отвернулись.

– Деликатные, – заметила Людмила. – Как будто сиську боятся увидеть.

– Всем за стол! – скомандовал Николай.

Все расселись.

– У всех налито? – спросила Людмила и остановила руку Николая, который пытался налить водки Гурину. – Ему не положено. У него режим.

– За ребенка выпить – святое дело, – настаивал Николай.

– Людмила, нас не поймут, – протестовал Гурин. – Это особый случай, – и подставил рюмку.

- Предлагаю выпить за новую москвичку, – начал Николай. – Как ее называть-то?
- Александрой, – сказала Катерина, – как моего отца.
- Значит, за Александрю, – продолжал Николай. – А по отчеству как ее?

По наступившей тишине он понял неуместность вопроса, оглянулся на Антонину, надеясь, что она придет ему на помощь. Но Катерина ответила спокойно:

– Александровну.

– За Александрю Александровну Тихомирову, – обрадовался Николай. – За новую москвичку! Ура!

От криков Александра проснулась и заплакала, женщины начали укачивать ее, она снова уснула.

Гости засиделись за полночь и заторопились, чтобы успеть на метро. Антонина решила помочь Катерине вымыть посуду, но Катерина отказалась:

– Сама управлюсь. Мне надо привыкать.

Александрю невозможно было оставить одну. Она как будто чувствовала уход Катерины и начинала кричать, как бы тихо Катерина ни закрывала дверь. Приходилось укладывать ее в коляску. Теперь Катерина всюду таскала с собой коляску. Продавцы ее знали и отпускали продукты без очереди, а если очередь начинала возмущаться, кричали из-за прилавка:

– Женщина одна ребенка воспитывает! Вон у входа коляска стоит. Сами, что ли, не рожали?

И очередь затихала. Катерина при каждом таком скандале краснела, старалась не смотреть по сторонам, брала продукты и бежала к выходу. Однажды в газете «Вечерняя Москва» она прочитала, что украли ребенка из коляски. Теперь в магазин она входила с коляской, вставала в конец очереди, выставив перед собой коляску и подталкивая впереди стоящего. Возмущенный покупатель оборачивался, готовый устроить скандал, но, увидев коляску, пропускал. Так, слегка тараня очередь, она за несколько минут доходила до прилавка.

Катерина подолгу гуляла по берегу канала, возвращалась в общежитие, кормила Александрю, укладывала ее спать и садилась за учебники. Мать взяла отпуск и месяц прожила с ней. Катерина за этот месяц сдала летнюю сессию. Академик, как и обещал, устроил ей перевод на заочное отделение химико-технологического института. Катерина и мать съездили с Александрой к академику, который чувствовал себя немного виноватым перед родственниками. К концу вечера он вдруг объявил, что будет давать Катерине по тридцать рублей в месяц. Катерина отказалась.

– Бери, – Изабелла сунула Катерине конверт с деньгами. – Он гонорар за книгу получил.

Дома они с матерью пересчитали – триста шестьдесят рублей. Академик выдал помощь сразу на год вперед. Катерина деньги потратила с толком: купила себе сапоги из искусственной кожи, осеннее, вполне модное пальто джерси на поролоне, Александре теплый комбинезон на вырост.

Через месяц мать уехала, и Катерина осталась одна с Александрой. Закончился декретный отпуск. Как и обещал директор, отпуск ей продлили еще на месяц и деньги выплатили из директорского фонда. Закончился и этот месяц. Пора было выходить на работу.

Вечером тридцать первого августа она, как всегда, постирала пеленки, покормила Александрю и села за учебники – надо было сдать контрольные по трем предметам. Наутро Катерине предстояло впервые отвести Александрю в круглосуточные ясли на целых пять дней, а самой после декретного отпуска появиться в цехе.

Она всегда помнила этот день – тридцать первое августа. Много лет подряд это был последний день долгих летних каникул перед началом нового учебного года. Теперь она не ходила в школу и вдруг осознала, что жизнь ее определена на многие годы вперед и не будет никаких неожиданностей. Через четыре года она закончит институт, через семь лет отведет Александрю в школу, через десять получит постоянную московскую прописку и встанет в оче-

редь на получение квартиры. К этому времени она будет работать на одном из московских комбинатов или химических заводов инженером на сто рублей, потом – старшим инженером на сто шестьдесят рублей. Будут, конечно, еще премиальные. Откладывая деньги, она года через три накопит на телевизор. У подаренного ей телевизора «Ленинград» уже давно сторела электронная трубка, денег на новую не было, да и смотреть телевизор некогда, поэтому она поставила его на шкаф. Потом будет откладывать деньги на холодильник, вернее, сначала на холодильник, телевизор – потом, когда Александра подрастет и захочет смотреть детские передачи и мультфильмы.

Квартиру она получит в лучшем случае через двадцать лет. Потом надо будет копить деньги на мебель. Это тоже несколько лет. Боже мой, какая тоска! Но ведь именно так и будет, потому что чудес не бывает. Конечно, может быть, она выйдет замуж, как Антонина, за москвича с квартирой, но это маловероятно. Да и родители ее будущего малореального мужа вряд ли захотят, чтобы в их квартире поселилась женщина с ребенком. Москвичи сами жили в тесноте, в основном в коммунальных квартирах, и если получали отдельные, то защищали свои квартиры, как крепости, от любого вторжения, потому что понимали: сдав крепость пришельцам, они снова окажутся в коммуналках, из которых с таким трудом выбирались.

Она почти с ужасом подумала, что придется теперь каждый день считать деньги, экономя на всем, на чем можно сэкономить. Перелицовывать старое пальто, перешивать свои старые платья на Александру. В их цехе работает несколько матерей-одиночек – бедные и несчастные женщины. Они избегали скандалов – боялись лишиться премии, очереди на квартиру, места в пионерском лагере для своего ребенка. Их жалели, им помогали, но от этого они не становились ни счастливее, ни богаче.

Катерина уже много месяцев не плакала, не позволяла себе плакать. Но сейчас не выдержала, заплакала тихо, чтобы не разбудить Александру. Вытерев слезы, глянула на будильник. Шел второй час ночи. Спать оставалось меньше пяти часов. Она поставила будильник на шесть часов утра; в ясли она должна попасть к семи, а надо покормить Александру, поесть самой, проехать четыре остановки на автобусе. А потом, считая даже не минуты, а секунды, бежать на троллейбус, чтобы не опоздать на работу. Она перевела стрелку будильника на половину шестого.

И все-таки первое сентября – замечательный день, подумала Катерина. Утром она впервые отвезет Александру в ясли. Через семь лет, первого сентября, отведет ее в школу, а через семнадцать лет Александра уже сама пойдет в институт. Первое сентября в их семье всегда было праздником. Она шла в школу, а отец первого сентября начинал новую жизнь. Он вставал и поздравлял:

– С новым годом, девочки!

Катерина думала, что он поздравляет ее с новым учебным годом, но отец праздновал новый год два раза в году. Обычно с первого сентября он обещал бросить курить и пить – выбрасывал папиросы, надевал новый галстук, купленный специально к этому дню. В шкафу висело двенадцать галстуков, значит, он двенадцать раз начинал новую жизнь. Обычно без папирос выдерживал сутки, но чаще всего несколько часов, а выпивал через восемь дней. Теперь мать договорилась с бухгалтерией строительного-монтажного управления и в день зарплаты сама приходила и забирала деньги, выдавая отцу на бутылку портвейна.

И все-таки завтра праздник! Она наденет новое платье, купленное из денег академика, – строгое, темно-серое, с широким поясом. Пусть все увидят, что у нее все хорошо. Но, просчитав еще раз, сколько времени нужно на дорогу в ясли и оттуда до фабрики, Катерина поняла, что через проходную придется нестись бегом, а она должна прийти спокойно, не торопясь, быть в цехе хотя бы за пять минут до прихода работниц. Тогда у нее будет время переговорить с Ледневым, пока он не уйдет на планерку к директору. И Катерина перевела стрелку будильника на пять часов. Это в последний раз, решила она, завтра лягу спать не позже десяти и вообще

завтра начну новую жизнь. Надо обязательно запомнить этот день. И еще надо обдумать план новой жизни. Но ни о чем подумать она уже не успела, потому что уснула мгновенно.

20 лет спустя

Глава 9

Ей снилось, что в окно бьется шмель. Звук непрерывный, неприятный, упорный. Шмель не мог вылететь из комнаты и бился о стекло. Там, за стеклом, – свобода и простор, и шмель не понимал, что его усилия напрасны. Надо открыть окно, подумала Катерина и проснулась.

Она посмотрела на окно, надеясь, что шмель даст себе и ей передышку, ей не хотелось вставать, накануне она легла, как обычно, поздно, около двух. Она привыкла спать мало, добывая по минутам на заседаниях, в машине, если ее вез шофер. За годы недосыпания научилась отключаться мгновенно, ей хватало пяти-семи минут для подзарядки.

Шмель почему-то гудел совсем рядом, и она поняла наконец, что это новый электронный будильник, к звуку которого она еще не привыкла. Двадцать лет она пользовалась огромным будильником Орловского часового завода, не очень точным, он спешил на пять минут в сутки, это она всегда помнила, и этот запас в пять минут давал возможность не вскакивать мгновенно. Эти пять минут она ни о чем не думала, лежала в полудреме, потом садилась на кровать, опустив ноги на пол. Прохладный паркет снимал остатки сна, и она включалась в жизнь.

Катерина нащупала кнопку будильника, нажала, будильник замолчал. В Финляндии она видела приемники с таймером. Вместо звонка включалась музыка той радиостанции, которую слушаешь, засыпая. Ей очень хотелось купить этот радиобудильник, но командировочных денег, как всегда, не хватило, она купила колготки себе и кассеты для плеера Александре, кофточку себе, юбку Александре.

Наконец Катерина окончательно проснулась. Зарядку она не делала – за день по комбинату нахаживала несколько километров. В одной из зарубежных поездок ей подарили специальный приборчик, который прикреплялся к поясу и фиксировал каждый шаг. Она его, естественно, отдала Александре, но однажды все-таки прицепила к поясу юбки и забыла о нем. Вечером посмотрела на циферблат, перевела шаги в метры и выяснила, что за день по комбинату отшагала около десяти километров. Катерина прошла в ванную, надела полиэтиленовую шапочку – такие одноразовые шапочки в зарубежных отелях меняли каждый день, но бережливая Катерина пользовалась шапочкой, привезенной из поездки, долго.

Настроение у Катерины было хорошее – сегодня первое сентября, значит, сегодня Александра идет первый раз в институт. После школы она поступила не сразу, конкурс в медицинский институт был, как всегда, большой. Как и Катерина когда-то, Александра не прошла по конкурсу, полгода отработала санитаркой в больнице, потом Катерина устроила ее в регистратуру районной поликлиники. На следующий год Александра снова не поступила, но не сделала из этого трагедии. Те проблемы, которые Катерине пришлось когда-то решать самой, для Александры были решены. В их двухкомнатной квартире Катерина выделила дочери отдельную комнату, а сама жила в проходной, собственно, не жила, а только ночевала, работа на комбинате занимала почти все ее время.

Двадцать лет назад, первого сентября, Катерина после декретного отпуска вышла на работу. Всегда озабоченный Леднев сказал ей:

– Зайди к директору!

– Когда?

– Сейчас. Он уже звонил.

Директор встретил Катерину, улыбаясь:

– Хороша! Раздалась малость, правда.

– Через неделю войду в норму, – Катерина тоже улыбнулась директору.

Секретарша тут же принесла чай и сушки.

Они сели за столик в кресла, и директор положил перед ней лист бумаги. Она прочитала: это была рекомендация для вступления в партию.

– Я не хочу, – призналась она. – Стыдно.

– Объясняю, – начал директор. – Я хочу забрать Леднева к себе заместителем. Вместо него придет Киселева.

– Не надо, – попросила Катерина. – Она завалит.

– Правильно, – подтвердил директор. – Но других в цехе нет. А у нее все данные: с высшим образованием, инженер, член партии. Партком не утвердит беспартийную. Ты хочешь, чтобы тобой командовала дура? Да она и командовать не будет, просто ты за нее все будешь делать и получать в два раза меньше. На зарплату мастера ты не проживешь. У тебя дочь.

Катерина задумалась. Она для себя уже решила уйти из мастеров и перейти снова на пресс. Работницы зарабатывали больше инженеров.

С Киселевой у Катерины сразу не установились отношения. В цех они пришли одновременно, но Киселева после окончания института, а Катерина после средней школы. Киселева год отработала мастером, а когда Леднева назначили начальником цеха, она заняла его место. Медлительная, дородная Киселева нравилась мужчинам. В институте парни писали за нее курсовые. За нее вообще всегда работали другие. Дипломную работу ей сделал кандидат наук одного из научно-исследовательских институтов. Он подрабатывал на подготовке дипломных проектов, а родители Киселевой работали в торговле и могли заплатить.

– У меня нет высшего образования, – объяснила Катерина.

– Ты учишься в институте, – возразил директор.

И Катерина согласилась. Ей очень не хотелось работать за Киселеву, да и деньги были нужны. Партийное собрание было через неделю. Ее приняли в кандидаты партии. Никто не решился проголосовать против рекомендации директора. Катерину избрали комсоргом цеха. Теперь она ходила на партийные собрания фабрики, где в основном решались производственные вопросы, и довольно быстро разобралась во взаимодействии фабричных служб. Так же быстро она поняла, что на фабрике существуют две группировки: одна за директора, другая за главного инженера. Первые полгода Катерина молчала на собраниях, присматривалась и наконец выступила против начальника отдела снабжения, поддерживавшего главного инженера. Она сработала под наивную и молодую. Не оскорбляла, не возмущалась, не требовала, а пересказала разговоры работниц по поводу снабженцев, из-за которых простаивали станки. Начальник отдела снабжения сидел в президиуме, краснел и наконец, не выдержав, крикнул:

– Что вы мелете ерунду!

Катерина среагировала мгновенно:

– Я только сегодня мелю, а вы каждый день. Вам и на фабрике кличку дали – Емеля. Вы же знаете пословицу: мели, Емеля, твоя неделя.

Зал встретил ее выступление хохотом и аплодисментами.

– А еще у кого какие клички есть? – вкрадчиво спросил из президиума главный инженер.

Понимая, что в вопросе подвох, Катерина посмотрела на директора – тот едва заметным движением головы показал, чтобы она сходила с трибуны. Катерина и сама почувствовала, что лучше уйти сейчас, на смехе и аплодисментах. Но главный инженер остановил ее:

– Вы не ответили на мой вопрос!

– Про вас я скажу в следующий раз, – пообещала Катерина.

И в зале снова засмеялись.

– Я-то подожду до следующего раза, – усмехнулся главный инженер. – Но, может быть, вы скажете партийному собранию, какая кликуха у нашего парторга?

– А что такое кликуха? – не поняла Катерина.

– В уголовном мире так принято, – пояснил главный инженер. – Там называют не по фамилии, а по кликухе. По кличке, значит.

– Спасибо, – сказала Катерина. – Я этого не знала. Но у нас на фабрике уголовников нет. А вот Кирилловича, нашего парторга, на фабрике между собой зовут Рулевой.

– Почему? – удивился главный инженер.

– Как почему? – тоже удивилась Катерина. – На всех плакатах написано: «Партия – наш рулевой». Значит, парторг – рулевой.

Зал снова засмеялся. Она посмотрела на директора, он тоже смеялся. И Катерина спустилась в зал.

Катерина быстро разобралась в партийных правилах. Без согласования с парторгом директор не мог никого из членов партии ни назначить, ни уволить. И самого директора утвердили на бюро горкома, и только после решения горкома министр легкой промышленности издавал приказ о назначении. Она поняла, что такое номенклатура. Начальник цеха был номенклатурой райкома, директор – номенклатурой горкома партии. Партийные органы контролировали движение по должностям.

После собрания Леднев ее предупредил:

– Ты особенно не цепляй главного инженера. Без его согласия тебя никогда партком не утвердит. С начальниками цехов в основном он работает.

Когда Катерину принимали из кандидатов в члены партии, главный инженер не проголосовал ни за, ни против, он воздержался. Это было предупреждением. Она вступила в первую в своей жизни интригу. Как комсорга цеха, ее выбрали на пленум райкома комсомола. Однажды на пленуме в буфете она услышала, как секретарь райкома уговаривал молодого инженера с судоремонтного завода перейти в райком на должность заведующего отделом промышленности. Инженер отказался. И Катерина сразу смекнула – это место для Киселевой. Она поделилась своими соображениями с Ледневым. На следующее утро директор, зайдя к ним в цех, сказал Катерине:

– Хорошая идея!

Катерина не знала, с кем говорил директор, но после обеденного перерыва в цех позвонили из райкома комсомола и попросили к телефону Киселеву. Через неделю Катерину назначили исполняющей обязанности начальника участка. Когда Леднев ушел заместителем к директору, директор назначил ее исполняющей обязанности начальника цеха.

Впервые в жизни Катерину вызвали в райком партии. Прежде чем подняться на третий этаж – два первых занимали райисполком и райком комсомола, – она зашла к Киселевой.

Киселева, увидев ее, насторожилась.

– Есть проблемы? – спросила она.

– Есть, – ответила Катерина. – Боюсь.

– Чего боишься?

– Райкома. Первый раз иду. Не знаю, что спросят, что отвечать.

– А зачем вызвали?

– Леднев в заместители директора ушел. А я сейчас исполняю его обязанности.

Киселева задумалась. Катерина понимала, что та прокручивает варианты: и фабрику, и соотношение сил на фабрике Киселева хорошо знала. И Катерина понимала, что в райкоме обязательно заинтересуются мнением Киселевой о ней. Если она пойдет со мной к секретарю, значит вредить не будет, решила Катерина. Если не пойдет... Киселевой ведь ничего не стоит снять телефонную трубку и сказать все, что она думает о Катерине, а ничего хорошего она о ней не думает. Но и Катерина может выступить на очередном пленуме райкома комсомола. А Киселева знала, как Катерина может высмеять. И вдруг Киселева спросила:

– Это ты сказала директору, что в райкоме ищут заведующего отделом промышленности?

– Я Ледневу сказала...

– А Леднев решил от меня избавиться?

– Наоборот, – ответила Катерина. – Всегда хорошо, когда наверху есть свой человек. Я думаю, это только начало. Ты еще в ЦК партии будешь. Что ты – хуже Фурцевой? И моложе, и красивее.

Лесть должна быть грубой, вспомнила она слова директора, тогда она легко доходит. И Киселева рассмеялась.

– Пошли, – пригласила она.

Киселева провела Катерину в кабинет заведующего отделом промышленности.

– Это Тихомирова. С галантерейной фабрики. У меня мастером работала.

Заведующий отделом, мужчина лет тридцати пяти, был одет в синий костюм с малиновым галстуком. Катерина давно отметила, что мужчины из партаппарата предпочитают синие костюмы и серые или малиновые галстуки.

– Ее просил второй зайти, – сообщил заведующий.

– Мне с ней пойти? – спросила Киселева.

– Я пойду, – сказал заведующий.

Заведующий оставил Катерину в приемной и прошел в кабинет второго секретаря. Секретарша, молодая девица, что-то печатала и даже не посмотрела на Катерину. Включилось переговорное устройство, и Катерина услышала:

– Пусть Тихомирова войдет!

– Идите, – обратилась секретарша к Катерине.

Катерина открыла одну дверь, потом вторую и вошла в кабинет. За столом сидел грузный высокий мужчина.

– Здравствуйте, Катерина Александровна. – Он вышел из-за стола и пожал ей руку.

То ли заранее посмотрел мою анкету, подумала Катерина, то ли запомнил, как я выступала против начальника цеха.

– Ну и память у вас, Александр Иванович, – с уважением отметила Катерина.

– Да и ты памятливая, – ответил секретарь.

– Вас один раз увидишь и на всю жизнь запомнишь. Таких, как вы, один на тысячу.

– На сотню, – снизил секретарь и спросил нарочито строго: – Что-то ты больно быстро карьеру делаешь?

– Я способная, – улыбнулась Катерина. – Или вы хотите сказать, что меня кто-то подталкивает?

– Вообще-то, интересно было бы услышать...

– Это не меня, а я подталкиваю, – заметила Катерина. – Вы же были на собрании. Я выступила против начальника цеха, его перевели на большую должность. Выступила против Киселевой, ее заведующей отделом взяли в райком комсомола. Хотите, и вас подтолкну в горком партии?

– Меня не надо. – Секретарь рассмеялся. – А дела у вас на фабрике неважно идут.

– Не хуже, чем на других фабриках, – ответила Катерина.

– Но и не лучше, – заметил секретарь. – Может, директора поменять?

– На кого? – удивилась Катерина. – Если на главного инженера, то не надо.

Она отметила, как быстро переглянулись заведующий и секретарь.

– Почему? – поинтересовался секретарь.

– Завалит фабрику.

– Почему?

– Он москвич в пятом колене, а на фабрике в основном деревенские, лимита. Он презирает лимиту, а женщины это сразу чувствуют.

– Вы с директором из одной деревни? – спросил секретарь.

– Нет. Он смоленский, а я – псковская.

– Вы воспитываете ребенка одна?

– Да. Мать-одиночка. Была любовь. Но когда он узнал, что я лимитчица и живу в общежитии, испугался, что я буду претендовать на их жилплощадь. У нас на фабрике двадцать семь матерей-одиночек.

На фабрике давно поговаривали, что у нее ребенок от директора, слухи могли докатиться и до райкома. Своей откровенностью она сняла этот вопрос. Секретарь замолчал, что-то обдумывая.

– Ну хорошо, а у тебя есть планы, как улучшить работу цеха?

– Цех работает хорошо, – ответила Катерина. – Можно было бы только расширить номенклатуру изделий. Например, делать фурнитуру для швейной фабрики, которая в нашем районе. А то они всегда жалуются, что у них не хватает фурнитуры и поэтому не могут шить модную одежду. Если вы поможете с материалом, за полгода я бы освоила в цехе фурнитуру.

– За три месяца, – уточнил заведующий.

Катерина выдержала паузу, она уже знала правило: надо завышать сроки, все равно потребуют сделать быстрее.

– Хорошо, – согласилась Катерина. – Если поможете.

– Поможем, – заверил секретарь, и Катерина поняла, что ее участь решена. Она уже начальник цеха.

Когда она возвращалась на фабрику, ее уже на проходной предупредили, чтобы зашла к директору.

– Рассказывай! – попросил директор. – С подробностями.

Она пересказала разговор в райкоме. Директор прошелся по кабинету:

– Молодец. Ни одной ошибки. Неужели ты такая умная?

– Не очень еще, если понять не могу, почему главный инженер против вас.

– Это нормально, – пояснил директор. – Почти по Дарвину – естественный отбор. Выживает более сильный, более приспособленный к условиям существования, в которых он обитает.

– Более сильный или более умный?

– И то и другое. Более молодые теснят старых.

– Но вы же не старый.

– Я засиделся на фабрике. Я, наверное, скоро уйду в министерство. И на мое место придет главный инженер. Больше некому.

– Но он же не потянет, и вы это знаете.

– Некоторое время потянет, а потом придет другой директор, а потом директором станешь ты.

– Смеетесь?

– Нисколько. Я тебе уже говорил, ты запрограммирована руководить. Вспомнишь мои слова. Ты будешь директором этой фабрики.

Слова директора сбылись и не сбылись. Через год она ушла с фабрики. Закончив три курса химико-технологического института, Катерина поняла: ей надо переходить на работу, связанную с ее будущей профессией инженера-технолога. И она еще раз обратилась с просьбой к академику.

Академик позвонил знакомому директору химического комбината. На следующий день она приехала к нему.

– Пойдешь сменным мастером? – спросил Катерину директор.

– Пойду, – ответила она.

Директор был пятидесятилетний, полный, краснолицый. Наверное, гипертоник, подумала Катерина. Он отложил ее анкету и заинтересовался:

– Ты академику кем доводишься?

– Внучатая племянница.

– А почему на производство? Может, лучше в научно-исследовательский? Там работа почище. Начала бы лаборанткой, потом младшим научным...

– У меня ребенок. Одна воспитываю. Мне деньги нужны.

– Ну, как знаешь. – Директор снял телефонную трубку, набрал номер. – К тебе пойдет Тихомирова, оформи ее мастером в капролактамовый.

На следующий день Катерина подала заявление об уходе с фабрики. Зашла в директорский кабинет к Ледневу, бывший директор уже работал в главке Министерства легкой промышленности.

– Если передумаешь, всегда можешь вернуться, – предложил он.

– Не передумаю, – ответила она.

...Катерина вскочила. Ей показалось, что с момента, когда она выключила будильник и снова заснула, прошел час и возле дома давно топчется шофер (уже три месяца она была директором комбината, и за ней приезжала персональная «Волга»). Катерина взглянула на часы – прошло, оказывается, не более двух минут. Она вспомнила, что дала сегодня шоферу выходной и придется ехать на своей машине.

Катерина убрала постельное белье в ящик, сложила тахту. Прошла в ванную, включила душ, вначале чуть теплый, потом горячий, потом холодный, снова горячий и снова холодный. Стоя перед зеркалом, осмотрела лицо, шею. Все в норме. Сорока лет ей никто не давал. Почему-то вспомнила вечеринку, которую они устроили с Людмилой в высотном доме в квартире академика, и как один из гостей сказал: «В сорок лет жизнь только начинается».

Но у нее ничего не начиналось, только продолжалось. На комбинате она прошла по всем ступеням: мастером, технологом цеха, главным технологом комбината, заместителем директора. Прав был директор галантерейной фабрики: она стала директором, только не фабрики, а комбината.

Катерина вошла в комнату дочери.

– Вставай, Александра!

Александра села на кровати, не открывая глаз. Катерина знала, что, как только она выйдет из комнаты, Александра снова ляжет. Так и произошло: когда Катерина через несколько минут заглянула к ней, Александра спала.

Катерина подняла ее, положила на пол, прошла на кухню. Поставила кофейник, сделала бутерброды, снова заглянула к дочери. Надев наушники плеера, Александра двигалась в такт музыке – это у нее называлось зарядкой.

Катерина налила себе кофе. Двух бутербродов с сыром на завтрак хватало до обеда. Для прежнего директора в столовой комбината готовили отдельно. За его кабинетом была комната для отдыха, куда ему приносили еду. Директора крупных предприятий, подражая министрам и начальникам главков, завели у себя комнаты отдыха с туалетом и душем. Все это Катерине досталось от прежнего директора. Она отменила специальную готовку для себя и ходила в столовую, вставая в общую очередь. Ее пытались пропустить вперед, но она выстаивала всю очередь. Ей рассказали, что столовая как-то сразу стала работать лучше, и даже появились ножи, которых раньше никогда не было.

Катерина просматривала свой блокнот, заполненный по часам: что сделать, кому позвонить, кого вызвать, в каком из цехов побывать.

Вошла Александра, налила себе кофе и спросила:

– Когда вернешься?

– Не знаю. Вероятно, поздно.

– Значит, я могу пригласить девочек?

– И мальчиков тоже.

– Само собой, куда ж без мальчиков.

- Я тебя поздравляю, – сказала Катерина.
- С чем?
- С первым днем занятий в институте.
- Спасибо. А с чем тебя поздравить?
- Пока не с чем.

Катерина прошла в свою комнату, стала заряжать, как она говорила, свою сумку: деловой блокнот, пачка сигарет (она курила мало, до пяти сигарет, и на комбинате, кроме ее секретаря и шофера, не знали, что она курит). Положила зажигалку, газовый баллончик, который привезла из Франции, где была в командировке. Квартиру она получила в новом районе, в Крылатском, и баллоном один раз попользовалась, когда двое парней в подъезде пытались вырвать у нее сумочку. Днем баллончик она держала в сумочке, но вечером перекладывала в карман пиджака. Она слышала о нападениях и была готова к нападению. Парень, который схватился за ее сумку, вскрикнул от неожиданности, закрыл лицо руками, второму досталось меньше. Сама она полчаса мыла лицо, покрывшееся красными пятнами, а глаза слезились целый вечер.

Катерина положила в сумку ключи от квартиры, ключи от машины, губную помаду, пудреницу, кошелек с деньгами и улыбнулась – вспомнила, что вчера позвонил Петров. Он приехал на неделю раньше из санатория, его вызвал министр. Катерина достала из заветного места ключи от квартиры Людмилы, где она встречалась с Петровым. Он работал в Министерстве химической промышленности, через его управление закупалось импортное оборудование для химических комбинатов. Катерина с ним познакомилась, когда стала главным технологом комбината. Оборудование для комбината закупали в Чехословакии, и она вошла к Петрову перед командировкой в Прагу. Вошла в кабинет, увидела мужчину лет сорока в хорошем темно-сером костюме, модном галстуке – заметно отличался от министерских мужиков. Петров, увидев ее, сморщился:

- Откуда? Почему не знаю?
 - Я с капролактамового комбината, – начала объяснять Катерина.
 - Да я не об этом, – отмахнулся Петров. – Такая красивая, а я не знаю.
- Петров вышел из-за стола, обошел ее, рассматривая со всех сторон.
- Я по делу, – сухо вато заметила Катерина.
 - А это и есть самое главное дело. Давай сегодня поужинаем вместе.
 - Давайте обсудим мои проблемы. – Катерина достала документацию.
- Петров выхватил документацию и, не читая, написал: «Согласен. Петров».
- Что еще тебе подписать? Все подпишу. Я предлагаю ресторан «София», но готов на любое твоё предложение.

- Спасибо, – поблагодарила Катерина. – Но у меня дела.
- Извини, – сказал Петров и попросил: – Покажи, пожалуйста, что я тебе подписал.

Катерина протянула ему лист, и Петров подписал к своей резолюции «Не». Получилось: «Не согласен. Петров».

- Послушайте, – начала Катерина.
- Не хочу слушать!
- Но мне надо вылетать через два дня!
- Летите, голуби, летите!

Катерина не хотела ссориться. Сейчас ты получишь по балде, решила Катерина, но Петров перехватил инициативу. Он вызвал секретаршу и попросил:

– Перепечатайте. Товарищ Тихомирова не вычитала заявку на оборудование. Установка КХП имеет порядковый номер по году изготовления – 73. Кстати, эти установки у чехов никто, кроме нас, не берет.

Он ведь только взглянул на заявку и за секунды увидел ошибку, удивилась Катерина и тут же прониклась к Петрову уважением. Катерина вообще уважала профессионалов, они так редко встречались ей.

– Перекурите, – предложил Петров.

– Спасибо, – ответила Катерина. Что-то ее остановило сказать привычное: я не курю.

Петров закурил «Мальборо».

– А вы курите «Салем» с ментолом. А духи у вас «Клима».

Катерина действительно предпочитала сигареты с ментолом и духи «Клима». Но еще ни один мужчина не говорил ей об этом и не обращал на это внимания.

– Извините меня за мою настойчивость, но очень вы мне понравились. Очень! Вошла женщина, и у меня аж зубы заломило. Это у меня второй раз в жизни. Жарко. Хочу в прохладный зал. Холодного шампанского хочу, в ведерке со льдом.

– Я согласна, – сдалась Катерина. – Когда?

– Прямо сейчас.

– В рабочее время?

– Конечно. В нерабочее время – это целое мероприятие. А в рабочее – всегда приятно.

И посетителей в ресторане почти нет, обслуживают быстро.

Секретарша принесла перепечатанную заявку. Петров подписал, вызвал машину, и через пять минут они были в ресторане. Петров смешно рассказывал о министерских, Катерина многих знала по фамилиям, с некоторыми встречалась на совещаниях. Она спрашивала, Петров давал характеристики.

– Мудак! Отстал лет на двадцать. Зануда! Подозрителен, закомплексован, мстителен. Бабник! И скупердяй к тому же, специализируется на министерских бабах, расплачивается выгодными командировками за рубеж. Толковый! Следит за последними достижениями. Зануда, но профессионал. Из партийных работников. Начинал с Брежневым в Молдавии. Неконфликтен, потому что кандидат в пенсионеры.

Они просидели в ресторане четыре часа. У Катерины кружилась голова. Петров заказал еще две бутылки шампанского и предложил:

– Поехали ко мне!

– Поехали, – согласилась Катерина.

Квартира, в которую ее привез Петров, была явно нежилой, с минимумом мебели.

У Катерины уже больше года не было мужчины. Она прошла в ванную. Петров, открыв дверь, смотрел на стоящую под душем Катерину. Пока она мылась, Петров застелил тахту прохладными накрахмаленными простынями. Он, по-видимому, был опытным любовником, не торопился.

– Не торопись, – просил он и ее.

– Не могу! – выдохнула она.

Когда они уже спокойно лежали, он принес ее сумочку и пепельницу. Она жадно закурила.

– Ты не замужем? – спросил он.

– Не замужем, – ответила она. – И уже год ни с кем не спала.

– Разве такое бывает? – удивился он.

– Бывает...

– Этого больше не будет, – произнес он торжественно, как клятву.

А она лежала и думала, что этот роман может закончиться мгновенно, как и начался. У нее были уже такие. Но Петров позвонил ей на следующий день:

– Умоляю. Я очень, очень хочу повторения.

– Перезвони через десять минут, – попросила она и позвонила Людмиле. Ей не хотелось встречаться в незнакомой нежилой квартире. Как она потом узнала, Петров снимал квартиру

на пару с приятелем. В квартире была тахта, два стула, чайник, две чашки и старый холодильник «Север», который пугающе громко время от времени включался.

Она сделала дубликат ключей от квартиры Людмилы, и они постоянно, хотя и не часто стали встречаться. Роман с Петровым оказался необременительным и приятным. Она понимала, что сейчас роман этот уже на излете, может быть, у Петрова появилась другая женщина. Но он позвонил вчера, и она согласилась встретиться.

Обсуждая этот роман с Людмилой, Катерина как-то сказала:

- Надо кончать. Жалко времени.
- У тебя есть выбор? – спросила Людмила.
- Выбора нет.
- Когда будет, тогда и будешь решать.

Катерина прошла на кухню, где Александра не торопясь пила кофе. Катерина хотела дать ей последние указания, но Александра ее опередила:

– Знаю, все знаю, – сказала Александра. – Обед в холодильнике. Суп из концентратов. Антрекоты. Компот консервированный. Посуду помою.

– Тогда пока! – улыбнулась Катерина.

– Пока, – улыбнулась ей Александра.

Катерина вышла во двор, оглядела свои «жигули» на остановке возле дома. Машина стояла ровно, значит, правое заднее не спускает. Надо попросить, чтобы механики посмотрели машину.

Она открыла машину, отключила сигнализацию, вставила ключ зажигания. Двигатель завелся мгновенно. Она недавно поменяла аккумулятор. Тронулась с места, прислушиваясь, как ведет себя машина на ходу. Вчера застучала правая подвеска. Она надеялась, что ей это показалось, но стук повторился и сегодня. Придется менять подвеску, решила она. Катерина увеличила скорость. Дорога в этот утренний час уже была забита транспортом. Она держалась в потоке, не обгоняя, но и не давая вклиниться впереди себя. Катерина водила хорошо, чувствовала машину. Она вообще хорошо чувствовала механизмы, будь то станок, установка, часы или автомобиль. Когда училась водить, то, к удивлению инструктора, в первые же полчаса освоилась с правилами вождения и почувствовала себя за рулем уверенно.

Катерина въехала на комбинат вместе с первым потоком работниц.

Вахтер на проходной, увидев ее машину, тут же открыл шлагбаум. Она притормозила, улыбнулась ему и сказала:

– Доброе утро, Спиридон Степанович!

Она помнила сотни имен. Этому ее научил еще директор на галантерейной фабрике.

– Людям приятно, что их помнят. Знать всех по имени – первое правило руководителя, – говорил он.

Она пошла дальше своего учителя. Отдел кадров подготовил ей списки, у кого когда день рождения. Начальникам служб она обычно звонила утром и поздравляла. Для работниц были заготовлены открытки со стандартным текстом, но если она знала работницу, то обязательно приписывала: «Зина, я тебя помню и люблю». Она имела на это право, проработав на комбинате почти пятнадцать лет.

Ее секретарю Аделаиде было под пятьдесят, она работала секретарем еще у директора галантерейной фабрики. Катерина, как только стала директором комбината, переманила ее от Леднева. Леднев вначале обиделся, но потом простил. Катерина все еще формировала свою команду, этому она тоже научилась у первого своего директора.

В комнате отдыха за кабинетом Катерина выпила кофе, выкурила сигарету, подумала, что сегодня день придется уплотнить: с Петровым она договорилась встретиться во второй половине дня и на комбинат сегодня вряд ли уже вернется.

Она вошла в кабинет, набрала номер телефона. Трубку снял главный инженер. По его усталому голосу она поняла, что он работал всю ночь.

– Здравствуй, – сказала она. – Что с новой установкой?

– Пока никак. Дает брак.

– Поезжай домой. Отдохни!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.